Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Хабаровский организационно-методический центр Дальневосточного отделения Российской академии наук»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хабаровский государственный институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 2 (25) / 2018

ЭР00910

ДВ государственная научная библиотека

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
Воронов Борис Александрович
сопредседатель
(Хабаровский организационно-методический центр ДВО РАН)

Минакир Павел Александрович
сопредседатель
(Институт экономических исследований ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович
сопредседатель
(Правительство Хабаровского края, министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич
(Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович
(Ленинградский областной институт развития образования, г. Санкт-Петербург)

Иванченко Сергей Николаевич
(Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск)

Флиер Андрей Яковлевич
(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет)

Шейкин Юрий Ильич
(Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
Главный редактор
Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора
Бляхер Леонид Ефимович
Савелова Евгения Валерьевна
Филаткина Ирина Викторовна
Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений
Байков Николай Михайлович
Готнога Александр Васильевич
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович
Качанова Елена Юрьевна
(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович
Дубинина Нина Ивановна
(Историописание. Наследие)

Рубан Николай Иванович
Крюков Иван Владимирович
(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич
(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна
Никитин Алексей Алексеевич
Шавгарова Анна Владимировна
(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна
Наумова Раиса Вячеславовна
(Библиография)

ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА
Выпускающий редактор **О. Н. Волкотрубова**
Вёрстка **Е.Е. Кравцова**
Корректор **Г. И. Казачук**
Перевод на англ. яз. **Н. С. Амплеева**

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-66926 от 25.08.2016 г.
ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online), www.fessl.ru/KNDV/

Адрес редакции:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20
E-mail: ivfilat@mail.ru,volkotrubova.olga@yandex.ru

© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

ЭР00910

СОДЕРЖАНИЕ:

▶К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ
Хасанская эпопея 4
Филонов Александр Михайлович

Николаевск-на-Амуре и казаки 10
Бойко Виктор Моисеевич

Волочаевская битва, или «И останутся как в сказке»?.. (История создания панорамы) 15
Андык Светлана Алексеевна

История корейской слободы в г. Хабаровске (1860–1930-е гг.) 21
Ракова Ольга Алексеевна

▶К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА
Теоретическая и публицистическая критика Всеволода Никаноровича Иванова 27
Якимова Светлана Ивановна

Жанровое многообразие дневниковых текстов писателя и мыслителя Вс. Н. Иванова 31
Позина Наталья Сергеевна

История в жизни и творчестве Всеволода Никаноровича Иванова 46
Максимова Юлия Алексеевна, Якимова Светлана Ивановна

Вс. Н. Иванов и литературные приложения к владивостокской газете «Русский край» (1921–1922 гг.) 50
Пидченко Вера Евгеньевна, Якимова Светлана Ивановна

Исторические факты свидетельствуют, что, начиная с похода дружины Ермака (1581–1585), вся Сибирь до Тихого океана за 60 лет была открыта и освоена простыми русскими вольными людьми — казаками. Они основали десятки острогов и зимовий, ставших сейчас прекрасными городами. Не исключение и Николаевск...

В Николаевске до прибытия первого амурского сплава (летом 1854 года) было всего 54 человека: мужчин — 34, 11 женщин и 9 детей. Все они в первый год размещались в одной тесной и сырой казарме (90 кв. м) с окнами без стёкол и бревенчатым полом. Из них 26 человек — казаки. Они и были первыми и главными строителями Николаевского поста.

В годы Гражданской войны Вс. Н. Иванов заявил о себе как издатель целого ряда газет, которые впоследствии стали культурным достоянием Сибири и Дальнего Востока. Одним из таких изданий стала «Вечерняя газета», в которой Всеволод Никаноровичь выступил учредителем, сам трудился в должности главного редактора и при этом активно сотрудничал с другими СМИ Дальнего Востока России. Его богатое журналистское наследие и сегодня вызывает большой интерес у читателя и исследователя журналистики.

По данным мониторинга ДВГНБ, за три последних года муниципальными библиотеками Хабаровского края было реализовано 43 проекта с привлечением дополнительных финансовых средств по заявкам на сумму 4 миллиона 855,1 тысячи рублей. Степень участия библиотек в проектной деятельности за три года возросла почти в два раза. Объём выделенных грантовых средств для реализации творческих проектов муниципальных библиотек увеличился в 3,3 раза.

ДВГНБ

▶ИСТОРИОПИСАНИЕ
Фотожурналист Георгий Липскеров — свидетель эпохи.....54
Гаврилов Сергей Витальевич

Деятельность Алексея Флегонтова в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.).....60
Богданов Сергей Александрович

Потомственный миссионер Афанасий Протодиаконов.....66
Рубан Наталия Алексеевна

История семьи Масюка — Елизаровой в архивных документах.....71
Никишина Елена Владимировна

Георгий Шипков — учёный-богослов с Приамурья.....76
Никитина Нина Фёдоровна

▶ТОЧКА ЗРЕНИЯ
Культурология как система познания 82
Флиер Андрей Яковлевич

▶СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
Проектная деятельность общедоступных муниципальных библиотек Хабаровского края.....87
Киселёва Людмила Борисовна

▶ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ
Главные маркеры этнической культуры народов Нижнего Амура и Приморья в коллекциях В. К. Арсеньева.....92
Глебова Елена Викторовна

Процесс заготовки сена занимал большую часть лета. Это время связано у дальневосточников с трудом, с положительными эмоциями. Для многих юношей и девушек сенокосная пора становилась началом дружеских и любовных взаимоотношений. С сенокосом связано много примет, обычаев, поверий, знаний, которые почти полностью забыты. Тематическая группа слов, называющая предметы и реалии процесса заготовки сена, довольно обширна, но на современном этапе, к сожалению, представляет собой устаревшую лексику, информация о которой содержится в диалектных словарях и других краеведческих источниках.

Расцвет инструментального джазового музицирования наступает в 1960-е годы благодаря оркестру Олега Лундстрема... Большинство участников первого оркестра Лундстрема не были профессионалами, они получили техническое образование, однако были так увлечены джазом, что твёрдо решили заниматься только этой музыкой. Постепенно коллектив стал знаменитым: работал в танцевальных залах Шанхая, гастролировал в Гонконге, на Цейлоне. Руководителя оркестра — О. Лундстрема — стали называть «джазовым королём Дальнего Востока».

Николай Дмитриевич Наволочкин, дальневосточный писатель (участник Великой Отечественной войны, почётный гражданин г. Хабаровска), создал совершенно неординарный образ кота в повести «Каникулы кота Егора» (1972). Названное произведение наполнено светлым юмором, добротой и умными мыслями, обращёнными к читателям. Кот Егор сочетает в себе множество традиционных и сугубо индивидуальных черт.

Диалектные названия, связанные с процессом сенокоса, в русских говорах Приамурья 99
Приходько Виктория Константиновна

▶ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА
Культурное пространство иллюстраций Геннадия Павлишина к амурским сказкам 103
Шишкина Виктория Авенировна

Один писатель, два поколения, три книги.....112
Чэнь Шусянь (陈淑贤)

Что такое искусство и как его понимать? (Попытка популярного размышления на тему).....121
Бабуров Владимир Филиппович

История отечественного джаза (1950–1970-е гг.).....128
Тринеева Инна Михайловна

Опера на хабаровской сцене в конце 1920-х годов.....137
Сырвачева Светлана Сергеевна

▶НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ
Традиционность и самобытность образа кота Егора в повести Н. Д. Наволочкина «Каникулы кота Егора».....147
Лобанова Алина Андреевна

Роль вузов в укреплении сотрудничества между городами-побратимами — Хабаровском и Харбином (на примере Тихоокеанского государственного университета) 151
Толщина Анастасия Александровна

Информация для авторов 155

ДЕПО

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

ХАСАНСКАЯ ЭПОПЕЯ

Статья приурочена к 80-летию вооружённого конфликта в районе озера Хасан. Автор, опираясь на обширные источники, обстоятельно раскрывает суть тех летних событий 1938 года, описывает обстановку, сложившуюся к этому времени на советском Дальнем Востоке, в том числе и на границе с сопредельными государствами, перечисляет ряд факторов, повлиявших на исход конфликта.

Ключевые слова: озеро Хасан, СССР, Япония, Красная Армия, Маньчжурия, В. К. Арсеньев, Краснознамённый Дальневосточный фронт.

Keywords: Lake Khasan, USSR, Japan, Red Army, Manchuria, V. K. Arsenyev, Far Eastern Front.

ДВГНБ

Указом Президиума Верховного Совета СССР 20 октября 1938 года Дальневосточный край был разделён на Приморский и Хабаровский края. Необходимость образования двух самостоятельных краёв была обусловлена возросшими масштабами хозяйственного и культурного строительства на Дальнем Востоке и потребностями совершенствования управления. Кроме того, пограничное положение с Маньчжурией, оккупированной Японией, постоянная военная угроза с сопредельной стороны вынуждали советское правительство принимать экстренные меры по укреплению обороноспособности региона [11, с. 25, 28].

Особенно актуально это стало после пресечения локального пограничного конфликта в районе озера Хасан. В отечественной истории военные события на Хасане справедливо именуются как предвестники новой мировой войны. Накануне их 80-летия рассмотрим первую попытку Японии прорваться на советскую территорию, закончившуюся полным разгромом.

После пресечения в 1929 году вооружённого конфликта на КВЖД, развязанного белокитайцами, советское правительство приняло определённые меры по повышению боеготовности дальневосточной группировки войск.

Это было своевременным шагом, так как с осени 1931 года Япония начала оккупацию соседней Маньчжурии, а весной 1932-го японские войска вышли на государственную границу с СССР. Но к началу 1934 года непосредственная угроза японского нападения на советский Дальний Восток снизилась, и в Москве вздохнули с облегчением. Думается, что причиной «облегчённого вздоха» была не только подготовка Японии к войне с Китаем. «Северный вариант» войны японской военщиной не отвергался. К этому периоду общая численность советских вооружённых сил на Дальнем Востоке по сравнению с 1929 годом увеличилась втрое, значительно были усилены Приморская и Забайкальская группы войск, завершалось формирование Тихоокеанского флота, береговых укреплений и т. д. Кроме того, ещё в марте 1932 года на Дальнем Востоке был сформирован особый колхозный корпус. Были проведены и другие мобилизационные и организационно-технические мероприятия, позволявшие значительно укрепить оборонную мощь вооружённых сил Дальнего Востока и перейти к активному противодействию провокационным вылазкам войск Квантунской армии.

Летом 1938 года, получив информацию о трудностях японской экономики вследствие войны в Китае и неготовности в данный момент к войне с Советским Союзом, И. Сталин впервые решил продемонстрировать твёрдость в отношении с Японией. К тому времени на Дальнем Востоке было создано оперативно-стратегическое объединение — Краснознамённый Дальневосточный военный фронт. Несмотря на возражения командующего фронтом В. К. Блюхера, И. В. Сталин настоял на силовом решении конфликта, вспыхнувшего у озера Хасан. И хотя с военной точки зрения бои были не слишком удачными для советских войск, они обернулись значительной моральной и политической победой СССР.

В 1990-е годы в отечественной историографии и публицистике появилось немало высказываний, в которых ответственность за пограничные конфликты с Японией в основном возлагается на советскую сторону [6, с. 19–20].

Проблема «ответственности» советского руководства представляется несостоятельной на фоне новых материалов и фактов, извлечённых из архивов.

Ещё в 1928 году большой знаток дальневосточных событий В. К. Арсеньев в аналитической записке советскому руководству, в «Секретном докладе», приводит любопытные факты из истории японо-российских отношений.

Во время посещения Японии военный губернатор Приморской области П. Ф. Унтербергер (1888–1897) уже тогда в полной мере осознал всю серьёзность намерений японских военных. Встречавший его офицер генштаба Ояма показал гостю строящееся здание академии генштаба, много говорил о реорганизации армии, флота и т. д. На вопрос Унтербергера: «Зачем вам становиться на путь милитаризма? Вы знаете, каким бременем этот милитаризм ложится на плечи европейских народов?.. С кем вам воевать?» — Ояма ответил: «Как вы не понимаете? Конечно, с вами» [1, с. 580].

Тогда ещё не было КВЖД, не было вопросов о Порт-Артуре и концессиях в Корее.

После Гражданской войны и военной интервенции на российском Дальнем Востоке Япония контролирует Курильские острова, заперла Охотское море. В её руках почти все морские пути, пользование которыми зависит от её воли. Главная же цель Японии, делает вывод В. К. Арсеньев, выйти на реку Амур, полностью отбросить Россию от берегов Тихого океана и играть главенствующую роль в решении международных вопросов, касающихся Азиатско-Тихоокеанского региона.

В 1934–1935 годах в военном ведомстве Японии был разработан план «Оцу», предусматривавший сосредоточение японских войск на юге Сахалина и в районе Хайлара (Монголия). План был одобрен генштабом и в марте 1935 года утверждён императором. Разработка планов нападения на СССР сопровождалась практическими мероприятиями. С 1931-го по 1937 год численность японских войск в Северо-Восточном Китае возросла с 65 до 200 тысяч человек, число самолётов увеличилось втрое, танков — более чем в 10 раз. Широкий размах получила подготовка диверсионных отрядов, разведывательной сети. С 1932-го по 1937 год солдаты японской армии 321 раз нарушали советскую границу, зачастую целыми отрядами [3, с. 274].

ДВГНБ

Новый, 1938 год характеризовался крайне напряжённой обстановкой. Провокации, нарушения границы проходили почти ежедневно. В этот год Япония перебросила на территорию СССР 1 754 агента разведки, 124 раза нарушали границу отряды японских солдат, 210 раз — военные суда, 40 — самолёты. Затем последовали бои у озера Хасан [2, с. 340–346].

Атаман Семёнов, арестованный в 1945 году после разгрома советскими войсками японской Квантунской армии в Маньчжурии, показал: «В 1936 г. я встретился с начальником штаба Квантунской армии генералом Окамура. От него я выяснил, что японский план вторжения предусматривает присоединить Уссурийский край к Маньчжоу-Го и создать буферное государство от Байкала на Восток, сделав меня главой правительства... Ярким выразителем японских агрессивных планов этого периода являлся военный министр генерал Араки. Между мною и Араки еще со времени японской интервенции 1918–1922 гг. существовали дружеские отношения... В 1936 г. Араки мне рассказывал, что... план Японии в данный период сводится к тому, чтобы добиться военным путем отторжения Восточной Сибири и Приморья от СССР и создать на этой территории буферное государство. Араки тогда уже пояснил, что прежде всего Япония захватит только Приморье, но это не будет означать прекращения дальнейшего продвижения в глубь СССР. Целью Японии остается на всё время территория, начинающаяся от Байкала на Восток, заявил в заключение Араки» [7, с. 111–112].

В начале 1990-х годов была приоткрыта другая тайна, имеющая непосредственное отношение к хасанским событиям. Незадолго до пограничного конфликта у озера Хасан в ночь с 12 на 13 июня 1938 года во время служебной командировки в Приморье на участке Посьетского погранотряда сбежал в Маньчжурию через советско-маньчжурскую границу Генрих (Григорий) Самойлович Люшков, начальник УНКВД по Дальнему Востоку, комиссар госбезопасности третьего ранга, депутат Верховного Совета СССР. Люшков был одним из доверенных лиц руководителей НКВД Н. Ежова и Н. Агранова, участвовал в следствии по делу об убийстве С. Кирова и «заговоров» против Сталина, вёл следствие по делу Г. Зиновьева. Он ожидал вызова в Москву и догадывался, что это может означать.

В ходе обстоятельных допросов в Сеуле с 14 по 18 июня 1938 года, а позже в Токио Г. Люшков откровенно раскрыл японцам в пределах своей компетенции секреты Советского Союза. По своему положению он был не просто знаком с составом Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА) по родам войск, их дислокацией, состоянием приграничных укрепрайонов, но и осведомлён о военно-политическом потенциале советского Дальнего Востока, в том числе об оборонном строительстве и о военной промышленности. Он наверняка знал взгляды, расчёты, планы военно-политического руководства страны на случай военного конфликта, в первую очередь с Японией. Поведал он и о дезинформационных мероприятиях ОКДВА.

Одновременно Г. Люшков являлся старшим начальником пограничных войск, поэтому многое знал о системе охраны госграницы, об организации работы по сбору информации с Маньчжурии.

На основе его показаний японская армия получила полное представление о военной мощи, об организационной структуре, о вооружении, дислокации, об основе тактики Красной Армии. По утверждению японцев, Люшков передал им карты и другие документы о советской дальневосточной группировке войск. Но японские офицеры пренебрежительно отнеслись к информации, полученной таким образом, что и стало одной из причин жестокого поражения японской армии у озера Хасан и на Халхин-Голе. Ясно одно, что после раскрытия Люшковым государственных и служебных тайн уязвимость советского Дальнего Востока неизмеримо увеличилась. Для нейтрализации нанесённого ущерба потребовалось проведение дорогостоящих кардинальных мероприятий.

Военный историк Е. А. Горбунов, написавший книгу о тайной войне на Дальнем Востоке в 20–30-е годы XX века, отмечает, что Люшкову были известны шифры, которыми пользовались органы НКВД и пограничники на Дальнем Востоке. И наверняка эту ценную информацию он передал японцам. Очевидно, эта информация позволила японской радиоразведке расшифровать одну из телеграмм советских пограничников. Расшифровка этой радиограммы могла ускорить хасанские события. Он подчёркивает, что это одна из версий событий тех далёких лет, но и она имеет право на существование.

Японская радиоразведка перехватила и расшифровала одну из радиограмм Посьетского погранотряда в Хабаровск. В ней отмечалось оперативное значение двух ранее не охранявшихся высот, расположенных на границе западнее озера Хасан, у стыка границ Кореи, Маньчжурии и СССР. В конце радиограммы испрашивалось разрешение приступить к фортификационным работам на высотах и организовать на них постоянное наблюдение[1] [5].

1 Об этом также см.: Тайна ночного побега. Перевод статьи профессора Гавайского университета Джона Стефана (по материалам архивов Японии, Китая, др. стран) // Тихоокеан. звезда. 1990. 23 февр. ; Николаев С. Тайна ночного побега // Пограничник Северо-Востока. 1990. 17 мая (№ 37/38).

ДВГНБ

ЭР00910

Другие историки обосновывают свои версии событий. На наш взгляд, наиболее бесспорно утверждение тех историков, которые считают, что полученные от Люшкова сведения об охране дальневосточной границы только утвердили японское командование в том, что его военные планы по вторжению на советский Дальний Восток будут легко осуществимы. Но японцы глубоко заблуждались. Их замыслы были своевременно раскрыты, и вторжение трёх японских дивизий на советскую территорию в районе озера Хасан было успешно отражено.

Выше отмечалось, что после вторжения японской армии в Северный и Центральный Китай (1937 г.) провокационные налёты на советскую территорию приняли более крупные масштабы.

15 августа 1938 года японское правительство через своё посольство в Москве предъявило правительству СССР требование об отводе советских войск с высот, расположенных в районе озера Хасан. Категорически отвергнув его, Наркомат иностранных дел СССР представил японскому посольству официальные документы — текст Хунчуньского русско-китайского соглашения 1886 года и приложенные к нему карты, согласно которым высоты к западу от озера Хасан принадлежали России. Этим документам японское посольство смогло противопоставить лишь неопределённые данные правительства Маньчжоу-Го и вымышленное утверждение о проведении маньчжурским населением религиозных праздников на указанной территории.

Ничего не добившись дипломатическими переговорами, японское правительство попыталось применить силу. 29 июля 1938 года два японо-маньчжурских отряда перешли советскую границу в районе озера Хасан, но пограничное подразделение выбило их с советской территории. 31 июля части японской армии произвели тщательно подготовленную ночную атаку, в результате которой продвинулись на четыре километра в глубь советской территории. Японские войска были и на этот раз изгнаны. 2 августа крупные японские силы вновь перешли советскую границу и повели бой за высоту Заозёрную. Советская артиллерия и авиация нанесли японцам поражение.

4 августа японский посол в Москве Сигемицу предложил приступить к переговорам об урегулировании конфликта. НКИД СССР ответил, что инцидент возник по вине японской стороны и что если японцы прекратят нападения на советскую территорию и выведут из пределов СССР остатки своих войск, то советское правительство будет согласно приступить к переговорам, а также создать смешанные комиссии по демаркации границы (о которых велись переговоры ещё до конфликта), но исключительно на основе существующих соглашений и карт.

Однако уже на другой день началось новое наступление японских войск, поддержанное тяжёлой артиллерией. Несколько дней японские войска предпринимали безуспешные атаки на высоту, занимаемую советскими войсками, но под ударами Красной Армии были вынуждены отступить, а японская дипломатия поспешила прийти к соглашению с советским правительством.

10 августа стороны договорились о прекращении военных действий. Как советские, так и японские войска оставались на тех позициях, которые они занимали к 24 часам 10 августа. В дальнейшем при демаркации границы были использованы исключительно документы, представленные советской стороной.

Таким образом, спровоцированный японским правительством Хасанский конфликт закончился полным поражением агрессоров [4, с. 543–544].

В своей очередной книге Н. Стариков, автор известных бестселлеров по истории России, остро ставит вопрос о компетентности командующего Дальневосточным фронтом В. К. Блюхера. По его мнению, поведение Блюхера во время боёв с японцами наталкивает на вопрос: какой армии маршалом был товарищ Блюхер? Наши пограничники зашли на три метра дальше, и это является поводом для признания правоты японцев и невыполнения приказов наркома обороны? Именно такое поведение и являлось сдерживающим фактором нашей политики в начале 1930-х годов. Как видим, и к середине 1938 года задача очищения армии, органов и партии от троцкистской пятой колонны еще не была решена до конца. Армия ОБЯЗАНА выполнять приказы не рассуждая. Именно в этом залог победы. О поведении Блюхера нарком Ворошилов издаст 31 августа 1938 года секретный приказ, в котором говорилось: «Руководство командующего Дальневосточного Краснознамённого фронта маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством. Всё его поведение за время, предшествовавшее боевым действиям, и во время самих боёв явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооружённого отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории. Заранее зная о готовящейся японской провокации и о решениях правительства по этому поводу, объявленных тов. Литвиновым послу Сигемицу, получив ещё 22 июля директиву наркома обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, тов. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпора врагу и не принял действительных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого

ДВГНБ

он совершенно неожиданно 24 июля подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена Военного Совета тов. Мазепова, своего начальника штаба тов. Штерна, зам. наркома обороны тов. Мехлиса и заместителя наркома внутренних дел тов. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, тов. Блюхер послал комиссию на высоту Заозёрная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила "нарушение" нашими пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, "установила" нашу "виновность" в возникновении конфликта на озере Хасан. Ввиду этого тов. Блюхер шлёт телеграмму наркому обороны об этом мнимом нарушении нами маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других "виновников в провоцировании конфликта" с японцами. Эта телеграмма была отправлена тов. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей. Даже после указания от правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского Правительства и приказов наркома обороны, тов. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооружённого отпора японцам» [10].

На странную телеграмму Блюхера Ворошилов ответил: «Прекратить возню со всякими комиссиями и точно выполнять решения Советского Правительства и приказы Наркома». Пройдёт время, Сталин будет буквально уговаривать Блюхера выехать на место боя и воевать как надо, применяя авиацию.

В итоге наши войска понесли неоправданные потери, а маршал Блюхер был арестован и 9 ноября 1938 года умер в Лефортовской тюрьме. По мнению Н. Старикова, его отравили, чтобы он не рассказал лишнего. Послесталинская история говорит, что умер Блюхер от пыток на допросах. Странное дело — Тухачевского арестовали полтора года назад, в мае 1937 года. Не пытали, не били — он во всём признался и написал собственноручно «План поражения», в котором подробно рассказал, как готовил с подельниками поражение СССР в войне с Германией. 11 июня 1937 года военный трибунал, состоявший из маршалов СССР, приговорил Тухачевского и его окружение к расстрелу. В этом трибунале заседал и маршал Блюхер. Поэтому «обязательно били» и «забили насмерть» является не более чем антисталинским мифом. Блюхер дал показания и был изобличён как японский агент. Откуда стало известно, что он умер именно от зверских побоев? Каков источник? Сегодня эта ложь переписывается из книги в книгу. Но для нас главное доказательство — странность, мягко говоря, поведения Блюхера через год (!) после раскрытия заговора в армии. Зная, что бывает за такие дела, он, тем не менее, не выполняет приказы, ведя дело к поражению от японцев. Закономерный итог: 10 марта 1939 года посмертно задним числом он лишён звания маршала и приговорён к смертной казни за «шпионаж в пользу Японии», «участие в антисоветской организации правых и в военном заговоре». Разумеется, после смерти Сталина он был реабилитирован в 1956 году, и тут же начали распространяться «рассказы очевидцев» о его смерти [9, с. 313–315].

Боевые действия в районе озер Хасан показали, что даже в условиях крайне неблагоприятной обстановки в стране и Вооружённых Силах, сложившейся в результате разгула репрессий 1937 года, предательства начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Г. Люшкова, раскрывшего японцам накануне конфликта систему охраны границы и военный потенциал дальневосточной группировки войск, пограничники и личный состав ОКДВА — ДВФ доказали несостоятельность расчётов японцев на молниеносную победу. Разгром японских агрессоров со всей полнотой показал, что исход боёв решают люди, их воля к победе, стойкость, способность преодолеть любые трудности.

Непреложным фактом явилось то, что, потерпев в кровопролитных боях поражение в районе озера Хасан, японцы приняли предложение СССР об условиях перемирия и больше не предпринимали столь масштабных вооружённых провокаций в Приморье. Но в 1939 году попытались захватить Монгольскую Народную Республику, чтобы превратить её территорию в плацдарм для подготовки войны против СССР, и вновь потерпели сокрушительное поражение.

Высокий патриотический подъём вызвали события вблизи Хасана среди трудящихся советского Дальнего Востока и страны. Словом и делом советские люди, партийные и комсомольские организации региона с началом боёв активно включились в работу по оказанию помощи пограничникам и частям Красной Армии.

На примере героев Хасана воспитывалось не одно поколение советских людей. Не будет преувеличением сказать, что боевые действия по отражению японской агрессии у Хасана настолько значимы, что и в XXI веке будут служить образцом выполнения воинского долга при защите рубежей Отечества.

Традиции живы — традиции продолжаются.

ДВГНБ

ЭР00910

Список использованных источников

1. *Арсеньев, В. К. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2 / В. К. Арсеньев ; ред.-сост. В. С. Шевченко. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1998. — 619 с.*
2. *Внешняя политика СССР : сб. док. : в 5 т. Т. 4. (1935 – июнь 1941 гг.). — Москва : Политиздат,1946. — 646 с.*
3. *Война, история, идеология : (Буржуазная воен. история на службе милитаризма) / под ред. канд. ист. наук В. С. Махалова, канд. филос. наук А. В. Бешенцева. — Москва : Политиздат, 1974. — 379 с.*
4. *Дипломатический словарь : в 3 т. Т. 3 : Р – Я. / гл. ред. А. А. Громыко [и др.]. — Москва : Политиздат, 1973. — 719 с.*
5. *Коровяковский, П. Неразгаданная тайна / П. Коровяковский // Аргументы и факты. — 1990. — № 6.*
6. *«Круглый стол» : Локальные войны XX века : роль СССР // Отечеств. история. — 1992.— № 4. — С. 3–36.*
7. *Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2 : 1917–1945 гг. — Москва : Мысль, 1973. — 292 с.*
8. *Почтарев, А. Трагедия маршала Блюхера [Электронный ресурс] / А. Почтарев // Независимое военное обозрение. — 2004. — 19 нояб. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/2004-11-19/5_blukher.html, свободный (дата обращения: 3.06.2018 г.).*
9. *Стариков, Н. В. Геополитика : Как это делается / Н. Стариков. — Москва [и др.] : Питер, 2015. — 363 с.*
10. *Соколов, Б. В. Советско-японские военные конфликты у озера Хасан и у реки Халхин-Гол (1938–1939 годы) [Электронный ресурс] / Б. В. Соколов // Библиотекарь.Ру. Соколов Б. В. Сто великих войн. — Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/encW/100/84.htm, свободный (дата обращения: 3.06.2018 г.).*
11. *Хроника. Хабаровский край. Годы и события. 1938–2008 годы. — Хабаровск : Изд. дом «Частная коллекция», 2008. — 416 с.*

Материал поступил в редакцию 21.06.2018 г.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, военный историк, почётный гражданин г. Хабаровска, полковник погранвойск в отставке.

ДВГНБ

БОЙКО ВИКТОР МОИСЕЕВИЧ

НИКОЛАЕВСК-НА-АМУРЕ И КАЗАКИ

В статье представлена историческая панорама, рассказывающая об этапах появления и закрепления казачества в Забайкалье и Приамурье, в частности на Нижнем Амуре. Опираясь на свидетельства современников тех событий — капитан-лейтенанта Г. И. Невельского и начальника Николаевского поста мичмана А. И. Петрова, автор подтверждает непреходящее значение казаков в основании населённых пунктов на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: Николаевск-на-Амуре, казачество, Г. И. Невельской, Н. Н. Муравьёв-Амурский, казачье общество «Николаевское».

Keywords: Nikolayevsk-on-Amur, Cossacks, G. I. Nevelskoi, N. N. Muravev-Amurskii, Cossack society “Nikolaevskoe”.

ДВГНБ

Где тайга безбрежная,
Где Амур заснеженный,
Помнят ветры ярые
Казаков Хабарова.

Из песни.

Первые дома в Николаевске были построены в 1852–1854 годах казаками. У многих это вызывает удивление, даже внутренний протест. Казаки. Откуда они здесь? Ведь казаки — это Дон, Днепр, Урал... Вспоминаются сразу книги «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. А. Шолохова, герои кинофильма «Кубанские казаки», Емельян Пугачёв и Степан Разин...

Исторические факты свидетельствуют, что, начиная с похода дружины Ермака (1581–1585), вся Сибирь до Тихого океана за 60 лет была открыта и освоена простыми русскими вольными людьми — казаками. Они основали десятки острогов и зимовий, ставших сейчас прекрасными городами. Не исключение и Николаевск.

Обозначим основными вехами движение казаков на восток — «встречь солнца».

Страницы истории

В 1586 году была основана Тюмень, а через год — Тобольск, ставший почти на полтора столетия административным, духовным и казачьим (!) центром всей Сибири. Казаками были основаны Енисейск — в 1616 году, Илимск и Усть-Кут — в 1630-м. В 1631 году атаман Максим Перфильев основал на Ангаре Братск. В 1632-м сотник Пётр Бекетов на реке Лене поставил Якутский острог (первое название — Ленский). В 1639 году пятидесятник Иван Юрьевич Москвитин с казаками впервые вышел к Охотскому морю и в устье реки Ульи построил первое русское зимовье. В 1643 году Курбат Афанасьевич Иванов с 70 казаками достиг озера Байкал и составил его чертеж. В 1647-м десятник Семён Андреевич Шелковник основал Охотский острог, в дальнейшем — первый город на востоке страны, колыбель русского Тихоокеанского флота. В 1649 году казак Семён Дежнёв основал Анадырь. В 1653-м опять же Пётр Бекетов заложил в Забайкалье фундамент Нерчинского острога.

Освоению Амура также положили начало казачьи походы Василия Даниловича Пояркова (1643–1646) и Ерофея Павловича Хабарова (1649–1653). Причём Поярков в 1645 году впервые прошёл по Амуру до его устья и, выйдя в Охотское море, зимовал в острожке, поставленном в 1639 году Иваном Москвитиным. Ерофей Хабаров основал в 1651 году в верховьях Амура первую русскую крепость — Албазин, ставшую с 1682 года центром одноимённого воеводства. К этому времени здесь было уже около 20 казачьих поселений. В августе 1689-го Албазин и все казачьи поселения были уничтожены маньчжурами.

Наступило 160-летнее затишье на Амуре. Но долго оно продолжаться не могло. Русские люди, отступившие в Забайкалье, тяжело переживали потерю своих исконных приамурских земель и мечтали о возвращении на Амур.

Это стало возможным благодаря патриотической деятельности Геннадия Ивановича Невельского и генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьёва-Амурского.

Эпоха Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьёва, или Казаки возвращаются

Летом 1849 года капитан-лейтенант Г. И. Невельской открыл пролив между Сахалином и материком и устье Амура, доказав судоходность этой реки. Через год он основал здесь два первых поста: Петровский в заливе Счастья и Николаевский в устье Амура.

В постановлении правительства, 12 февраля 1851 года подписанном императором Николаем I, было указано: «...Для сооружения же жилых построек и служб в Петровском и Николаевском, их охраны... назначить из Сибирской флотилии 60 человек матросов и казаков» [4, с. 130]. Выполнять это постановление поручили капитану I ранга Г. И. Невельскому, назначенному начальником Амурской экспедиции.

Геннадий Иванович писал в своей книге (1851): «Сам же я с лейтенантом Бошняком и приказчиком Березиным с 25 человеками вооруженных людей на байдарке и вельботе отправился через лиман в реку Амур для подкрепления Николаевского поста» [4, с. 134].

Об этом же пишет в своих «Воспоминаниях» начальник Николаевского поста мичман А. И. Петров: «В начале августа Невельской, взяв до 20 человек команды [Правильно 25] наполовину из казаков и матросов, с лейтенантом Бошняком на вельботе и баркасе отправился в Николаевск» [5, с. 63].

Летом 1852 года доставлять продукты из Петровского в Николаевск Г. И. Невельской поручил мичману А. И. Петрову, сделавшему на баркасе пять рейсов по незнакомым, полным опасностей фарватеру и лиману. Вторым рейсом Александр Иванович доставил в Николаевск пять семейств казаков. «Муки и крупы, — пишет А. И. Петров, — я взял в этот раз немного, потому что я должен был взять на баркас жён и детей казаков, пришедших из Охотска со мною на корвете “Оливуца”, большую часть из которых отправляли в Николаевск» [5, с. 77].

«Итак, — с гордостью продолжает А. И. Петров, — мною был доставлен [1 августа 1852 г.] первый семейный элемент на Амур. Их поселили в палатки, устроенные из брезентов, потому что казарма не была еще готова».

ДВГНБ

ЭР00910

В своих распоряжениях, письмах, отчётах Г. И. Невельской и его помощники (офицеры) часто называют нижних чинов казаками.

Г. И. Невельской: «Лейтенанту Бошняку я дал казака»; «А. И. Петров был послан на 2-х нартах на р. Бичи с казаком...»; «Бошняк отправился для занятия Де-Кастри на 3-х нартах с двумя казаками — Парфентьевым и Белохвостовым...» [4, с. 196, 205].

А. И. Петров: «Кирпичи делал казак Красовский, а казак Осип Попов был печник»; «Казака Волынкина я назначил шить сапоги команде, а в помощь ему дал казака Ивана Замиралова...»; «Со мною [Для основания Мариинска] были казаки Замиралов, Волынкин, Кирсантьев, Кошкаров, Анкудинов»; «Лес вытаскивали на плечах. Следовательно, что вынесли эти бедные казаки»; «Устраивались как в казармах, так и в семействах казаков вечера» [5, с. 86, 98, 127, 134, 196].

В Николаевске до прибытия первого амурского сплава (летом 1854 года) было всего 54 человека: мужчин — 34, 11 женщин и 9 детей. Все они в первый год размещались в одной тесной и сырой казарме (90 кв. м) с окнами без стёкол и бревенчатым полом. Из них 26 человек — казаки. Они и были первыми и главными строителями Николаевского поста. В рапорте А. И. Петрова № 157 от 5 декабря 1852 года начальнику Амурской экспедиции Г. И. Невельскому все они указаны как плотники или пильщики, но чаще всего «плотник и пильщик».

Вот список из рапорта А. И. Петрова.

Казаки Якутского полка:

1) Николай Пестряков;
2) Егор Волков;
3) Андреян Замиралов;
4) Кирьяк Волынкин;
5) Константин Русанов;
6) Кир Белохвостов;
7) Семён Парфентьев;
8) Логин Нижегородов;
9) Иван Анкудинов;
10) Иосиф Попов;
11) Михаил Решетников;
12) Василий Тюшев;
13) Яков Инешин;
14) Феодосий Огибалов;
15) Варфоломей Кошкаров;
16) Иван Красовский;
17) Тимофей Милюсин;
18) Василий Кошкаров;
19) Аким Волынкин;
20) Яков Кошкаров;
21) Андрей Трепелкин;
22) Ефим Красовский;
23) Степан Кирсантьев;
24) Андрей Замиралов;
25) Иван Замиралов;
26) Василий Холмогоров.

Руками этих людей строилось «Николаевское», которое за два года, по словам Г. И. Невельского, «приняло вид как бы города». К зиме 1854–1855 года здесь было уже около 30 жилых и служебных построек. Среди них канцелярия, казначейство, лазарет, церковь, мастерская, магазины, кузница, эллинг (где строилась первая на Амуре шхуна «Лиман»), две новые казармы и 18 домиков для офицеров, служащих Российско-Американской компании, священника, инженера и для самого Геннадия Ивановича.

Всего за полтора месяца на берегу выросла «матросская и казачья слобода» из 20 домиков. В следующем, 1855 году к этим постройкам прибавились 4 огромные казармы 80 метров длиною каждая, двухэтажный клуб-гостиница, морское училище, пристань, батарея на мысе Куегда. А в слободе было уже 60 домиков [5, с. 189, 210].

В 1856 году Николаевск получил статус города и стал центром огромной Приморской области, включавшей в себя Сахалин, Камчатку, Охотское побережье и всё Приамурье. Заслуга в этом, конечно же, и первых жителей, и строителей Николаевска — казаков.

В невероятно трудных условиях совершали они свой трудовой подвиг, работая от восхода до заката в любое ненастье и в мороз. Брёвна выносили из лесу на плечах, плохими ручными пилами выпиливали каждую доску для пола, потолка, крыши. Другие были заняты в экспедициях, разъездах, на изготовлении нарт, лодок, кирпича. Питание же было очень скудным и однообразным: только рыба и крупа, поэтому даже закалённые Севером казаки часто болели и умирали.

Вот что пишет об этом в своих «Воспоминаниях» А. И. Петров: «...Они были невидными, но весьма полезными первыми деятелями на Амуре, которые принесли государству безропотно, не ожидая наград и повышений, громадную услугу. И, терпя страшные лишения, подорвали своё здоровье... И почти все, исключая троих или четверых, лежат там, на Амуре, в земле сырой» [5, с. 92]. Светлая им память...

Крёстный отец амурского казачества

Мудрый и дальновидный политик Н. Н. Муравьёв сразу после официального утверждения Николаевского поста принял смелые и решительные меры к защите Приамурья. По его распоряжению в Забайкалье началось формирование казачьих батальонов и полков, из которых, по указу

ДВГНБ

ЭР00910

императора Николая I, 17 марта 1851 года было создано Забайкальское казачье войско [6]. Забегая вперёд, скажем, что наказным атаманом этого войска с 14 декабря 1855 года стал ближайший помощник Н. Н. Муравьёва, его чиновник по особым поручениям Михаил Семёнович Корсаков.

Уже с первым сплавом по Амуру в Мариинск прибыла первая казачья сотня. Через год сюда же прибыла вторая сотня казаков, которая образовала первую на Амуре казачью станицу на острове Сучу (напротив Мариинска). Со сплавом прибыл и полубатальон пеших казаков.

После заключения 16 мая 1858 года Айгунского договора потребность в освоении и защите возвращённых России земель по рекам Амур и Уссури многократно возросла. И вновь по инициативе Н. Н. Муравьёва-Амурского было создано (указ императора Александра II от 29 декабря 1858 г. [7]) Амурское казачье войско. В его состав вошёл и Уссурийский пеший казачий батальон.

За десять лет (1858–1869) на так называемую Амурскую линию были переселены 15 977 казаков, которые размещались в 97 станицах, из них в Приморской области (Нижний и Средний Амур) — 28 станиц, где несли службу 5 400 казаков [1, с. 60, 186].

26 июня 1889 года указом императора Александра III было создано Уссурийское казачье войско, выделенное из батальона Амурского войска.

Николаевское казачество было приписано к Уссурийскому войску и до 1917 года базировалось в самом Николаевске и Николаевском (Удском) уезде. Численность его редко превышала сотню: так, в 1914 году во всём уезде насчитывалось 76 казаков, из них в самом городе — 31 [8]. Занимались они в основном перевозкой золота с приисков в Николаевскую золотосплавочную лабораторию, несли сторожевую и охранную службу важных объектов. Городские казаки жили в Казачьем переулке (находился между улицами Кантера и Свободной).

После сожжения города тряпицынской вольницей (1920) и установления новой власти исчезла на 70 лет даже память о славных делах и подвигах первопроходцев — нижнеамурских казаков...

Только в песнях в редкие праздники, собравшись за столом, отводили душу наши предки. Мощно и красочно звучал тогда импровизированный русский народный хор. С душой и любовью пели казачьи «Ты гуляй, мой конь», «Распрягайте, хлопцы, коней», «Ой, ты, Галю», «Козаки йдуть», «Ой, хмелю», «По Дону гуляет...» и другие.

Возрождение казачества в Николаевске

В начале 1990-х годов в нашей стране начался процесс возрождения казачества. Правовой основой для этого стали Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года и постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации казачества» от 16 июля 1992 года.

Осенью 1992 года в Николаевске-на-Амуре было создано первое после 1917 года казачье объединение с названием «Николаевский казачий округ Уссурийского казачьего войска». Атаманом был избран А. В. Лотник; товарищем (заместителем) атамана назначен Н. П. Зиновьев, чистокровный казак родом из Ставрополья; атаманом-кошевым — Ю. Н. Иванов, донской казак. Походным атаманом стал В. И. Юзефов. Писарем избрали Л. М. Герасимова.

Штаб казаков находился на улице Кантера: сначала в старом помещении милиции (ныне ТЦ «Фаворит»), затем — в здании редакции газеты «Ленинское знамя» (ул. Кантера, д 10).

Казаки развернули энергичную деятельность по своему становлению и утверждению, о чём свидетельствуют их выступления в печати: «Золотой фонд русской армии» (газета «Амурский лиман», 27.10.92 г.), «Не для игры, не для забавы возрождается казачество на Нижнем Амуре» («Амурский лиман», 28.11.92 г.). Сами казаки, находясь ещё на этапе становления, выступили в печати с обращением к населению о помощи в строительстве в городе православного храма («Амурский лиман», 12.12.92 г.).

В конце 1992 года казачье объединение было официально утверждено и зарегистрировано в администрации Николаевского района.

В своих печатных и устных выступлениях руководители казачьего округа неоднократно заявляли, что возрождение казачества они «органически связывают с возрождением России» [3]. «Необходимо, — подчёркивали они, — чтобы население почувствовало, что в лице казачества возрождаются лучшие черты народа» [2].

3 апреля 1993 года в Николаевск из Хабаровска прибыли игумен отец Тихон и диакон отец Николай. После проповеди и крещения, которое приняли около 100 человек, состоялась церемония посвящения в атаманы А. В. Лотника, освящение знамени, принятие кодекса чести казаками с произнесением клятвы и целованием знамени.

К сожалению, разногласия среди казачьего руководства в центре и на местах не позволили сохранить так хорошо начатое благое и полезное дело. Атаман уехал. Объединение распалось...

Николаевск. Казаки XXI века. Третий этап

Наше государство, заинтересованное в возрождении в России казачества, имеющего многовековую историю, ока-

ЭР00910

зывает ему всемерную поддержку. 5 декабря 2005 года был принят Закон Российской Федерации «О государственной службе российского казачества». В январе 2009 года создан Совет по делам казачества при Президенте России. С 2010 года при Московской патриархии существует Синодальный отдел по взаимодействию с казачеством.

Новому возрождению николаевского казачества помогло созданное 6 марта 2010 года Окружное казачье общество Хабаровского края, которое 2 октября того же года вошло в состав Уссурийского казачьего общества. Было образовано девять казачьих обществ. Среди них — Николаевское.

27 сентября 2010 года в Николаевск приехал назначенный атаманом (в то время подъесаул) Николай Викторович Поскотин. Атаман без войска... Начинать ему пришлось с нуля, на ровном месте. Николай Викторович собрал инициативную группу, зарегистрировал её в администрации района и развернул активную работу по формированию нового, теперь уже реестрового, казачьего общества...

Оказалось, что в Николаевске много сочувствующих и приветствующих появление казаков на земле своих предков. Немало и тех, кто хотел бы честно служить Родине с удостоверением и гордым званием «казак». Отрадно, что интерес к казачеству проявляет молодёжь.

В казачьем обществе «Николаевское» еще немало нерешённых вопросов и проблем, но хочется верить, что все они будут разрешены. Залог тому — энергия и «боевой дух» атамана и его небольшого актива, поддержка администрации и населения.

Казачество — неотъемлемая часть русской истории и культуры. Его нужно возрождать, сохранять, поддерживать.

Список использованных источников

1. *Кабузан, В. М. Как заселялся Дальний Восток : (Вторая половина XVII – начало XX в.) / В. М. Кабузан. — 2-е изд., доп. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1976. — 198 с.*
2. *Кустова, Л. Думай, казак! / Л. Кустова // Амур. лиман. — 1992. —8 дек. — С. 2.*
3. *Лотник, А. В. Не для игры, не для забавы возрождается казачество на Нижнем Амуре / А. Лотник // Амур. лиман. — 1992. — 28 нояб. — С. 3.*
4. *Невельской, Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России / Г. И. Невельской. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1969. — 419 с.*
5. *Петров, А. И. Амурский щит : записки первостроителя Николаевска-на-Амуре / А. И. Петров. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1974. — 415 с.*
6. *Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 2-е. — Санкт-Петербург, 1860. — Т. XXXIII. — № 33988.*
7. *Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 2-е. — Санкт-Петербург, 1851. — Т. XXVI. — № 25039.*
8. *Юзефов, В. И. Казаки в низовьях Амура / В. И. Юзефов // Амур. лиман. — 1993. — 23 марта.*

Материал поступил в редакцию 22.09.2017 г.

Сведения об авторе: Бойко Виктор Моисеевич, ветеран педагогического труда, краевед, автор альманаха «Где раз поднят русский флаг…» (г. Николаевск-на-Амуре, 2013) (г. Николаевск-на-Амуре).
Контактные данные: 682469, г. Николаевск-на-Амуре, ул. Луначарского, д. 134, кв. 72.

ДВГНБ

ЭР00910

АНДЫК СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА

ВОЛОЧАЕВСКАЯ БИТВА, ИЛИ «И ОСТАНУТСЯ КАК В СКАЗКЕ»?..

(История создания панорамы)

В настоящей статье рассказывается об истории создания панорамы «Волочаевская битва» (Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, г. Хабаровск). Ценность представляют фотографии Волочаевской сопки, художников и участников действа, воссоздавших картину февральских событий времён Гражданской войны.

Ключевые слова: панорама «Волочаевская битва», волочаевское сражение, Волочаевская сопка, Гражданская война, «Марш дальневосточных партизан» — «По долинам и по взгорьям», художники-баталисты, Анатолий Андреевич Горпенко, памятник Воину-освободителю, Сергей Дмитриевич Агапов, Всеволод Петрович Сысоев, Алексей Сергеевич Петров.

Keywords: panorama “Battle of Volochayevka”, Battle of Volochayevka, Volochayevka Sopka, Civil war, “March of the Siberian Regiment” — “Through valleys and over hills”, Military art painters, Anatolii Andreevich Gorpenko, Monument to the Liberator Soldier, Sergei Dmitrievich Agapov, Vsevolod Petrovich Sysoev, Aleksei Sergeevich Petrov.

ДВГНБ

ЭР00910

Единственная в России панорама, посвящённая истории одного из важнейших этапов Гражданской войны на Дальнем Востоке, воссоздаёт картину событий второго штурма сопки Июнь-Корань 12 февраля 1922 года, — «Волочаевская битва». Открытая 30 апреля 1975 года в здании Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова, она была внесена в Международную энциклопедию музейных панорам и имеет общероссийское культурно-историческое значение наряду с панорамами «Бородинская битва» в Москве, «Сталинградская битва» в Волгограде и «Оборона Севастополя в 1854–1855 гг.» в Севастополе.

К созданию этой панорамы непосредственное отношение имеет и мой отец, Алексей Сергеевич Петров, участник Великой Отечественной войны, к слову, родившийся в начале марта 1922 года, то есть через две недели после волочаевских событий. Время от времени я перебираю его архив и каждый раз нахожу что-то новое для себя. Как-то раз, просматривая старые фотографии, наткнулась на несколько любопытных снимков, привлёкших моё внимание. Волочаевская сопка! И сразу вспомнилось…

Когда краеведческим музеем было принято решение о создании панорамы «Волочаевская битва», отца в качестве фотографа пригласили к сотрудничеству. Тогда же он познакомился и подружился с художником Анатолием Андреевичем Горпенко, создателем будущей панорамы, позднее бывал у него в гостях в Москве на Смоленской набережной. Хотел, чтобы и я навестила его московского товарища, когда впервые поехала в столицу. Но по молодости лет я просто забыла об этом, а телефон и адрес художника сохранились в записной книжке.

Из рассказов отца я знала, что на сопке для исторической достоверности были сооружены заграждения, имитирующие укрепления 1920-х годов, а воины — военнослужащие КДВ — разыгрывали сражение. Отец фотографировал. Эти снимки в дальнейшем художники использовали при написании эскизов для панорамы «Волочаевский бой». Поэтому всё выглядит так живо, реально и ненадуманно.

В нашем семейном архиве остались уникальные фотографии и негативы подготовительной работы при создании этой панорамы, но, конечно, не все. Сохранились снимки Волочаевской сопки и авторов панорамы, снятые и в летнее время, фотографии открытия панорамы с участниками Волочаевского боя и руководством Хабаровского края.

Есть ещё одна деталь, связанная с сопкой. Когда отца (он был офицером) перевели в Хабаровск, мы жили в Волочаевском городке. Но почему-то ни учителя, ни родители никогда не проводили параллель между его названием и волочаевскими событиями. Этот военный городок помнит и японских интервентов, и белых, и красных. А бывшая Корсаковская улица в Хабаровске с тех пор тоже называется Волочаевской. Кстати, и в Москве недалеко от Курского вокзала также есть

Волочаевская сопка. Начало 1970-х годов.

Место, где проводился бой.

улица Волочаевская: переименовали первую попавшуюся — Золоторожскую (на Рогожке) — как раз по случаю битвы.

И останутся как в сказке… волочаевские дни?

Волочаевское февральское сражение 1922 года — одно из важнейших этапов Гражданской войны на Дальнем Востоке и одно из последних решающих сражений Гражданской войны в России.

И в том же 1922 году зазвучал «Марш дальневосточных партизан», посвящённый 2-й Приамурской дивизии, сформированной после штурма Волочаевки, где это кровопролитное сражение словами автора революционной песни Петра Парфёнова на музыку Ильи Атурова называется сказкой:

И останутся, как в сказке,
Как манящие огни
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Позднее популярный военный марш времён Гражданской войны получит новое название «По долинам и по взгорьям»

ЭР00910

(«По долинам и по загорьям»), по-другому зазвучит тот куплет, в котором волочаевские дни уже будут помниться, как в сказке, оставаясь прежними манящими огнями на долгие десятилетия:

Будут помниться, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Надо сказать, мотив марша стал известен за несколько лет раньше, ещё в 1915 году, когда после начала Первой мировой войны писатель В. А. Гиляровский написал свой текст «Марша Сибирского полка» (в других источниках «Марш сибирских стрелков»). А потом на этот же самый мотив во время Гражданской войны было написано несколько вариантов текста: «Марш Дроздовского полка» композитора Дмитрия Покрасса на слова полковника П. Баторина (*«Из Румынии походом Шёл Дроздовский славный полк, Во спасение народа, Исполняя тяжкий долг…»,* 1918 либо 1919), «Гимн махновцев» (1919) и «Марш дальневосточных партизан» (1922, 1972).

Легендарная сопка, или Как это было…

В конце 1921 года под командованием генерал-майора В. М. Молчанова начался поход белоповстанцев против Народно-революционной армии (НРА). Части белой армии решительно продвигались с боями по территории ДВР и после захвата Хабаровска укрепились в пятидесяти километрах от города, на сопке Июнь-Корань (Волочаевка), создав здесь мощный укрепрайон.

Волочаевская сопка. Начало 1920-х. (Из музейного фонда.)

Окопы и траншеи были укреплены мешками с песком, обнесены четырьмя рядами проволочных заграждений общей протяжённостью 18 километров. Для того чтобы приблизиться к Волочаевке, войскам НРА надо было преодолеть огромное пространство, занесённое глубоким, выше колен, снегом и простреливаемое огнём противника из многочисленных пулемётных гнёзд и хорошо укрытых батарей. Рядом пролегала железная дорога, по которой курсировали бронепоезда, прикрывая подступы к сопке с юга.

Белая армия имела преимущество и в личном составе. Укрепрайон оборонялся почти 5 430 пехотинцами и 2 260 кавалеристами при 19 орудиях, 103 пулемётах и двух бронепоездах. Наступающие части НРА насчитывали 4 335 штыков, 1 303 кавалериста, 30 орудий, 170 пулемётов и три бронепоезда.

В середине января 1922 года общий план Волочаевской операции был разработан и утверждён. Сражение развернулось 5–14 февраля 1922 года на площади около трёх тысяч гектаров, а решающее наступление на Волочаевку началось 12 февраля. Боевые порядки вновь и вновь шли в атаку. Командиры шашками рубили заграждения. Бойцы рвали проволоку — кто лопатой, кто руками, а кто — тяжестью своего тела. Штурм, начавшийся в 7.30 утра, к полудню завершился.

Путь на Хабаровск был открыт, белогвардейские части покидали город без боя. Именно эта победа красных стала началом конца Белого движения. В ноябре 1922 года ДВР вошла в состав РСФСР и Гражданская война в России закончилась.

Обе стороны понесли большие потери. Официально НРА потеряла 570 человек убитыми и более 1 250 ранеными и обмороженными. Потери Дальневосточной белой армии достигали одной тысячи. В тех же условиях, при тех же морозах.

«Пора развеять живучие мифы советского периода о том, что плохо одетые, слабо оснащённые части Народно-революционной армии ДВР и партизаны под Волочаевкой в феврале 1922 года разгромили отборные части белоповстанческой армии, так как при изучении архивов выясняется, что части НРА превосходили «белых» по численности в 1,7 раза (7 600 бойцов против 4 950); по пулемётам — в 4,8 раза (300 против 71); по артиллерийским орудиям в три раза (30 против 10) при равном количестве импровизированных бронепоездов…

Только после взятия «красными» сёл Дежнёвка и Нижне-Спасское и угрозы окружения, а также поджога партизанами моста в тылу «белых» частей белоповстанцы построились в колонны и организованно отошли по направлению к Хабаровску.

Организованное отступление с целью сохранить армию — не разгром» [7].

В Волочаевском сражении особенно ярко выявился её братоубийственный характер. Кровь проливали граждане одной страны, брат шёл на брата, сын на отца, друг против друга воевали земляки, бывшие однополчане. Но невероятное мужество было проявлено обеими противодействующими сторонами.

В феврале 2012 года, к 90-летию волочаевских боёв, на вершине сопки в память о погибших был создан мемориальный комплекс с часовней во имя иконы Божией Матери «Умягчение злых сердец» — как символ примирения павших.

Мемориалы Волочаевки

К первой годовщине победы у ст. Волочаевки на сопке Июнь-Корань воздвигли простой деревянный памятник

ДВГНБ

ЭР00910

с изображением штыка, сабли и снарядов и установили мемориальную доску. А 11 ноября 1928 года на вершине сопки рядом с братской могилой был торжественно открыт новый памятник с помещением для школы, на крыше которой установили скульптуру народоармейца.

К 1945 году в здании школы-памятника «Героям волочаевских боёв» располагался уже мемориальный музей. В начале 1950-х была создана диорама «Волочаевский бой», она наряду с экспонатами демонстрировалась в Волочаевском музее до середины 1980-х годов.

Часто на Волочаевскую сопку привозили и нас, тогда школьников. Вспоминается солнечный сентябрьский день, запах листвы и ощущение радости, что я опять здесь… Экскурсовод рассказывает о Гражданской войне, знакомит с диорамой «Волочаевский бой». Мы подолгу рассматриваем фигурки сражавшихся, невольно становясь участниками тех далёких событий. Потом с удовольствием лазим по сопке, выискивая в траве следы давних боёв — старые гильзы от патронов. Но поиски тщетны…

Сейчас события Гражданской войны трактуются иначе, чем в советское время. Но осталось главное — душевный трепет от этих поездок.

Ежегодно 12 февраля на Волочаевской сопке проводился митинг в честь героев битвы. Здесь принимали в пионеры и комсомол, молодые воины присягали на верность Отчизне. Особой популярностью пользовались туристические поезда «Волочаевские дни», следовавшие от Хабаровска до Волочаевки, лыжный переход «Волочаевская лыжня» — это путь, который преодолели бойцы НРА пешком по снегу, бездорожью в сильный мороз (у меня в архиве сохранился памятный диплом участника лыжного перехода, полученный отцом, когда он сопровождал этот переход в качестве фотографа).

В 1990-е интерес к памятнику оказался утрачен, музей-мемориал на Волочаевской сопке остался без охраны, его здание начало ветшать, поэтому его вначале закрыли для посещений, а потом и вовсе заложили кирпичной кладкой, тем самым сохранив оставшиеся экспонаты.

Диплом участника перехода «Волочаевская лыжня».

История создания панорамы

Ещё до создания панорамы в одном из залов Хабаровского краеведческого музея с 1959-го по 1975 год экспонировалась восьмиметровая картина «Волочаевский бой».

Директор музея В. П. Сысоев, видевший в Москве панораму Бородинской битвы, задумал сотворить подобную на материале Гражданской войны, но в Хабаровске. К музею на Волочаевской сопке сложно добираться, а панораму можно было разместить в центре города в планируемой пристройке к историческому корпусу краеведческого музея. Консультантом проекта стал однофамилец Всеволода Петровича, полковник А. С. Сысоев, а воплотили идею знаменитые московские художники-баталисты — А. А. Горпенко[1]

1 В октябре 1989-го я с туристической группой из Хабаровска, под руководством только что назначенного первым секретарём Хабаровского горкома партии Александра Соколова, прилетела в Берлин. В те годы самым значимым было посещение туристами из Советского Союза мемориала в Трептов-парке. Тогда я ещё не знала, что одним из создателей памятника Воину-освободителю, кроме скульптора Е. В. Вучетича, архитектора Я. Б. Белопольского, инженера С. С. Валериуса, является и художник А. А. Горпенко.

На сегодняшний день материалов о творчестве Анатолия Андреевича Горпенко слишком мало, и они, как правило, повторяют друг друга. К сожалению, встречаются ошибки в инициалах, где его именуют Анатолием Васильевичем, поэтому пришлось уточнять по немецким изданиям, тот ли это Горпенко, автор мозаичного панно. Фотографий художника вовсе нет, не считая одной, где мастер ещё молодой. Поэтому публикуемые фотографии в данной статье — это эксклюзив.

Огромный 12-метровый памятник Воину-освободителю весом в 70 тонн был торжественно открыт 8 мая 1949 года. Под скульптурой, венчающей насыпной курган, внутри постамента, располагается зал памяти, на стенах которого — мозаичное панно. Художник А. А. Горпенко, создавший панно, изобразил на нём рабочих и солдат разных национальностей, держащих венки для возложения на могилу героически павших советских воинов. Считается, что сержант Одарченко, позировавший для скульптуры «Воин-освободитель», позировал и для панно как солдат и как рабочий. Над ними приведена на русском и на немецком языках цитата из доклада Сталина, которая гласит: «Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества». Впоследствии в Германии появились общественные высказывания по поводу этих надписей и требования удалить слова, принадлежащие спорной исторической личности. Но совместным решением России и Германии надпись осталась как память.

Центральная часть зала представляет собой постамент в форме куба, выточенный из чёрного камня. На нём стоит золотой ларец, внутри которого хранится пергаментная книга в сафьяновом переплёте красного цвета. Туда вписаны имена всех воинов, погибших в битвах за Берлин. Люстра из хрусталя и рубинов диаметром 2,5 м в виде ордена «Победы» находится под куполом памятного зала-монумента.

За создание 9-метровой мозаики в траурном зале художнику А. А. Горпенко была присуждена Сталинская (Государственная) премия первой степени (1950).

А первую Сталинскую (Государственную) премию 2-й степени художник получил в 1949 году за участие в создании диорамы

ЭР00910

и С. Д. Агапов[2].

Анатолий Андреевич Горпенко и Сергей Дмитриевич Агапов прибыли в Хабаровск в начале марта 1971 года и вскоре выехали в Волочаевку на этюды.

Для более точного воспроизведения картины исторического сражения В. П. Сысоев обратился за помощью к командованию Дальневосточного военного округа, которое дало задание одному из подразделений фрагментарно воссоздать оборонительные рубежи белогвардейцев: блиндаж, траншею и проволочные заграждения.

А потом на заснеженной равнине проводились специальные манёвры с участием инженерной роты и бывших участников битвы за Волочаевку. По воспоминаниям моего отца, интересно то, что воины настолько прочувствовали ту ситуацию, дух времени, что казалось, они не разыгрывали бой, а были участниками событий 12 февраля 1922 года. Время будто сместилось…

Художники делали наброски, рисовали, стараясь как можно больше сделать эскизов, успеть воплотить на бумаге

Фотография на память. В центре — В. Сысоев, авторы панорамы художники С. Агапов и А. Горпенко (третий справа).

Художники у Волочаевского музея.

увиденное, а отец всё снимал, снимал и снимал… Об этом мне также рассказывали Всеволод Петрович Сысоев и его дочь Ольга Всеволодовна, когда несколько лет назад я звонила им, заинтересовавшись темой Волочаевки.

Рабочий момент. Создание укреплений.

«Форсирование Днепра войсками Советской армии» (1947, совместно с А. М. Стадником, П. И. Жигимонтом).

Член Союза художников СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР А. А. Горпенко (1916–1980) — автор многих батальных картин, участвовал в создании диорам «Переправа Советской армии через Днепр южнее Кременчуга в 1943 году» (1945), «Полтавская битва при Петре I» (1960), «Пленение штаба фельдмаршала Паулюса» (1962), «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой в районе Крюково в 1941 году» (1968); «Сталинградская битва» (1950).

Учился в Харьковском художественном институте у С. М. Прохорова, А. А. Кокеля, в батальной мастерской Н. С. Самокиша. В 1940 году поступил в Студию военных художников им. М. Б. Грекова. Сотрудничал с несколькими издательствами ИЗОГИЗ, Воениздат, «Советская Россия», «Художественная литература».

Прекрасно владея классическим рисунком, создал ряд плакатов.

Создал витраж для здания советского посольства в Берлине (1949), мозаичный триптих «Советская армия» (1959), проекты мозаик для памятника Победы в Москве (1968–1969).

Анатолий Андреевич Горпенко — участник Великой Отечественной войны. В 1941–1945 годах в качестве военного художника находился на фронте под Киевом, на Днепре непосредственно в местах боевых действий. На основе собранного материала написал картины «Бой под станцией Крюково» (1943), «На Днепровской переправе» (1943). Он автор живописных произведений: «Гвардейцы не сдаются» (1945), «Парад войск на Красной площади в 1941 году» (1953), «Спортсмены Советской Армии» (1955), «Бой у редутов» (1956), «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой в 1941 году» (1968); портрета Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова (1949).

Работы А. А. Горпенко находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном центральном музее современной истории России, Центральном музее Вооружённых Сил в Москве, Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге и др.

2 Сергей Дмитриевич Агапов (1921) учился в изостудии ВЦСПС. Работал в жанрах тематической картины, портрета, пейзажа, натюрморта, а также в области монументально-оформительского искусства (роспись, проекты архитектурно-художественных решений по оформлению площадей, выставок, праздников).

ПРИ НБ

Бой.

Волочаевская сопка. Группа строителей имитации панорамы.

В дальнейшем весь собранный материал — зарисовки и фотографии — Агапов и Горпенко увезли в Москву для продолжения работы над панорамой. Но только второй эскиз был рассмотрен и принят лично министром культуры СССР Е. А. Фурцевой.

Открытие панорамы. В центре — участники Гражданской войны.

Самая «маленькая» российская панорама имеет очень внушительные размеры. Художественное её полотно составляет 40,8 метра в окружности и 4,92 метра в высоту. Общая его площадь — 200,7 квадратного метра, площадь переднего плана — 120. Панорама занимает три этажа музейного здания.

Торжественное открытие уникального музейного сооружения «Волочаевская битва» приурочили к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Оно состоялось 30 апреля 1975 года.

12 февраля 2018 года исполнилось 96 лет со дня тех трагических событий, вошедших в историю Гражданской войны не только на Дальнем Востоке, но и всей России.

Список использованных источников

1. *Андык, С. А. По долинам и по взгорьям… [Электронный ресурс] / С. А. Андык // Аргументы времени : воен.-патриот. изд. — Режим доступа: http://svgbdvr.ru/istoriya/po-dolinam-i-po-vzgoryam, свободный.*
2. *Бойцы вспоминают минувшие дни… : [подборка материалов о Волочаевском бое] // Тихоокеан. звезда. — 1967. — 12 февр. — С. 2.*
3. *Ефименко, Ю. Волочаевская сопка [Электронный ресурс] / Ю. Ефименко // Советская Россия : независимая нар. газ. — Москва, 1999–2018. — Режим доступа: http://sovross.ru/articles/724/11917, свободный.*
4. *Кондратьев, В. Волочаевские дни [Электронный ресурс] / В. Кондратьев. — Режим доступа: https://ok.ru/russian.patriot.rf/topic/66544463145906, свободный.*
5. *Сидоровский, Л. И. «И на Тихом океане свой закончили поход…» [Электронный ресурс] / Л. И. Сидоровский // Норма40.ru. Песни советского человека. Песня «По долинам и по взгорьям». История создания. — Режим доступа: http://www.norma40.ru/chd/podolinam.htm, свободный.*
6. *Простнев, С. 90-летие боя за Волочаевку. Ижевцы и Воткинцы в Хабаровском походе [Электронный ресурс] / С. Простнев // LIVEJOURNAL. — Режим доступа: http://kaminec.livejournal.com/32365.html, свободный.*
7. *Судьба и несудьба красного полководца [Электронный ресурс] // Биробиджанская звезда. — 2014. — 12 февр. — Режим доступа: http://www.gazetaeao.ru/sudba-i-nesudba-krasnogo-polkovodtsa, свободный.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 03.04.2018 г.

Сведения об авторе: Андык Светлана Алексеевна, работала редактором в Дальневосточной государственной научной библиотеке в 2014–2018 гг. В настоящее время несёт послушание в Китайском Патриаршем Подворье в храме святителя Николая в Голутвине г. Москва. Лауреат литературно-художественного конкурса «Золотое перо границы» (2014).
Контактные данные: e-mail: andiksv@mail.ru.

ЭР00910

РАКОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА

ИСТОРИЯ КОРЕЙСКОЙ СЛОБОДЫ В Г. ХАБАРОВСКЕ (1860–1930-е гг.)

Через историю одного городского квартала в Хабаровске автор рассказывает об этапах эмиграции корейцев на Дальний Восток России в конце XIX – начале XX века. Также уделено внимание быту, занятиям, государственным повинностям и льготам этой части населения, компактно проживающей в нескольких посёлках и кварталах города.

Ключевые слова: Хабаровск, корейская слобода, улица Ленинградская, корейская миграция, Осиповка, Сам-Ир, «Нахаловка».

Keywords: Khabarovsk, Korean Sloboda (settlement), Leningradskaia street, korean migration, Osipovka, Sam-Ir, “Nakhalovka”.

ДВГНБ

С виду ничем непримечательный рабочий район Хабаровска, где в настоящее время находится Хабаровская краевая детская библиотека имени Н. Д. Наволочкина (ул. Ленинградская, д. 25), интересен своей яркой и самобытной историей.

В начале 1910-х годов ряд перпендикулярных к улице Муравьёва-Амурского улиц восточной стороны города получили наименование в честь городов Восточно-Сибирского губернаторства: Иркутская (ныне Московская), Александровская (ныне Первомайская), Николаевская (ныне Ленинградская, переименована в 1938 г.).

Улица Николаевская на карте города Хабаровска за 1924 год находилась в квартале № 186, который как селитебный был спроектирован сразу же после подведения сюда ветки Уссурийской железной дороги (1896–1897 гг.) на месте корейской слободы, ранее известной как «Нахаловка».

Ещё в конце позапрошлого века в Хабаровской городской думе неоднократно поднимался вопрос о выделении китайцам и корейцам мест для постоянного компактного проживания. Одно из первых постановлений об отводе территории под китайские и корейские кварталы датируется 26 июля 1897 года. Однако вплоть до 1899 года это постановление не выполнялось. Разразившаяся в тот год чумная эпидемия в Маньчжурии и опасения, связанные с возможностью её распространения, заставили местную администрацию принять ряд мер по предупреждению заноса болезни в Приамурье. В качестве одной из них было названо выселение китайцев и корейцев в особые кварталы. 3 августа 1899 года городская дума обратилась к военному губернатору Приморской области об издании обязательного постановления о переселении китайцев и корейцев в слободку [6, с. 57].

Постановлением военного губернатора Николая Михайловича Чичагова № 774 от 11 августа 1899 года определялся порядок выселения китайских подданных в особые кварталы. Основной причиной этого решения стала антисанитарная обстановка в местах проживания китайцев. Согласно постановлению китайцам и корейцам, не являющимся русскими подданными и не имеющим в городе недвижимой собственности, запрещалось проживание в других частях Хабаровска, не исключая и фанз инженерного ведомства, кроме как только в кварталах №№ 95 и 97 по Поповской улице и за речкой Лесопилкой [6, с. 57].

Решение хабаровских властей вызвало протест китайских купцов, считавших эту меру несправедливой, потому что она распространялась лишь на выходцев из Азии, а не на всех иностранцев. Вызывали их недоумение и сроки переселения — хабаровский полицмейстер отвёл на него две недели, при том, что на новом месте не были созданы условия для проживания. С этой жалобой китайские жители обратились в сенат, который, в свою очередь, поручил рассмотрение жалобы военному министру и Министерству внутренних дел.

Военный министр признал действия губернатора правильными, так как это было единственным способом ограждения населения от болезней. При этом он рекомендовал предоставить городским думам Приамурского генерал-губернаторства право самим издавать обязательные постановления, ограничивающие право жительства китайцев и корейцев в городах [6, с. 58]. И 29 сентября 1902 года императором России такое право было предоставлено.

Думы городов генерал-губернаторства могли теперь на законном основании «составлять обязательные постановления об ограничении особыми кварталами в пределах означенных городов жительства тех из азиатцев, антисанитарные условия коих вызывают необходимость особого за ними надзора». На основании этого Хабаровская городская дума принимает постановление от 25 ноября 1902 года об образовании китайских и корейских кварталов в Хабаровске [6, с. 59].

На карте существующего и проектируемого города Хабаровска в 1901 году китайская слободка уже была нанесена, но этот проект так и не был осуществлён. Китайская слобода расположилась в северо-западной части города. Сейчас это место именуется Казачьей горой. На месте проектируемой корейской слободки постепенно возник рабочий посёлок, названный в народе старой железнодорожной слободкой. Корейская же слобода стихийно организовалась в конце улицы Барановской (ныне конец улицы Ленина, в районе завода «Дальэнергомаш») [2]. Кроме того, в Хабаровске уже существовало два организованных корейских поселения — это посёлки Сам-Ир (в районе бывшей мебельной фабрики «Заря») и Осиповка в пригороде, ставшем в советское время частью Краснофлотского района. Эти поселения заселялись мигрантами из Кореи после событий 1863 года. Включение Приамурья и Приморья в состав российских владений выявило острый дефицит населения в крае, который совпал с появлением первой волны переселенцев с севера Кореи, бежавших от жесточайшей эксплуатации феодально-монархического режима, произвола и беззакония помещиков, чиновников и ростовщиков в приграничные районы России и Маньчжурии.

Официальная миграция корейцев в Приморье началась в конце осени 1863 года. Тогда 20 корейских семей обратились к поручику Рязанову — начальнику Новгородского поста — с просьбой разрешить им поселиться в долине реки Тезинхе. Рязанов отправил военному губернатору Приморской области — адмиралу Петру Васильевичу Казакевичу соответствующий рапорт. И в мае 1864 года такое разрешение было получено.

ДВГНБ

ЭР00910

К тому времени в долине реки Тезинхе уже проживало около 60 корейцев. [8, с. 41]. Осенью 1869 года в северной части Кореи произошло сильное наводнение, которое также способствовало массовому притоку в Приморье большого числа корейских беженцев. По данным путешественника А. Я. Максимова, в сентябре 1869 года в Южно-Уссурийском крае проживало около полутора тысяч корейцев, а в начале октября — около двух тысяч [4, с. 85].

Отношение российских властей к корейским переселенцам долгое время было неопределённым. Российская сторона стремилась оставить корейцев, переселившихся до заключения российско-корейского договора о дружбе и торговле (Сеул, 1884 г.) на своей территории, дать им подданство и необходимые права. Власти Кореи, в свою очередь, пытались вернуть своих граждан на родину. Но поток корейских переселенцев в Российскую империю продолжался.

Корейцы поселялись на территории Южно-Уссурийского края, в долине реки Уссури и по её правым притокам, в Амурском и Зейско-Алданском горных округах, по течению реки Амур, а также по побережью Японского моря — от г. Владивостока до залива Де-Кастри. Однако большинство их расположилось на территории Янчихинской и Адеминской волостей Посьетского участка, где были благоприятные условия для земледелия.

Позднее корейские мигранты стали появляться в Забайкалье, на Охотском побережье, одиночные корейцы встречались на полуострове Камчатка. Корейцы переселялись в регион семьями и на продолжительное время. Согласно данным переписи В. Висленёва, чиновника по дипломатической переписке, в 1878 году в Южно-Уссурийском крае находилось 6 142 корейца, проживавших в 20 корейских посёлках. А всего в Приморской и Амурской областях в 21 корейском посёлке проживало 6 766 корейцев.

Во второй половине 1880-х годов правительство России установило официальные дипломатические отношения с Кореей. При этом вопрос законодательного оформления корейской миграции в Приамурье неоднократно поднимался в 1884 году в ходе переговоров между российским дипломатом К. И. Вебером и выступавшим со стороны Кореи Ким Юн Сиком. В 1888 году на российско-корейских переговорах было положено начало законодательному оформлению положения корейских мигрантов в Дальневосточном регионе. Завершились они принятием конвенции о пограничных сношениях и соглашения, предоставившего корейцам, перешедшим на русскую территорию до 1884 года, те же права, что и российским подданным.

Корейская миграция активизировалась в 1884 году. В 1886 году в 18 деревнях Южно-Уссурийского края проживало 6 663 корейца. Кроме того, во Владивостоке было 420, в Благовещенске — 720, Хабаровске — 104 корейца. С 1882 по 1906 год общая численность корейцев увеличилась с 10 761 до 40 683 человек [9, с. 51].

В 1891 году согласно указаниям приамурского генерал-губернатора Андрея Николаевича Корфа все корейцы, проживающие на Дальнем Востоке, были разделены на три группы. Корейцы, переселившиеся до заключения первого русско-корейского договора 1884 года, относились к первой группе, они являлись русскими подданными и исполняли денежные, натуральные, воинские повинности, их наделяли земельными участками в размере 22 га для одной семьи. Во второй группе были корейцы, переселившиеся после заключения договора 1884 года. Они не имели права на пользование казённой землей и должны были оформить корейский национальный паспорт, а также приобрести годичный русский билет для проживания на российской территории. Эти корейцы тоже привлекались к денежным и натуральным повинностям.

К третьей группе были отнесены корейцы, приезжающие на временную работу. Они приобретали русские билеты и прибывали по национальным паспортам. Им не разрешалось жить и заниматься хозяйством на государственных землях.

В 1895 году закончилась Японо-китайская война (1894–1895 гг.) поражением Китая и подписанием 17 апреля 1895 года Симоносекского мирного договора. Согласно договору китайской стороной была признана полная неза-

Корейская семья (артисты).

ЭР00910

висимость Кореи. Окончание войны вызвало новую волну корейских переселенцев в Приамурский край. Это были преимущественно чернорабочие и земледельцы. Они нанимались к русским на сезонные полевые и строительные работы, шли на каменноугольные копи, золотые прииски, занимались рыбной ловлей. В 1895 году в Приамурском крае официально числилось 18,4 тысячи корейцев, из которых 16,7 тысячи проживало в Приморской области, 0,6 тысячи — в окрестностях Хабаровска и 1,1 тысячи — в Амурской области [9, с. 52].

Во время правления приамурского генерал-губернатора Сергея Михайловича Духовского корейцам была предоставлена возможность заниматься сельскохозяйственной деятельностью. В 1894 году им было разрешено арендовать государственные земли в северных районах края. В результате недалеко от Хабаровска — на берегу реки Хор — была построена корейская деревня Александрово-Михайловка.

В 1897–1898 годах русскими подданными стали корейцы второй категории. В 1900 году все корейцы, проживавшие в Приамурском крае, были приняты в русское подданство. Каждая семья получила 72,5 га земли. Корейцы стали платить все налоги и сборы наравне с русскими.

После Русско-японской войны (1904–1905 гг.) количество корейских переселенцев в Приамурском крае вновь резко возросло. В 1905 году в Приморской области насчитывалось 34 399 корейцев, из которых 15 122 человека были приняты в российское подданство [7, с. 86].

Корейская слабода в окрестностях Владивостока, 1900 год.

К началу XX века сформировалось административное устройство корейских населённых пунктов. Так, в 1903 году в Приморской области было 32 деревни. Из них 31 селение относилось к Южно-Уссурийскому округу с центром в селе Никольском. Они были закреплены за пятью волостными правлениями, за одним Хабаровским корейским городским правлением и за Никольским китайско-корейским правлением. Корейское население Хабаровска находилось в ведении Хабаровского корейского городского правления, председателем которого с 1895 года был Чон Гавоп.

Корейские крестьяне селились по долинам рек отдельными хуторами, разбросанными по берегам на протяжении 10–15 вёрст. Свои фанзы и надворные постройки они ставили посредине обрабатываемого ими земельного участка. Автор статьи «Корейцы Приамурского края» Н. А. Насекин в этой связи писал: «Корейцы не любят жить скученно, в сплошную улицу, а каждый ставит свою усадьбу отдельно, с таким расчетом, чтобы и огород его, и поле находились тут же, непосредственно прилегая к усадьбе» [5, с. 23].

Сведений об истории хабаровских корейских поселений Осиповка и Сам-Ир достаточно много. О первом известно, что образовалось оно в 1880-х годах в восьми верстах от Хабаровска, ниже по течению Амура. Переселенцы в основном занимались земледелием (выращивали овощи). Также в склонах сопок корейцами велась разработка угля. В первые годы советской власти в Осиповке насчитывалось около полусотни хозяйств, из которых была организована рыболовецкая артель «Красный кореец», позднее колхоз «Кубяк».

О корейской слободе, известной как «Нахаловка», расположенной на окраине города в районе «Дальэнергомаша», остались единичные сведения только в литературе о революционных событиях и об истории самого завода.

В дореволюционные годы в этом районе города находились корейские захоронения и загородная балка, которая являлась удобным местом для проведения митингов и собраний. В истории Хабаровска имеются воспоминания об одном из революционных событий: «Здесь 1 июля 1907 года по призыву Хабаровской группы РСДРП собрались рабочие завода “Арсенал”, работники почты и телеграфа для того, чтобы договориться о времени и месте вооруженного восстания в г. Хабаровске. Активное участие в этом митинге приняли солдаты Хабаровского гарнизона. Но полиции с помощью провокатора удалось обнаружить место митинга, разогнать собравшихся и арестовать часть его участников» [1, с. 15].

Жизнь в быстроразвивающемся крае требовала как можно больше грамотных людей, в том числе и из корейского населения. Большинство из них понимало, что знание

ДВГНБ

ЭР00910

русского языка открывает перед ними новые возможности. Это обстоятельство сильно способствовало тому, что основная масса жителей корейских сёл охотно шла на открытие школ для своих детей. С целью оказания помощи в изучении русского языка местные власти организовали строительство школ для обучения русской грамоте корейских детей ещё в начале корейской миграции. Так, в 1868 году открылась школа в деревне Тизинхе (в заливе Посьет). Не прошло и двух лет, как генерал-губернатор Михаил Семёнович Корсаков выделил средства на строительство ещё двух школ в Южно-Уссурийском крае. В 1872 году школа для обучения корейских детей появилась в с. Благословенном Амурской области. К моменту принятия частью корейского населения в 1896 году русского подданства в корейских сёлах Приморской области функционировало не менее 14 школ [8, с. 221].

Получая начальное образование, молодые корейцы становились полноправными членами российского общества в рамках существующих тогда сословий. Многие из них смогли достичь вершин социальной лестницы, среди них были офицеры, чиновники, священнослужители и просто высокообразованные интеллигентные люди. В качестве одного из достижений корейцев на поприще служения своей новой родине отметим тот факт, что уже в 1899 году было разрешено принимать их на службу в такое важное государственное учреждение, как почтово-телеграфное ведомство, которое в то время замыкалось на Министерство внутренних дел. В 1911 году в Хабаровске было открыто церковно-приходское училище для корейских детей.

О том, как корейцы проводили своё свободное время, в литературе по истории корейской общины сведений очень мало. Например, изредка упоминаются различные азартные игры как восточного, так и российского происхождения. Наиболее распространённой среди мужчин была «банковка». Играли в эти игры в свободное время, которого у корейских тружеников было не так уж и много. Многие корейские мужчины любили играть в традиционные шахматы («чжанги»). Молодые девушки развлекались катанием на качелях («нольтвиги»). Дети младшего и среднего возраста играли в традиционные игры в камешки («конгинори») [8, с. 242].

14 сентября 1912 года в Хабаровске состоялось торжественное основание Корейского общества развития труда, где присутствовало более 60 человек, членов общества, принадлежащих к местной колонии корейцев, насчитывающей тогда в городе 872 человека. Председателем общества был избран господин Синь.

Корейское население Приморского края имело свои информационные печатные издания для взрослых и детей. В апреле 1929 года издававшаяся с 1924 года во Владивостоке краевая корейская газета «Авангард» была переведена в Хабаровск. В 1925 году краевая детская газета «Знамя пионера» издавалась на корейском языке.

Корейские переселенцы, будучи в совершенно новых для них условиях российского Дальнего Востока, приобщаясь к российской культуре, оставались носителями своего языка, своих национальных обычаев, традиций, всего того, что составляло корейскую культуру.

После выхода постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 года № 1428-326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» началась депортация корейцев с Дальнего Востока, в том числе из Хабаровского края, в республики Средней Азии.

Корейцы на вокзале в Хабаровске.

Корейцы во Владивостоке.

ЭР00910

Кроме того, во второй половине 1930-х годов последние корейцы, проживающие в Хабаровске, постепенно вытеснялись из района бывшей корейской слободы («Нахаловки») по причине наступления на их земельные участки строительства авторемонтного завода имени Кагановича (ныне завод «Дальэнергомаш»).

Решение о строительстве авторемонтного завода с пропускной способностью 2 500 машин в год было принято в 1932 году. Уже через полтора года после его закладки на окраине города (ныне это центр города) из заводских ворот вышли первые отремонтированные автомобили [10, с. 61].

На улице Синельникова, в районе завода «Дальэнергомаш», в 1930-е годы были возведены многоэтажные дома для рабочих завода.

Имеются воспоминания краеведа А. М. Жукова о том, что он ещё застал остатки корейских захоронений в Хабаровске в районе «Дальэнергомаша», в границах улиц Синельникова и Шабадина. Более поздние захоронения корейских жителей были на Михайловском погосте в районе современного автовокзала и на Центральном кладбище города [3].

Таким образом, корейские переселенцы своим трудом и законопослушностью внесли большой вклад в освоение пустынного Дальневосточного края. Переселение корейских крестьян на русскую территорию и временная корейская миграция, несмотря на изоляционную политику Корейского королевства, способствовали улучшению политического климата между Россией и Кореей, установлению дипломатических связей и дальнейшему развитию добрососедских отношений между двумя государствами.

Список использованных источников

1. *Григорьева, А. Исторические памятники и памятные места Хабаровска / А. Григорьева, Е. Мельниченко. — Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1958. — 44 с.*
2. *Жуков, А. М. Лучше умереть, чем вернуться на Родину / А. М. Жуков // Приамур. ведомости. — 1998. — № 204/205, 11 ноября.*
3. *[Историческая справка краеведа А. М. Жукова от 24.12.2016.] // Архив Хабар. краев. дет. б-ки им. Н. Д. Наволочкина, [2016].*
4. *Максимов, А. Я. Наши задачи на Тихом океане : политические этюды / А. Я. Максимов. — Санкт-Петербург,1894. — 144 с.*
5. *Насекин, Н. А. Корейцы Приамурского края. Краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край / Н. А. Насекин // Труды Приамурского отдела Императорского Русского географического общества 1895 г. — Хабаровск, 1896. — С. 1–36.*
6. *Нестерова, Е. И. Страницы истории создания китайских кварталов в русских дальневосточных городах в конце XIX – начале XX вв. / Е. И. Нестерова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. — Благовещенск, 2001. — Вып. 2. — С. 57–62 ; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://grgame.ru/download/, свободный.*
7. *Пак, Б. Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период) / Б. Д. Пак. — Москва : Междунар. центр корееведения МГУ им. М. В. Ломоносова, 1990. — 62 с.*
8. *Петров, А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90 годы XIX века / А. И. Петров. — Владивосток : ДВО РАН, 2000. — 304 с.*
9. *Тесленко, С. А. Китайская и корейская миграция в приграничные районы Дальнего Востока России (1860–1905 гг.) : монография / С. А. Тесленко. — Анапа : Ин-т береговой охраны ФСБ России, 2013. — 176 с.*
10. *Хабаровск'97/98 : записная книжка горожанина. — Хабаровск : Част. коллекция, 1997. — 192 с. — (Город на ладони).*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 03.09.2018 г.

Сведения об авторе: Ракова Ольга Алексеевна, кандидат культурологии, директор Хабаровской краевой детской библиотеки имени Н. Д. Наволочкина (г. Хабаровск), заслуженный работник культуры РФ.
Контактные данные: тел. (4212) 32-44-31.

ДВГНБ

ЭР00910

ЯКИМОВА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ КРИТИКА ВСЕВОЛОДА НИКАНОРОВИЧА ИВАНОВА

В статье на основе литературно-критических публикаций Вс. Н. Иванова в дальневосточных периодических изданиях периода Гражданской войны, а также с привлечением материалов редких эмигрантских изданий актуализируется малоизвестная грань творческого наследия писателя, журналиста и критика, его подвижнический вклад в теорию и практику отечественной литературно-критической мысли.

Ключевые слова: Вс. Н. Иванов, писатель и критик, теоретическая и публицистическая литературная критика, русское зарубежье Дальнего Востока.

Keywords: Vs. N. Ivanov, writer and critic, theoretical and opinion journalism literary criticism, Russian Far East Abroad.

ДВГНБ

Литературно-художественная критика русского зарубежья Дальнего Востока решала свои особые задачи в существенно изменившемся историко-культурном контексте 1920-х годов. Способствуя самоопределению русской эмиграции, стремившейся сохранить глубинную связь с Россией, её историей и культурой в окружении другой, во многом чужой, восточной культуры, эмигрантская критика развивалась в широком диапазоне между критикой теоретической и прикладной. Создаваемая по «горячим следам» драматического раскола русской культуры вследствие Октября 1917 года русская зарубежная литературно-художественная критика через богатство жанровых модификаций запечатлела в себе философско-эстетические и социально-политические воззрения и искания представителей различных социальных классов и групп.

Одной из заметных фигур в культурной жизни «русского» Китая был Всеволод Никанорович Иванов (1888, г. Волковыск, Гродненская губерния — 1971, г. Хабаровск), писатель, литературный критик, мыслитель и журналист, снискавший большую известность в эмигрантской среде. О его целенаправленной деятельности в решении проблемы творческого самоопределения свидетельствует труд философско-культурологического характера «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933). В предисловии к этой книге автор с горьким сожалением констатирует свою фактическую оторванность от России, внутренняя связь с которой в годы эмиграции стала ещё крепче: «Очень жаль, что пишущий эти строки, сущий в эмигрантском рассеянии, оторван от родных библиотек русских столиц, оторван от общения с живыми соотечественниками, которые думают общую думу» [3, с. 6]. К этой работе писателя, литературного критика и учёного побудили драматические события государственного раскола в России, остро требовавшие их анализа и постижения. В предисловии автор объясняет свои мотивы: «Кровавые события, которые разыгрываются на улицах, могут быть изжиты двояким путём: или полным истреблением одной из сторон, или же спокойным распутыванием нитей запутавшихся коллизий. Который предпочтём? За себя и за читателя ответим: — Второй» [3, с. 5]. Смелые и оригинальные суждения художника и мыслителя Вс. Иванова об искусстве, о его роли и месте в жизни и познавательной деятельности человека не утратили своей актуальности. Искусство призвано, как утверждает Иванов, раскрыть перед человеком такие глубины жизни, которые не подвластны «сухой» науке. «Искусство есть тоже род познания, и весьма авторитетный, и должно сказать, что наблюдаемое пренебрежение к нему со стороны патентованной науки — не может быть ничем обосновано. <…> Материальными образами искусство рисует нам, однако, некоторую реальность, реальность в полном смысле, реальность, относящуюся по характеру своего существования к цели, реальность которой нельзя пощупать руками, но которая “реальнейша”, которая дана в мире интеллигибельном, откуда непреходящее значение интеллигенции» [3, с. 123].

Автор монографии о главном деле человеческой жизни и способах её познания исключительную роль отводит миру поэзии. «Ещё знаменательнее мир поэзии, — пишет Вс. Иванов. — Он не менее существенен, нежели мир прозы, напротив, гораздо более реален. Ещё Сократ сравнивал поэтов с оракулами, потому что поэты, как и оракулы, не знают, что говорят, и в то же время говорят истину. И поэты, действительно, бывают прямо пророками, в прямом смысле этого слова. Они как бы видят самым удивительным образом всю структуру будущего, видят её в образах, которые охватывают собой и предвосхищают собой наши все инвенции» [5, с. 125]. Пророками Иванов называет Пушкина, Лермонтова, Тютчева, не забывая об Аксакове и Хомякове. Из своих современников истинным пророком писатель и критик Вс. Н. Иванов называет А. Блока, который в своей поэме «Двенадцать» предсказал всю суть русской революции, с её началом и финалом. Следуя логике рассуждений критика Вс. Иванова, за двадцать с лишним лет глубоко постигшего бытие эмигрантов в изгнании, становится понятным и объяснимым всегда резко возраставшее в кризисные моменты российской истории число увлекавшихся поэзией. Именно поэзия способствовала открытию и обнаружению сокрытой в обыденной жизни бездны человеческих чувств, интуиции и интеллекта.

Подводя итоги размышлениям об искусстве как особом способе познания, Вс. Иванов резюмирует: «Искусство, таким образом, не чуждо знанию, оно не противоречит ему, оно его расширяет, дополняет до всех сторон человеческого духа. Оно и только оно может вскрыть эту механику целей, показать, как они возникают, как бывают избираемы, на какие высоты и в какие тупики заводят они человеческий дух. <…> Равным образом, искусство может дать понятие о некоторых конститутивных законах в царстве целей, о том, что мы называем Добром и Злом, что мы знаем всё, и о чём мы не имеем “ни малейшего понятия”» [3, с. 125].

Многие критики придерживались идеи «синтеза» двух фундаментальных начал. Синтез науки и творчества в литературно-художественной критике русского зарубежья Дальнего Востока дополнялся социокультурным заказом на публицистическое звучание.

Разница трактовки критики как творчества или как публицистики обусловливала выбор жанра. Установка на проблемно-тематический аспект в интерпретации художественного творчества была характерна для деятельности продолжателей публицистической критики в русском зарубежье Дальнего Востока.

ДВГНБ

ЭР00910

1921 год, вошедший в историю отечественной литературы как год трагических утрат гениев Серебряного века, Н. Гумилёва и А. Блока, остался запечатлённым в литературно-критических статьях-некрологах Вс. Иванова, находившегося в этот период времени на пороге эмиграции, во Владивостоке.

Русские писатели и журналисты на отдалённом «пятачке» России, ощущая свою оторванность от центра, вместе с тем вели активную творческую жизнь. Свою причастность к общей жизни страны они выражали через связанную с журналистикой литературно-критическую деятельность. В 1921 году в Петрограде большевиками был расстрелян Николай Гумилёв, в том же году умер Александр Блок. Трагедия необыкновенным образом сблизила этих разных поэтов, которые стали вершинными фигурами, высшими ориентирами не только для поэтов-эмигрантов, но и для всей эмиграции. Статья-некролог Вс. Иванова «Причастный тайнам (Памяти А. Блока)» открыла новый этап в осмыслении творческого наследия поэтов, прозревавших за трагедией настоящего светлые дали. Вс. Иванов одним из первых ощутил в поэме «Двенадцать» А. Блока не романтику революции, а «стихийное бушевание этой подлинной, мировой тоски, которая в русском народе» [6, с. 2]. По мнению писателя и критика, «мистическое содержание этой иной подлинности тоскующей реальности и составляет другое содержание “Двенадцати”» [6, с. 2]. Очевидной становится и причина полярных трактовок поэмы разными политическими силами. Она — в неразгаданности, в недостаточности проникновения в её глубинный смысл, «потому что проникновение — это дело самого поэта, дело Причастного Тайнам, особым тайнам поэта» [6, с. 2].

Журналистика российского и эмигрантского Дальнего Востока во многом благодаря продуктивности литературно-критических публикаций становилась универсальным средством коммуникации, вобравшим в себя полифонию социокультурной жизни. Постижение творчества поэта становилось для оказавшихся на последнем островке России, во Владивостоке, средством прогнозирования будущего России: «И надо знать Блока, с его мистическим ясновидением, с его напряжённым пронизывающим созерцательным взором, направленным именно в будничную жизнь, чтобы там открыть иные, подлинные аспекты жизни, чтобы понять, что поэма эта — не только фотографический снимок, а полное выражение мировоззрения поэта» [6, с. 2].

Через десять лет, уже в эмиграции в Китае, Вс. Иванов вновь обратится к поэтическому наследию А. Блока в литературно-критической статье-некрологе, посвящённой 10-й годовщине со дня трагической смерти великого поэта, и выразит углубившуюся с годами приверженность русской эмиграции художественным ценностям Серебряного века. Присущая публикации манифестационность заявлена в первых строках эпиграфа: «Неужели вы позабыли, // Что поэзии имя — Блок?» [2, с. 9–10]. Трагизм настоящего сменяется верой и надеждой, которые были необходимы в эмиграции: «Едва ли у кого из русских писателей столь явственно видна вся эволюция духовной жизни России перед революцией. Блок не просто прожил, не просто просмотрел два страшных десятилетия XX века, — нет, он пережил, перечувствовал их. <…> Революция задавила его годами, кровью, глухотой, но он провидел за ней какие-то новые, светлые, примеренные дали. <…>

— Всё будет хорошо, — записывал Блок в 1918 году в своей 49-й книжке. — Россия будет великой!.. Но как трудно ждать и как трудно дожидаться!..

И великий поэт умер, не дождавшись, в тёмном Петербурге, умер со старым, светлым именем Пушкина на последнем своём стихе» [2, с. 10].

Критик, решая задачи познания мира художественного текста и бытия, послужившего его источником, вместе с тем создаёт и распространяет вокруг произведения или всего корпуса произведений писателя соответствующее информационное эстетико-аксиологическое поле. Такие «поля», с необходимостью возникая по всему миру вследствие гигантского рассеяния россиян на рубеже 1920-х годов, актуализировали социально-преобразующую миссию отечественной литературно-художественной критики за рубежом.

Трагическая гибель Н. Гумилёва в условиях раскола России вызвала к жизни полемику с виновниками этой смерти. Особой остроты она достигла там, куда советская власть в начале 1920-х годов ещё не пришла. Так было во Владивостоке, где в это время жил поэт и журналист Вс. Иванов. Именно его перу принадлежит статья-некролог в литературно-художественном приложении к воскресному номеру владивостокской газеты «Русский край» с громким обвинительным заголовком «В Петрограде большевиками расстрелян поэт Николай Гумилёв» [4, с. 1–3]. Три страницы из четырёх этого приложения посвящены трагической дате и открываются глубокими стихами Н. Гумилёва «Измучен огненной жарой...». Некролог Вс. Иванова пронизан горечью утраты великого российского поэта, непримиримостью и гневом в адрес виновников трагедии, доходящими до сарказма строками: «Советскую власть можно поздравить с новым серьёзным завоеванием. Ещё меньше одним пленительным человеком на русской земле. Ещё больше простора осталось для творцов новой жизни, хамов с низкими лбами. Конечно, он должен был умереть. Он не был творцом новой жизни. Он был певцом жизни вечной, прекрасной, такой, какая она есть на самом деле» [4, с. 2]. Раскрывая причины этой безвременной утраты, необыкновенно высокой цены свободы, Иванов указывает на трагически типичный для России

ДВГНБ

ЭР00910

конфликт поэта и власти. Статья вызывает литературные ассоциации с художественно воссозданной М. Ю. Лермонтовым в стихотворении «Смерть поэта» трагической развязкой судьбы великого поэта России А. С. Пушкина. Драматическое созвучие характера конфликта разных эпох обусловливает трагическую сущность русской истории и истории русской культуры в целом. Своё повествование о творческой и человеческой судьбе Н. Гумилёва Вс. Иванов включает в широкий культурно-философский контекст XX века.

В целом статья-некролог Вс. Н. Иванова «В Петрограде большевиками расстрелян поэт Николай Гумилёв» отражает новые тенденции и влияния, активно распространявшиеся в литературно-художественной критике первых десятилетий 20-го столетия в контексте продуктивного диалога классических и модернистских традиций. Эссеистская, ассоциативная импровизационность, как проявление модернизма, по-новому, но чрезвычайно продуктивно дополняет и обогащает жанр некролога в его классической разработанности.

Жанр некролога в силу масштабности социокультурного трагизма, обусловленного расколом единой национальной культуры России, принёсшим с собой угрозу мирозданию, занял особое место в литературно-художественной критике русского зарубежья Дальнего Востока. Данное обстоятельство актуализирует дальнейшее изучение жанра некролога в историко-культурном контексте XX века, в который свой заметный вклад внёс Вс. Н. Иванов.

Список использованных источников

1. *Барахов, В. С. Искусство литературного портрета : Горький о В. И. Ленине, Л. Н. Толстом, А. П. Чехове / В. С. Барахов ; АН СССР. — Москва : Наука, 1976. — 184 с.*
2. *Иванов, Вс. Александр Блок (к исполнившемуся 7 августа десятилетию смерти поэта) / Вс. Иванов // Рубеж. — Харбин, 1931. — № 35. — С. 9–10.*
3. *Иванов, Вс. Дело человека : опыт философии культуры / Вс. Иванов. — Харбин : [б. и.], 1933. — 152 с.*
4. *Иванов, Вс. Н. С. Гумилёв (Расстрелян Н. С. Гумилёв) / Вс. Иванов // Рус. край. — Владивосток, 1921. — № 144. — С. 1–3.*
5. *Иванов, Вс. Огни в тумане : Думы о русском опыте / Вс. Иванов. — Харбин : [б. и.], 1932. — 366 с.*
6. *Иванов, Вс. Причастный тайнам (Памяти А. Блока) / Вс. Иванов // Вечерняя газ. — Владивосток, 1921. — № 75. — С. 2.*
7. *Коган, П. Два биографа // Рус. мысль. — 1898. — № 12. — С. 34.*
8. *Чуковский, К. Письма К. Чуковского разных лет / К. Чуковский (вступ. ст., публ., коммент. Л. Крысина) // Вопр. лит. — 1972. — № 1. — С. 152–182.*

Материал поступил в редакцию 22.06.2018 г.

Сведения об авторе: Якимова Светлана Ивановна, доктор филологических наук, зав. кафедрой «Журналистика» Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 005563@pnu.edu.ru; тел. 8-914-777-73-71.

ДВГНБ

ЭР00910

ПОЗИНА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ДНЕВНИКОВЫХ ТЕКСТОВ ПИСАТЕЛЯ И МЫСЛИТЕЛЯ ВС. Н. ИВАНОВА

В статье приведён анализ дневниковых текстов Вс. Н. Иванова, относящихся к хабаровскому периоду его жизни (1944–1965 гг.) и хранящихся в настоящее время в фондах Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск). Автор скрупулёзно исследует всё жанровое многообразие имеющихся в музейном собрании дневника и записных книжек известного писателя, выявляя тем самым особенности его личности, взглядов на окружающую его советскую действительность, факты его внешней и внутренней жизни, отношения с другими людьми и многое другое.

Ключевые слова: Вс. Н. Иванов, Хабаровск, диарист, дневниковая проза, дальневосточные писатели, русская эмиграция, советская Россия.

Keywords: Vs. N. Ivanov, Khabarovsk, diarist, diary prose, Far Eastern writers, Russian emigration (white emigre), Soviet Russia (Russian Soviet Federative Socialist Republic).

ДВГНБ

ЭР00910

Изучение дневника писателя для литературоведов не менее значимо, чем анализ художественных произведений: это часть его профессиональной деятельности. Любая запись в дневнике — потенциальный «предтекст», текст в его неокончательном, черновом, незаконченном виде, к которому автор ещё предполагает вернуться, чтобы его переписать или дополнить. По мнению исследователя М. Ю. Михеева, понятие дневника может стать ядром внутри более общего — дневниковых текстов, включающих в себя записные книжки, мемуары, письма, путевые журналы, автобиографии, исповеди, маргиналии, рабочие тетради. К дневниковым относятся тексты, имеющие автобиографическое значение, субъективную авторскую точку зрения на мир, а также центрированные вокруг субъекта и ориентированные на реально происходившее [13].

Всеволод Никанорович Иванов в рабочем кабинете. Хабаровск, 1963 год.

В собрании Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова хранятся дневник и 26 записных книжек хабаровского периода крупного писателя-историка и мыслителя Всеволода Никаноровича Иванова. Хронологически они охватывают два десятилетия; самая ранняя по времени написания относится к 1944 году — началу 1945-го. На это указывают две даты: 29 января и 22 мая 1944 года, которые указаны рядом с двумя записями, в том числе и фиксация рассказа жительницы Читы (в этот город Вс. Н. Иванов приехал в феврале 1945 г.). Последняя записная книжка в коллекции писателя относится к марту 1965-го, ко времени его участия во II съезде писателей РСФСР. Многочисленные записные книжки отличаются от дневника внешней формой: дневник Вс. Н. Иванов вёл в большой книге с твёрдым переплётом, приспособив китайскую книгу учёта; дальше записи велись в книжках небольшого формата, и дневниковый текст одного года содержится, таким образом, в пяти-семи книжках (например, записные книжки 1956, 1961 гг.), но внутренняя форма дневника при этом во многих из них сохраняется неизменной.

Ведение дневника в России было традиционным для классической системы воспитания XIX – начала XX века: Вс. Н. Иванов, получивший образование в Костромской классической гимназии, делал подневные записи в течение всей своей жизни. Косвенным свидетельством этого можно считать высокую культуру ведения дневника, которая заметна в текстах хабаровского периода, а также то, что часть записей 1944–1945 годов записана с пометкой «Из дневников». (Традиция составлять записные книжки, переписывая отдельно наиболее значимые и точно выраженные оригинальные мысли, близкие к афоризмам, будет характерна для писателя и впоследствии.)

В дневниковых текстах Вс. Н. Иванова можно отметить следующие внутренние жанры: дневник поездок, служебных записей, дневник читателя и перекликающийся с ним дневник-конспект (выписки из прочитанной художественной и специальной литературы); дневник радиослушателя, театрального и кинозрителя, памятных дат, с упоминанием государственных, церковных и семейных календарных праздников; дневник сновидца, дневник погоды, отражающий состояние природы в разное время года, в разных местах, где он бывает; дневник-черновик своих поэтических произведений и др. Стоит отметить, что все перечисленные жанры сосуществуют в дневниковых текстах Вс. Н. Иванова воедино, и их разнообразие не ведёт к разделению. Исключение составляет лишь один внешне выделенный дневник записей, связанных с наблюдением за русским языком, сравнение его с иностранными языками.

Дальневосточные писатели на обсуждении журнала «Дальний Восток». Слева направо (сидят): Вс. Н. Иванов, Д. Д. Нагишкин, Ю. А. Шестакова, Н. И. Максимов; (стоят): Н. Е. Шундик, В. Т. Кучерявенко, А. С. Пришвин. Москва, 1952 год.

ЭВГНБ

ЭР00910

В силу того, что дневник выполняет сразу много функций и включает множество подрубрик, дневник Вс. Н. Иванова содержит в себе и адресную, и телефонную книгу, карандашные пейзажные и портретные зарисовки, пометки для памяти (о делах, связанных с работой других писателей-дальневосточников, о покупках для родных и знакомых), встречается также подрубрика «встречи и беседы» с кратким их изложением и другие.

В течение всего хабаровского периода Вс. Н. Иванов, за исключением, может быть, последних лет жизни, много ездил по региону и по стране, оставляя подневные записи своих дорожных впечатлений, поэтому наиболее полно в текстах писателя представлен дневник поездок. Точная датировка записей синхронизирует события с реальным историческим временем, и хронологическая точность обеспечивает важную черту жанра — достоверность и документальность.

Время дневникового текста наполнено символичным значением и связано как с биографией, так и с творчеством автора. Все поездки писателя сопровождались встречами и знакомством с людьми. Записям Иванова свойственно фиксирование рассказов, жизненных историй «встречных». Так, в одном из текстов автор даёт описание основных моментов биографии «девушки с вишнёвой лентой», приводит диалоги, раскрывающие характеры людей, чужие оценки происходящего, мнения [6, с. 15–16]. Впоследствии Иванов неоднократно возвращается к этому женскому образу, например, задумывая роман о современности. Случайная встреча с женщиной, история её жизни дают писателю основу творческого поиска, фантазии.

В подневных записях Вс. Н. Иванова есть поездки короткие, проходившие в течение дня («по ягоды»), и их описание даётся в одной записи, и — продолжительные, многомесячные, которые автор разворачивает во времени и пространстве постепенно в десятках записей.

В дороге человек обычно попадает в нетипичное для себя положение, которое может менять его отношение к себе и к окружающему миру. Дорога, место, где «пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многоразличнейших людей», позволяет автору общаться со случайными людьми разных социальных слоёв, возрастов и из разных мест проживания [1, с. 392]. Для Вс. Н. Иванова местами пересечения пространственного и временных рядов служат вагон поезда, номер гостиницы, лагерь, разбитый на природе у костра, и т. д. Встреча с незнакомыми людьми даёт возможность писателю понять свою страну, которую он только начинает узнавать заново, увидеть и оценить изменения, происходящие в обществе. Так, в одной из записей он отмечал: «Было очень интересно разговаривать — встаёт новая страна» [6, с. 105]. «М[ожет], пр[ежде] ни разу в поездке не видел я живых людей, ск[олько] ув[идел] в сей раз» [6, с. 218]. Автор штрихами или же полностью записывал темы разговоров, рассказы собеседников, которые его тронули, заинтересовали. Иногда же просто фиксирует фамилии и социальный статус попутчиков. «Потом беседовал с Александрой Петровной, женщиной инженером из Магадана. Очень одобрила тезис, что «брак — это состязание», — «пишите, Вс. Н.!» — Умна» [6, с. 69]. «Ехали мы с Ажаевым. Потом краевой прокурор Черных, секретарь Сахалинского областного комитета Колесников…» [6, с. 70]. Ещё один из вариантов записи о встрече у Вс. Н. Иванова связан с внешним описанием незнакомого человека, которое создаёт образ «встречного»: «…старушка Иванова Елизавета Евстигнеевна — седая, нежная, очевидно, очень красивая в прошлом москвичка... У неё в комнате — базар из мебели… И так и длят старое очарованье Москвы… Божий цветочек…» [6, с. 85]. Иногда Вс. Н. Иванов записывает только один из поразивших его жизненных фактов. Так, писатель, человек, за несколько десятилетий переживший много драматических событий, в Свердловске знакомится с тремя старушками (ровесницами Всеволода Никаноровича), живущими в одном городе и доме на протяжении четырёх десятков лет. В их судьбе главным для него становится их территориальное постоянство [6, с. 204].

Дорога, по М. М. Бахтину, — «точка завязывания и место совершения событий», в котором время становится частью пространства и проходит по нему, отсюда богатая метафоризация пути-дороги: «жизненный путь», «путь души» [1, с. 392]. Эта метафора, сопряжённая со стремлением вперёд, продвижением в пространстве и достижением духовных вершин, важна для Вс. Н. Иванова. Писатель многократно приводит в записях и даёт перевод определению таланта, данному Цицероном, как «непрерывное движение духа». Вс. Н. Иванов рассматривал жизненный путь человека в движении. При этом писатель считал, что оно должно быть осознанным, бездумное движение преступно, потому что влечёт за собой «страшные расплаты».

Диарист противопоставлял юность старости, как ночь дню, считая только старость осознанным временем в жизни человека. «В молодости, как к свету в ночи, рваться вперёд, ничего не видя. К старости наступает день и страшные расплаты за содеянное в ночи» [6, с. 245]. Однако любое, по Вс. Н. Иванову, отсутствие действия, застойное существование делает человека безвольным потребителем, уподобляет его жизнь существованию червя. Иванов не приемлет «повторяющееся бывание» в жизни человека, при котором время, лишённое поступательного исторического хода, движется по узким кругам дня, недели, месяца и жизни [1, с. 396]. Он пишет: «Думается — живут все, как червяки-гусеницы на

ЭР00910

дереве, случайно приросли, едят, и ладно, а нужна миграция» [6, с. 288]. Пример такой жизни, проходившей в «обыденно-житейском циклическом бытовом времени», Иванов видит в жизни своего товарища по гимназии Володи Краснопевцева. Повстречавшись с его вдовой, писатель записал: «Володя Краснопевцев — умер 7 лет тому назад. (…) Он служил, пил, спал, читал. Имел роман, и т[олько] это одно, м[ожет] б[ыть], оправдает его при Боге» [6, с. 126–127].

Выступление Вс. Н. Иванова на своём юбилее. Хабаровск, 1968 год.

В дневниковых записях встречается оценка жизни населения разных городов, сравнение дальневосточников и уральцев. Их жизненный уклад и ритм, по мнению автора, зависит от их нахождения в том или ином месте, от традиций, которые хранит территория: «Здесь в центре — всё не так растрепанно, больше порядку. Но молчаливее. Своё блюдут. На окраине у нас — больше разговоров, но порядку меньше. Люди — случайные. Внове всё» [6, с. 203]. Передавая свои ощущения от общения с жителями Москвы и Ленинграда, он замечал: «В Москве бьётся какой-то пульс. А здесь сплошная ткань людей, сцепленных вместе, среди к[оторы]х себя чувствуешь чужим» [6, с. 222].

В дневниковой прозе Вс. Н. Иванова образ дороги связан с мотивом памяти. Писатель осознавал, что «память — это путешествие в прошлое, где-то скрывающееся» [6, с. 64], поэтому дорога, приводя человека к определённым местам, людям, воскрешает прошлое. В дневниковых текстах Вс. Н. Иванова присутствует оппозиция «прошлое — настоящее». Для писателя прошлое и настоящее неотделимы друг от друга, они сосуществует одновременно и переплетаются. «Когда идёшь по Л[енингра]ду — он полон тенями прошлого: вороной рысак в санках огибает гл[авного] шт[алмейстера], карета с красными ливреями и белыми чулками на запятках, дама стремительная и подобранная, офицер с саблей и папиросой, трусящий извозчик, непреклонный дворник в тулупе и с метлой, городовой на перекрестке с медалями…» [6, с. 238].

Вс. Н. Иванов отмечал постоянство времени, понимал, что «прошлое не уходит — оно вечно» [6, с. 179]. Так, в описании посещения Гагаринского дома в Москве только внешний вид и интерьер здания воссоздают в памяти писателя события давно прошедшие: «И вижу — даже сердце забилось — красивая стена Гагаринского дома: Это он! 1918! Зима. Я из Перми в Москве — Брюсов, Иванов Вячеслав, Гершензон, сонеты… Книги, собранные из Подмосковных… Революция. Контра… И тут этот величественный ампир начала XIX столетия. Белый мрамор, золото-голуб[ой] шёлк мебели зала, кроме столовой, библиотеки во флигеле…» [6, с. 79]. Примечательно, что и в этой записи он, вспоминая то настоящее время 1918 года, видит и отмечает в нём прошлое, отражённое в архитектуре начала XIX века.

Во многих поездках писателя в места, которые он посещал в молодости, происходит возврат к прошлому, ушедшему времени. Так, в ходе командировки в Свердловск, почти через сорок лет после поездки в Екатеринбург в 1919

Всеволод Иванов с участниками семинара молодых писателей. Хабаровск, 1970 год.

ДВГНБ

ЭР00910

году, Вс. Н. Иванов сопоставлял прошлое и настоящее, при этом создавая образ увиденного, штрихами обозначая главное в нём. «…были в д. Ипатьева. Замечательная столовая — роспись потолка, кубки, кабаны, блюда, где кушали и Николай. Потом — узенькая резная лестница, с какой-то рыбой — вниз в нижний этаж — последний путь… (…) А в Хар[итоновском] парке — огромные деревья, пруд, дорожки лирой, виденное всё когда-то в 19 году, и огромные дерева кр[асной] бузины и жёлтой жимолости…» [6, с. 201].

Образ дороги логически переплетён и органично взаимосвязан с образом природы, изменяющейся в зависимости от нахождения автора в пространстве. В записях писателя есть многочисленные описания природы Дальнего Востока и Центральной полосы России, которые он даёт в оппозиции своё — чужое. Писателя страшит дальневосточная природа невозможностью найти ясный путь и физического движения вперёд. Тайга для Иванова чужда и враждебна, она поражает писателя своей «дикостью и необжитостью», даёт чувство «оскомины в душе» и даже «оторопи» перед ней: «Природа стоит вокруг в своём безобразии, хаосе, смеси «земли и воды», полной буйности и бессердечии (…) Это не сухая обжитая Россия, это страшный Дальний Восток… (…) Страшная природа! (…) Природа пустоты и метели в душе…» [6, с. 27]. Иванов записывает свои чувства, делится ими с другими, находя поддержку у окружающих. Эмоциональное потрясение писателя настолько велико, что Всеволод Никанорович, спустя некоторое время, записывает рассказ случайной знакомой о пережитом ею в тайге, о скитаниях, голоде, диких зверях, смерти и безумии девушек, которые были рядом с рассказчицей [6, с. 30].

Рисунок Вс. Н. Иванова. 1957 год.

Поездка в тайгу, в деревню на уборку картофеля — все эти ситуации, нетипичные для прежней жизни писателя, чья зрелая её часть прошла в городе, за границей. Повествование о копке картофеля сопровождается фиксацией процесса, занятий людей, с одной стороны, а с другой — описание своего впечатления «страшной близости природы человеку» и красоты окружающего пейзажа: «Какие дубы! Яркие ягоды шиповника, как кровь. Голубое небо, даль, даль, природа» [6, с. 34]. В подневных записях Иванов многократно приводит пейзажные зарисовки, выполненные штрихами, лёгкими импрессионистскими мазками с передачей цвета и запаха: «За окном золотое дерево на голубом. Осень. Солнце справа. Пахнет осенними цветами» [6, с. 35] или «Лай собаки, как жестяной. Солнце выглянуло, от деревьев проявились тени» [6, с. 117].

Писатель утверждает, что для того, чтобы «описывать природу, нужно быть природе по плечу» [6, с. 69], важно соответствовать ей, быть равным по тонкости, выразительности и красоте. Глядя из окна поезда, он подмечает простые, трогательные, часто грустные черты родной природы, которые вызывают глубокие переживания у него. «Едем и едем, и всё снег, серое небо, чёрные ёлки и вороны, и нету солнца… До чего печальна наша Россия» [6, с. 161]. В пейзажных впечатлениях автора выражается любовь к Родине. В воспоминаниях Вс. Н. Иванов упоминал о чувствах, когда «сердце сжимали спазмы восторга, на глаза набегали слезы». Такое состояние он испытывал в детстве во время слушания монолога Пимена из «Бориса Годунова», в студенчестве при чтении стихов С. М. Городецкого, в годы военной службы при «рассказах о былых подвигах нашего 28-го пехотного Полоцкого полка в суворовских альпийских походах», в зрелые годы во время военного парада Красной Армии. Патриотизм был одним из главных нравственных принципов жизни писателя. Отсутствие в российском обществе национального мировоззрения и подшучивание «над Богом, над своей страной» [5, с. 319–320] писатель считал причинами революции и Гражданской войны.

Особое значение в дневниковых текстах Вс. Н. Иванова имеют многочисленные служебные записи, раскрывающие его взгляды на роль литературы, предназначение писателя, его работу над рукописями, их продвижение и суждения об истории России и вере в жизни человека.

Литература и писательство для Иванова определяли смысл жизни. В конце сороковых он сделал запись:

ЭР00910

«Молодость моя ушла, осталась литература…» [6, с. 96]. Всеволод Никанорович, знакомясь с новыми людьми, встречаясь с писателями, вёл беседы о литературе. В дневниковых текстах есть фиксация факта этих разговоров и подведение их итогов в одном-двух суждениях. Писатель осмысливал значение литературы для человечества, утверждая её ведущую роль в формировании цивилизованного общества: «А людей нужно переваривать литературой, как природу» [6, с. 96]. Познание мира, поиск путей выхода из сложных исторических ситуаций происходит, по Вс. Н. Иванову, через их постижение в художественных произведениях: «Мы познаём литературой» [6, с. 275]. Он понимал, что всё, произошедшее с Родиной в годы революции, было подготовлено, воспитано, оправдано критическим реализмом: «Жестокость р[усской] революции воспиталась и извиняется критическим направлением р[усской] литературы; — одни критиковали, др[угие] — просто расстреливали» [6, с. 349]. Во многом это объясняет негативное отношение писателя к творчеству Н. В. Гоголя. В записи он отмечал: «Гоголь — это, с одной стороны, икона, с другой — Собакевич… И я Собакевичу: — (…) почему ты не икона, а харя? Это и есть “гоголевский период”» [6, с. 118]. Рассуждая о современности его произведений, Иванов писал: «Гоголь, как грибок, съел мир Сквозник-Дмухановского и сам погиб с ним. Он был лишь т[олько] для этого мира» [6, с. 173]. Анализируя трагедию страны в период Гражданской войны, он писал, что в России не было художественной исторической литературы, и на «”проклятые вопросы” дать ответ было некому» [5, с. 319].

В дневниковых текстах писатель замечал, что литературная классика, созданная великими авторами, со временем становится частью культуры, «врастая в ансамбль», как фундаментальный дом. «Основой и утверждением культуры» России для Иванова был А. С. Пушкин: в советской школе, по его мнению, только изучение его наследия транслировало русскую культуру новым поколениям [6, с. 12, 99]. Великий поэт для писателя представлялся константой миропорядка: «Может наша Земля лопнуть, сгореть от а[томной] бомбы, но Пушкин останется, никуда не девается» [6, с. 250]. Он был для писателя мерилом национального мышления, самосознания. В дневниковой записи диарист замечал: «Истина познается и индивидуа[льным] мышлением, но всегда на фоне массового, народного мышления. То, что вырастает на этом гигантском поле, — то отбирается в неск[ольких] головах «гениев». Гении — это те, кто наиболее в родстве с общей, и значит — верной мыслью» [6, с. 304]. После прочтения статьи А. А. Блока «Интеллигенция и народ» Иванов писал, что в ней видна «картина смутности, неразработанности русского мышления. Это у Блока! (…)», и тут же продолжал: «Блок забыл Пушкина. Пушкин знал все, чего не знали ни критики, ни эстеты, ни социологи» [6, с. 297].

Цитируя высказывание Ф. М. Достоевского о красоте, которая спасёт мир, писатель ставил литературу выше красоты. Художественные образы, созданные талантом автора, оказывают такое же сильное воздействие на человека, как и религия, определяя его мышление и мировоззрение. «Пьер Безухов живёт? Его портреты видели? Но разве он — есть? Нет. Но он действует» [6, с. 156].

Вс. Н. Иванов писал, что «литература слагается из двух частей — описание фактов, нужных, полезных, познавательных, и того, что составляет классику, [возвышаясь] над обычным. Как Гомер, Шекспир, Пушкин. В чём эта [вторая] часть: В свободе автора, который в нём, как личность, противостоит миру. «Не дорого ценю я громкие права...» и т. д. (Пушкин). В приобщении автора к этому миру — его одобрение мира, его отрицание мира. Страдание его от этого мира. Или мира от него. В отношении автора к народу, как части его к целому. Одним словом, во всём том, что входит в мир со стороны, и что означает собой — правду, красоту, мораль, как комплекс. <…> Без этого второго элемента литературы нет. Макулатура» [6, с. 211].

В течение многих лет Всеволод Никанорович размышлял о современной литературе, сопоставлял классическую русскую литературу с литературой советского времени. Отмечая социалистическое содержание государства и его национальную форму, Вс. Н. Иванов понимал, что в современной литературе «у русских о национальном — ничего», есть только социалистическое наполнение. Писатель видел необходимость литературы национальной по форме, уточняя, что «национален, т. е. народен, жив, практичен, увязан с народом» [6, с. 84]. Только чтение классических произведений, по Иванову, может помочь писать сокращённо и «делать из старой новую, совр[еменную] литературу» [6, с. 276].

Сравнивая классическую русскую литературу с современной литературой, писатель находил общую точку, которую видел в реалистичности и той, и другой: «Русская литература всегда была реалистична. И при социализме тоже» [6, с. 147].

Всеволод Никанорович считал, что «в литературе надо стоять на земле!» [6, с. 42], писателю необходимо быть частью реального мира и, переосмыслив новую историю, создавать правдивую широкомасштабную картину мира. Литература, по мнению писателя, должна проявить, «оформить его чаяния, выучить весь народ читать их, сознавать их». В одной из записей он отмечал: «Настоящий писатель выражает за всех, улавливает всё, что есть в воздухе, а не за себя только» [6, с. 258].

Эту задачу должны были решать современные писатели-личности. Вс. Н. Иванов писал, что «дело писате-

ДВГНБ

ЭР00910

ля — отломить от огромного каравая мировой жизни кус, разжевать его, понять, оформить, облечь в ясность, в слова и дать народу. Это — работа пионера, пролом, борьба, скульптура, «в камне спал образ моих образов, в самом тёмном, безобразном камне». Нужно повитухой явить в мир уже наличное новое, увязать его со старым. И старые слова д[олжны] б[ыть] в новом повороте. Поэтому рапсодия на заданную готовую тему — это не писательство. Нет… Он — новатор, пионер, он вволакивает в культуру то, что там появилось, и тогда все видят это — вот оно! Писательство — дело личности» [6, с. 94]. В другой записи он продолжал свою мысль: «Писатель затем пишет хорошую жизнь, чтоб такая и родилась на свет» [6, с. 286].

В 1950-е годы Вс. Н. Иванов, давая оценку состоянию литературного творчества, отмечал отсутствие ярких событий в жизни страны и, как следствие, — талантливых современных произведений, подмену настоящего грубыми подделками: «Раньше была бурная, жирная жизнь, и писатели рвали её обломки. Описывали её в жирных романах. Теперь жизнь не шумит, поджали хвост, ушли в нутро, и литература барабанит, желая заменить жизнь потёмкинской деревней, нефтяной плёнкой на воде» [6, с. 170]. Главная проблема советской литературы, по Вс. Н. Иванову, в отсутствии индивидуальности, её усреднённости, скуке. На вопрос «Чего дурного нет в социализме?» автор для себя отвечал: «Хорошей интересной литературы» [6, с. 179]. Писатель не видел в советской литературе новых авторов и произведений, которые бы отвечали на вопросы современности. «Вокруг колоссальные выработки писателей — священные скарабеи катают навозные шары» [6, с. 84]. Он призывал «учиться у действительности, а не прятаться от проблем» [6, с. 148]. В своих суждениях о современных произведениях и их авторах Всеволод Никанорович писал об отсутствии художественного образа, созданного на основе реальных событий: «Когда пишут писатели о соц[иалистической] стройке, то, вместо реального изображения, — они словно служат молебны в тяжёлых ризах» [6, с. 147]. А ведь настоящая литература особенно «нужна тогда, когда неблагополучно» [6, с. 270], для поиска выхода.

Положение советской литературы Вс. Н. Иванов соотносил с положением колхозов; писатель отмечал, что при наличии у них планирования, инструментария, съездов наблюдается полное отсутствие книг, которые бы отвечали на духовные потребности общества. «А народушко бежит за необходимым килограммом картошки на базар к старой литературе» [6, с. 170]. В записях автор приравнивал редактора литературно-художественного журнала «Дальний Восток» Н. М. Рогаля и редакцию к бригадиру во главе строительной бригады.

В первые годы после возвращения из Китая Вс. Н. Иванов был ошеломлён новой реальностью, историческими событиями, совершившимися за годы его отсутствия. Итогом любой поездки-командировки были очерки и рассказы. Вс. Н. Иванов стремился создать произведение о современности, поэтому в текстах присутствуют, например, статистические данные о колхозах, о морском рыболовецком флоте и бытовые штрихи из жизни деревни и рыбаков. Очерки и рассказы публиковались в периодике, но не вышли отдельным изданием.

В дневнике встречаются записи, связанные с творческими замыслами, планами крупных произведений. Так, в одной из записей 1948 года приведён замысел книги о современности. Штрихами обозначая героев и сюжетные линии, писатель определяет основную мысль: «Очень много: — Труда. Умного. — Любви. — Патриотизма. — Веселых праздников.<…> И примирённость с прошлым» [6, с. 59].

Писатель видел в окружающем то новое, что, по его мнению, должно было стать основой художественного творчества. Так, посетив мавзолей, он записал: «Я не помню обстановки — видел т[олько] это лицо и руки — могущественное лицо и страшно выразительные руки — читайте мысли, русского интеллигента, устанавливающего на целый мир свои понятия… Застывшие часовые… И тут же Кремль… Братья-писатели! Почему вы не писали об этом?» [6, с. 130]. В дневниковом тексте 1947 года он вопрошал: «Кто напишет о новой радости бытия? Где Диккенс революции? Где Китс «свежее воды»? Мы идём через революцию в коммунизм, в жизнь, в творчество!.. <…> Мы творим историю и немотствуем о ней. А то калейдоскоп из всё тех же обломков…» [6, с. 56].

Небольшой подрубрикой в служебных записях стало краткое изложение обсуждений рукописей писателя «Клятва в персиковом саду», «Повесть о ящике на окне» и «Красного ландыша». Первое десятилетие после возвращения на Родину писатель посвятил переработке произведений о Китае, их идеологической и художественной адаптации к советской действительности. Происходило отторжение его произведений литературными кругами и критикой того времени; автор рассматривал это как «волчий литературный билет», а попытку «стать советским писателем» — как авантюру, понимая, как «трудно на старости лет <…> делать жизнь в который раз» [7]. Его очень тяготили долгое прохождение его рукописей («стал было сомневаться во всём, в ней, в себе, в том — действительно ли я 23 года прожил в Китае и видел всё то, о чем пишу» [9]), отказы печатать его произведения, безденежье, несостоятельные критические отзывы малокомпетентных авторов и т. д.

Вс. Н. Иванов сравнивал советских критиков с паразитами, которые кормятся, парализуя, обезличивая и убивая

ЭР00910

живое в литературе. «Критики, как яички личинки осы на парализованной гусенице литературы» [6, с. 85]. В другом высказывании писатель отмечал: «Под огнём критики из литературы исчезают красивые, грозные, романтические замки, и писатели закапываются в подземелье, в бетон так, что сверху ничего не видно…» [6, с. 57].

В размышлениях о значении наследия В. Г. Белинского в русской литературе Вс. Н. Иванов отмечал его вторичность в сравнении с великими авторами, на произведения которых он писал статьи. Критик для писателя, прежде всего, «повилика на гигантах». Однако его оценки сформировали отношение к классическим произведениям у многих поколений читателей. Он вопрошал: «Попробуй теперь — расскажи почтеннейшей публике “про ум Молчалина, про душу Скалозуба”» [6, с. 333].

Примечательна история, связанная с подготовкой к публикации книги «Путь к Алмазной горе». За восемь лет работы над рукописью произведение после 22 рецензий подвергалось беспрестанной переработке, смена редакторов вела к исчезновению интересных, живых фрагментов, глав. Таким образом, от первоначальной рукописи в 51 лист книга «с неимоверными трудностями <…> после бесконечных сомнений, рецензий и консультаций» увидела свет, потеряв в объёме половину [10]. Только спустя одиннадцать лет после возвращения на Родину и издания двух книг, в 1956 году, Иванов был принят в Союз писателей СССР. Это событие стало завершением долгого периода адаптации Всеволода Никаноровича в советскую действительность.

В дневниковых текстах много места отводится критической оценке книг, прочитанных Вс. Н. Ивановым. Это позволяет говорить о личных предпочтениях, характеризует его, как человека и писателя. Дневник читателя Вс. Н. Иванова весьма разнообразен: здесь и его взгляд на роль творчества писателей-классиков, на классические произведения, на книги современных авторов: «Прочёл Флобера «Воспитание чувств». Какое мастерство! Как хорошо — две женщины в душе Фредерика — Розанетт и м-м Арну, как 2 медали. Конец романа Фредерик — Арну, как Татьяна и Онегин. Но я понял, почему есть — св[ятая] Русь. Там все буржуазная возня, никакой героики. А как изображён 48 год! У Флобера на паровозе мчится сквозь девственный лес — Христос!» [6, с. 99], «О книге Кс[ении] Охапкиной «о Куинджи». Восхищаются успехом художников, артистов, а не анализируют того, что проповедуют эти успешливые люди: «Природа!», «Жизнь!». А дело именно в том, что они сумели поймать и воплотить в искусстве… Табу!» [6, с. 146].

Дневник читателя Вс. Н. Иванова перекликается с дневником-конспектом. Так, для дневникового текста писателя характерны выписки из художественной и специальной литературы, при этом наиболее важные слова и фразы во фрагменте он подчёркивает. Писатель цитирует прозаические отрывки и стихотворения из зарубежной и русской классики: это и Вольтер — «Кандид», и Э. Золя — «Доктор Паскаль», и Ф. Ницше — «Так говорил Заратустра» (фрагмент приведён на языке оригинала, как и стихотворения Ф. Шиллера и И. Гёте), и Ф. М. Достоевский — «Бесы», «Братья Карамазовы», «Подросток», и И. Гёте, и Ф. Шиллер, и А. С. Пушкин, и Н. А. Некрасов, и А. А. Фет, и, конечно, поэты Серебряного века (Вс. Н. Иванов записывает их по памяти): А. А. Блок, Н. С. Гумилёв, Б. Л. Пастернак, М. И. Цветаева и многие другие. Помимо отрывков из художественных произведений, Вс. Н. Иванов приводит фрагменты из книг по истории, биологии, медицине, экономике.

Писатель вносил в дневник и свои стихотворения периода Гражданской войны, эмигрантского периода, а также свои переводы баллады Р. Бёрнса «Джон Ячменное Зерно» и стихотворения У. Уитмена «Прочь, темы войны».

Тема истории, как и тема литературы, является основополагающей в дневнике служебных записей Вс. Н. Иванова. В течение всей жизни он, обращаясь к мировой и российской истории, осмыслял её значение для человечества. Для мировоззрения Иванова важно осознание непрерывности движения истории и целостности её восприятия. В «Воспоминаниях» он писал: «История — это не арбуз, нарезанный на столе ученого-статистика ломтями. История вся пронизана артериями и венами и чревата, то есть брюхата, в живом своём творчестве настоящим, уходящим в будущее, и полна еще не умершим прошлым» [11, № 8, с. 32].

Вс. Н. Иванов, размышляя об историческом времени, противопоставлял его времени линейному, которое «там, где человек и общество, и биологические группы остаются теми же, где время выражается лишь в движении стад, облаков, etc.». Для этого времени характерна эволюция, «в развитии знания». Историческое время писатель видел как «эпохальное время». Оно есть «мутация форм одного и того же, что по сути своей неподвижно, и лишь составляет область исторической фантазии. Именно это и величавое одно и то же составляет душу истории, душу вневременную, неподвижную». Концепция линейного и исторического времени включает в себя и противопоставление России и Европы, присущих им времён. Иванов считал европейское время, время цивилизации, «линейным, временем движения, при исторической неподвижности». Европа остаётся неизменной, «скованной в железные чётки отформованных минут». Россия, наоборот, неподвижная со времён татар и до эпохи капитализма, «таит в себе грёзы о Третьем Риме, которые беременны эпохами». При этом в них воплощается «не то, чего не было, а что издавна было, вечно было и грезимо». Примером разрешения от таких неподвижных

ДВГНБ

ЭР00910

грёз, порождением византийского христианства для Иванова стали революционные события Октября — «живая эпоха мира, хотя линейное время дробного прогресса и уйдёт от нас в другие страны» [6, с. 228–229].

Ход человеческой истории, по Вс. Н. Иванову, обусловлен действиями самих людей, и пренебрежение им «снесёт нас, раздавит, сотрёт в порошок». Человек обязан синхронно сосуществовать с «державным» ходом истории. События своей жизни писатель также расценивал с этой точки зрения: эмиграцию — как факт биографии, когда «история выжимала за границу» [4, с. 83].

Постоянно подчёркивая духовную составляющую истории, он утверждал, что она «развитие душ, их взаимодействие. Сплетенье. Прогресс. Наука. Искусство. Религия». Для Вс. Н. Иванова история — «живая, вечная, свободная, ткущая на станке времени многоцветную ткань жизни» [11, № 8, с. 29]. Писатель считал, что любой, даже молодой народ «обработан историей» [3], и поэтому она интернациональна.

Важной частью исторической темы во многих подневных записях писателя стали размышления о памяти, о «неумершем прошлом», которое параллельно сосуществует с настоящим. По Иванову, память человечества о созданном духовными и душевными стараниями людей непреходяща, а, «значит, тонкая наша часть вечна!» [3].

На этом строится отношение Иванова к роли личности в истории; он остро ощущал необходимость осознанного участия в историческом процессе, считал, что, если не был участником каких-то событий, то чуял происходящее, беспокоился, понимая, что нельзя «оставаться же равнодушным к своим “отеческим гробам”» [11, № 8, с. 35]. Отсюда ивановское восприятие происходящего как одного из моментов единого хода истории человечества. Писатель так характеризовал свою позицию: «И когда меня, бывало, спрашивали — почему вы, В. Н., суётесь в самое пекло, я отвечал: — Я историк. Я смотрю, как делается история» [6, с. 10]. Вс. Н. Иванов считал, что только сильной личностью создаётся «рядовая жизнь» — история настоящего. Он замечал: «Я не знаю, кто делает историю, но жизнь — рядовую — делают герои. Не замухры» [6, с. 238].

В дневниковой прозе автор многократно подчёркивал важность хода истории и свою личностную заинтересованность в нём, когда творится история, и он хотел наблюдать все скрытые механизмы происходящего и знать, как это было на самом деле, а не черпать информацию о событиях из вторичных источников. «Всегда очень интересно быть там, где творится история: — в дипломатии, в штабах, в армии, в революции и т. д. В газетах — неинтересно — это отражение. Оч[ень] интересно быть около сильных людей своего времени...» [6, с. 30]. Писатель, анализируя исторические моменты, свидетелем и участником которых ему посчастливилось быть, воспринимал их как повод для раздумий о времени, оценивал события, как «реальный, переживаемый, наблюдаемый» «опыт истории», который «всё время наполнял душу, заставляя размышлять о прошлом, настоящем и будущем» [11, № 7, с. 20].

Так, о событиях Гражданской войны спустя годы он писал: «…я чувствовал себя где-то в гигантском университете, проходящем курсы истории человечества, разыгрывающем предо мной в пространственном и временном масштабах» [5, с. 302]. Их ценность для Иванова заключалась и в возможности их творческого преломления, многие из них были положены в основу его произведений. В одном из писем Всеволод Никанорович так характеризовал события своей жизни: «Годы 1927–1928 прожил в Шаньдуне, в глуби Китая, в патриархальной, фантастической обстановке столицы дореволюционной провинции Цзинаньфу, вблизи наблюдая сложный процесс китайской революции среди ведущих первых фигур Китая того времени — среди «маршалов». (…) Наблюдения эти дали мне возможность написать и издать в Москве, в «Советском писателе», в 1956 году книгу «Путь к Алмазной горе» — историю китайской революции» [6, с. 12].

Свои внутренние установки, активную жизненную позицию, решительность писатель сохранил на протяжении всей жизни. Так, в записной книжке 1959 года есть фиксация сна о революционных событиях, в которой заметно желание Иванова-человека творить исторические события, участвовать в них и явное разочарование в отсутствии такой возможности: «Всеволод Никанорович, идёте с нами?.. Делаем п[равительст]во! Тяну какую-то будку — деревянную. Лавку. Хорошо бы телефон… А будет драка? Нет, ведь народ понимает глупость!..» [6, с. 247].

В. С. Шевченко, редактор «Воспоминаний» Вс. Н. Иванова, писал о нём, что «о чём бы он ни писал или говорил, всегда его мысль была обращена к России, к её исторической судьбе, словно подсолнух к солнцу», и в теме истории значимой является тема исторического прошлого России, памяти о нём. Иванов, обращаясь к этой теме, писал о том, что в родной истории были и есть печальные страницы, но важнее негативной стороны событий то, что они были в родной истории, и сохраняется память о них, даже если это «печальная память». Писатель в одной из подневных записей замечал: «Но радостно то, что память-то есть, она помнит и худшее, что было, всё-таки было» [6, с. 341]. По признанию Вс. Н. Иванова, такому терпимому отношению к событиям родной истории он обязан А. П. Чехову, который научил его не сводить счётов с прошлым, ведь оно «главный союзник в постройке будущего» [11, № 8, с. 17]. С осознанием ценности всей истории страны писатель призывает к уважительному и внимательному отношению к ней, считая, что «история —

ДВГНБ

ЭР00910

не свалка», и сожалея, что «история — как и кладбища — находится сейчас в непристойном виде…» [6, с. 26].

Вс. Н. Иванов, как истинный патриот, указывал на уникальное значение России в едином ходе истории, видел её избранность и жертвенность. Он писал, что «Россия сожгла себя в гари, на костре своей революции, спасая мир, проливая свою кровь, борясь сама с собою внутри себя. Истощая себя ради других» [6, с. 314]. Иванов ощущал, что страна «идёт своим путём, не «русским», а вселенским» [6, с. 124]. Значимым преимуществом России перед другими странами, особенно европейскими, стало сохранение «жизни, подвига, горенья», которые остались благодаря продолжительной свободе «от формул мертвящего разума» [6, с. 249]. Россия становится олицетворением жизни в мире. Победу СССР в Великой Отечественной войне писатель воспринимал как битву «за великую правду истории!» [6, с. 336] и недоумевал, как народ-победитель может терпеть неудачи спустя два десятилетия.

Писатель сравнивал русскую историю с европейской и видел, что родная история полна и личностями, и значимыми событиями, но нет стройного творческого воплощения этих образов, нет «выработанных рассказов». Если в истории европейских стран есть и «гордые профили» великих, и различные институты, то Россия и её история для многих ассоциируются с пустой степью и толпой. Иванова печалило, что не созданы зримые образы времени и его героев, нет исторического осознания. Он восклицал: «До чего же пустынна наша история! Как мало в ней личностей, гордых профилей! Как мало в ней выработанных рассказов! Это не мраморные пантеоны, толпы мраморных, бронзовых статуй Рима, Греции; это не библиотека и монастыри Европы; это не корабли, конквистадоры Европы; это не отдельные мученики — Дж[ордано] Бруно, Гус, сгоревшие на кострах, не отдельные герои, подымавшие свой голос в защиту личного убеждения! Нет, это деревянная лесная скульптура! Это бескрайние поля и бескрайние же человеческие толпы. Это степь, о которой восклицает: — Певца! Певца! Как мало певцов — разве один Пушкин. А всё есть, а всего много» [6, с. 20–21].

Ещё одной важной темой его служебных записей для Вс. Н. Иванова стала тема веры. Она нашла выражение в произведениях «Сказание об Антонии Римлянине», «Рерих-художник-мыслитель», в романе «Чёрные люди», в газетных статьях и очерках, но первоначальный ход его мысли, «искание правды», мы находим в его дневниковой прозе разных лет. Анализ подневных записей писателя, которые он делал в течение многих лет, помогают увидеть тему во всей её полноте.

Вс. Н. Иванов понимал, что разные религии обладают «одним смыслом» [6, с. 276], как и разные языки, как разная еда, одинаково духовно питают человечество [6, с. 305]. В Новом Завете приведено одно конкретное определение Бога: «Бог есть любовь», однако писатель расширяет его: «Бог есть жизнь», «Бог — организующая сила мира» [6, с. 248, 343]. Как теист, Иванов чувствовал, что люди «живут в живом мире» [6, с. 248] и верят благодаря «радости живому миру» [6, с. 269]. Самым главным для него было то, что теисты обещают людям «конечные науки и вечную жизнь» [6, с. 270]. Вс. Н. Иванов, исходя из этого, формулирует ещё одно важное для его мировоззрения определение Бога: «Бог — это требование победы над смертью» [6, с. 15]. Вера в бессмертие души для писателя-историка связана с христианским понятием «Царства Славы» и с размышлениями о памяти, о «неумершем прошлом». Царство Славы для писателя представлялось как «сияние многочисленных личностей света, живущих в памяти, горний мир» [6, с. 250]. Он считал необходимым постоянное обращение к образам, живущим в Царстве Славы, и подражание «огромному опыту людей, который остаётся в Царстве Славы», которое поможет улучшить настоящее. Рассматривая будущее своей страны, писатель видел возможность построения достойного будущего только через обращение к историческому опыту России, заложенному прошлыми поколениями.

Только прекрасное в жизни, в образах может сделать таковыми жизнь и людей. Вс. Н. Иванов сравнивал появление настоящего, новой жизни, с вынашиванием и рождением ребёнка матерью, которая, думая, представляя хорошее, подобное и рождает. В записных книжках писатель размышлял: «Огромный опыт людей остаётся в Царстве Славы, в образах преподобных, к[оторы]м должны подражать люди. И по этому Царству Славы, по нашим образам, и возникает потом улучшенная жизнь. Ведь рождает мать уродов, ещё беременной она испугается. Рождает она хороших, если думает хорошо. (…) Чем б[ольше] красоты в жизни, в образах, тем красивее люди, красивее жизнь» [6, с. 295–296].

Знание истории, историческая память человечества даёт Иванову веру в своё бессмертие и в бессмертие человечества, позволяет ощущать связь с прошлыми поколениями и историческими событиями, так как «остаётся всё, что мы пережили» [6, с. 258]. В дневниковых записях он замечал: «Мы верим в бессмертие потому, что мы знаем, что мы уже были до нашего рождения, мы не понимаем, ведь как мы могли возникнуть из ничего» [3]. В другой записи Иванов подчёркивал: «Стоит только подумать, сколько красивых, добрых, умных людей знал, сколько видел сияющих глаз, сколько теней окружает тебя, по сей день, сколько бесчисленных ликов теснятся в небесах «Царства Славы», сколько благословляющих слов доносится из тел — и нестрашно идти вперёд, тело как бы согревается, и переход в смерть — переход в Царство Славы» [6, с. 259].

ДВГНБ

ЭР00910

Размышляя о причине веры человека, Иванов считал, что основы современной веры в Бога изменились, они отличаются от времени, когда Бога чувствовали в раскатах грома или «проходящих следах на сияющей горе» [6, с. 312]. По мнению писателя, современники чувствуют Бога в Роке, который он рассматривал, как «перерыв жизни, смерть, тёмную силу, тоже организованную, как жизнь». И единственная возможность двигаться во тьме — это «фонарь, свет, Бог» [6, с. 312], поэтому «верить в Бога, значит быть за свет, жизнь, добро» [6, с. 270]. Человек без веры, по мысли Иванова, не может быть праведником, так как «если праведное, то как-то верующее» [6, с. 269].

Отсюда и осознание веры, как «откровение вещей невидимых, (…) исполнение обещанного, (…) чутьё чего-то реального» [6, с. 42, 278]. Вс. Н. Иванов писал, что «Бог есть дух... Есть свобода. Есть любовь» [6, с. 278], поэтому только вера может дать простор и свободу [6, с. 345]. Он понимал, что вера делает человека сильнее, притягивает к себе, поэтому придерживался определения веры, данного А. П. Чеховым, что «вера — способность духа» и доступна только высоким организациям, хотя и считал, что вера, «как слух — можно её не иметь!» [2]. Мыслитель рассматривал «мир материализма», как «мир протяжённый», безжизненный. Причины атеизма писатель видел в страхе, «боязни жизни в мире», желании управлять живым миром [10, с. 269]. Он сравнивал неверие человека в Бога с его неверием в женщину, которая «бьёт по морде» [3].

Веру в Бога, как обещание, Вс. Н. Иванов отождествлял для себя с верой советского человека в коммунизм, но признавал, что они выражены «грубыми словами» [3]. В одной из дневниковых записей под названием «Искание правды» он сопоставляет православие и советскую власть и приходит к тождественности одиннадцати основных положений и внешних проявлений и того и другого [6, с. 40–41].

Вс. Н. Иванов понимал веру «русских людей», как «личные отношения с живым личным Богом», подчёркивая искренность и чистоту этой связи [6, с. 237]. Диарист писал об изначальном обеднении христианской традиции в России, но при этом — и об усилении христианства «в духе» [2]. При этом, на взгляд писателя, вера в России не была всеобъемлющей и «оставалась народною, простой» и поэтому «отстала» от интеллигенции [6, с. 342].

Писатель видел сохранение веры только у современных женщин, и именно в этом он усматривал причину того, что они «правят» [6, с. 114]. Для него очевидна взаимосвязь веры в душе женщины и её любви к мужчине. Для мужчины важно содержание внутреннего мира любимой женщины, которое зависит от религии, модных тенденций или быта. Вс. Н. Иванов писал, что «для обнимающего женщину не всё равно, поёт ли в ней церковный хор, гремит ли джасс или шипит сковорода» [6, с. 14]. Человеческая душа без святого, по Иванову, — «пустая душа», поэтому неслучайно он вопрошал: «Разве можно любить женщину, которая ни во что не верит?» [6, с. 296, 340]. В 1930-е годы в «Сказании об Антонии Римлянине» писатель создаёт образ Хариессы, женщины, «сосредоточенной в вере», духовно наполненной, любовь к которой приводит главного героя Антония к христианству. По мнению автора, женская сила происходит от религиозной веры, которая «притягивает к себе людей, вера, объективированная в знания, вера-религия» [6, с. 114]. Женщины, чувствуя в стране ослабление мужских рациональных «позиций», занимают ведущие позиции и управляют государством.

Вера в Бога неотделима от обращения к Создателю, от молитвы. На взгляд писателя, её можно сравнить с болью, с её духовным осознанием, с собиранием и призывом «силы мира» [6, с. 277]. Молитва позволяет ощутить, обнаружить в себе тающий огонь, «который хранится где-то от вечности в душе под мусором “мелких помыслов, мелких страстей”» [6, с. 339].

Вс. Н. Иванов был по вероисповеданию православный, но в последнее десятилетие жизни пришёл к старообрядчеству. В 1920–1930-е годы в Харбине писатель был знаком со старообрядческим священником, настоятелем Харбинского кафедрального храма Иоанном Кудриным. Он был наиболее публикуемым старообрядческим автором русской эмиграции в Маньчжурии и Китае. Журналист, поэт русского зарубежья Ю. В. Крузенштерн-Петерец в своих мемуарах вспоминала, что отец Иоанн Кудрин «часто сиживал в кабинете» у писателя [12, с. 72]. Вернувшись на Родину, Вс. Н. Иванов состоял со священником в переписке. Она также писала, что Всеволод Никанорович предложил ей для того, чтобы побывать в России, пойти в церковь к староверам.

В дневнике 1947–1949 годов диарист штрихами записывает сомнения в жизнеспособности православия, которые он испытывал, вернувшись на Родину. Вс. Н. Иванов чувствует, что «православие оказалось задавленным, и на первый план вышел католицизм и протестантизм» [6, с. 121], и, описывая пасхальную службу в хабаровском храме, констатирует: «Кажется, кончается мой роман с православием. Ведь и оно-то чем-то виновато, раз народ от него ушёл!» [6, с. 31]. Истинность любого другого явления, процесса писатель проверял для себя, прежде всего, тем, как народ относится, понимает и чувствует их. В одной из его записей читаем: «Официально народ не познаешь: у народа есть и история, и традиция. Не верят одиночки. Народ религиозен в целом, народ умён, как умна природа, а не как отдельный человек» [6, с. 52]. Выразителем этого

ДВГНБ

Страница дневника писателя. 1947–1949 годы.

народного миропонимания для писателя становится протопоп Аввакум, один из основоположников старообрядческого раскола, к образу которого прозаик обращался в течение всей жизни, начиная от очерка «Оправданный Аввакум» и заканчивая историческим романом «Чёрные люди». Он писал: «Русский народ безмолвствует, а ежели заговорит, то, как Аввакум» [6, с. 163].

В письме философу Л. А. Зандеру он так определял своё вероисповедание: «Числюсь и связан со старообрядцами, с их «бытовым исповеданием», с их внутренней силой, которая не мешает историческому процессу» [7]. В одной из записей он рассматривает и христианство с точки зрения старообрядцев. Писатель отмечает: «Христианство — это, прежде всего, радость. Так оно у старообрядцев православных» [6, с. 311].

Во многих подневных записях просматривается и тема взаимоотношений церкви и государства. Вс. Н. Иванов считал правильным обособленность церкви от государства: «Правы старообрядцы, не лезущие своей церковью в управление государством. Народ вообще не д[олжен] управлять г[осударств]ом — только путаница! Если разбирать грехи Распутина или Берии — доброго не выйдет. Государство — одно, дело немногих» [6, с. 163]. Останавливаясь на отношении к религии в СССР, Иванов считал, что «нужна не вражда науки, а политика ума» [6, с. 279]. Он размышлял о христианстве, как о «бесконечном количестве мыслей, чувствований, домыслов, прозрений, душевных и духовных реакций миллиардных масс народа, его фольклора, его творчества, его дыхания». Поэтому пренебрежение, осмеяние и отрицание религии со стороны государства — «обижание простого народа», которое может привести к кровавым трагедиям [6, с. 313]. Писатель видит выход не в атеизме, а в терпимости [6, с. 356].

Многочисленные подневные записи Иванова посвящены размышлениям о женском начале, женщинах, об их роли в истории России. В современнице автор видел изменение архетипа русской женщины, в котором прежде все его сущностные характеристики относились к её материнскому началу. Он отмечал, что современная женщина, помимо деторождения, получила ведущую роль в решении социальных проблем. Особое значение в дневниковых записях писатель отводит размышлениям о роли женщины в современном мире. Современная женщина своей жизнью, своим деятельностным началом определяет всё вокруг, становится центром государственного строя. У писателя встречается мысль о том, что «женщины в стране социализма — центр клетки» [6, с. 59]. Неустроенность окружающего мира, по мнению Вс. Н. Иванова, может быть преодолена только обращением к внутреннему порядку, только женщина может организовать мир и править им, это связано с материнским началом, которое заложено в ней от природы. Писатель утверждал, что «Россию спасёт Орлеанская дева — великой смелостью, великой любовью и великой жалостью. Мужчины же измалодушествовали» [6, с. 43].

Обращаясь к отечественной истории, Иванов вспоминал о правлении Екатерины II, о его воздействии на русское общество той эпохи при «бабе-царе» и отмечал его «женскую мягкость». Он писал: «Чем было р[усское] о[бщест]во при «бабе-царе» — Е II? Женская мягкость» [6, с. 312]. Для писателя женское начало в управлении государством, «мягкость», заложенная самой природой, становится благом для государства и страны.

В женщинах писатель высоко ценил способность «утишать», усмирять, при этом утешение, как восстановление мировой гармонии, она несёт, по мнению Вс. Н. Иванова, и в семью, когда «кричит ребёнок» или «пол предъявляет свои требования», и в общество, когда «нету хлеба, нужно бороться с природой (…) создаётся общественный порядок», «налез враг» [6, с. 26]. Писатель, таким образом, рассматривая основные женские роли, пытался прояснить и роль мужчины. Он вопрошал: «Или нет Вертеров в нашей стране? Или мы насыщаемся, чтоб быть тихими?» [6, с. 26]. В образе гётевского Вертера он видел олицетворение духовной чуткости и сомневался в том, что мужчины могут руководствоваться в своих решениях и поступках «сердцем», а не рассудком. Продолжая свою мысль, автор проводит связь между духовным «насыщением», которое может дать только женщина, и внутренним порядком («быть тихими»), достигаемым мужчиной благодаря этому.

ДВГНБ

ЭР00910

Брак, семью, деторождение для женщины Вс. Н. Иванов определял как полное погружение и растворение в «кровавой пещере рода» мужчины, «в чём-то, что нелепо живёт, слизисто, кровоточит, органично, глубоко» [6, с. 97]. В женщине он отмечал высокую степень самопожертвования, её «жертвенную силу»: только она отдаёт себя без остатка в исполнении государственных задач, в материнстве, в любви, дарит её мужчине «в кредит», не требуя возвращения, «делает всё, чтоб мужчина б[ыл] свободен…» [6, с. 51]. Соединение мужского и женского начал писатель видел не только на физическом уровне, но и «в улыбке, в слове, в обаянии, шутке, взгляде». В этом он ощущал «сплошную химию женщины», её силу [6, с. 87]. Он вспоминал, что ещё ребёнком ощутил «смутную, тёмную, но грандиозную, как океан, (…) пленительную силу женщины», её поддержку впоследствии испытывал всю жизнь [11, № 7, с. 12].

Большое внимание в дневниковых записях Вс. Н. Иванов уделял размышлениям о смысле любви, неотделимом для автора от женского начала. «Любовь — это словно яичко пасхальное, красивое, из которого должны вырасти и семья, и дети, и дом, и бессмертие рода» [2].

Любовь напоминает ему океан, движимый женщиной. Вс. Н. Иванов неоднократно сравнивал с ним женский пол. Однако женщины не только «движут» океаном любви, но и сами образуют единую стихию, подобную океану. «Наша страна охвачена стихией женщины. Она ведёт ячейку — дом, кормит, стирает, воспитывает... А муж — мечтает» [6, с. 44].

У Вс. Н. Иванова — в России любовь проявлена во всех сферах жизни, она переполняет русский мир, и её стихия «переплёскивает из души в души — в религии, в быте...» [6, с. 84]. В любви автор подчёркивал единение, слитность женского начала, он видел мужскую разрозненность в поиске и привлечении женского пола с целью продолжения рода. Иванов отмечал: «Женский пол, как море, как коллектив слит (…), т[олько] глаза различны. Мужчины же отдельны, они д[олжны] каждый привлечь на себя одну пару женских глаз, фиксировать их (…) Вот почему грешен Дон Жуан, прохаживающийся по этим глазам беспечно, тут нет завязи сизигии четы» [6, с. 127].

Женщина, движущая океан любви, — основа жизни, почва, которая может родить Жизнь. Писатель понимал, что «женщина — почва, в к[отору]ю садят семя… Муж… припрыжка, победа etc.» [6, с. 41]. Женщина вбирает в себя частицы жизни, «жизнь наша спадается к женщине до маленьких завязей», чтобы раскрыть их, «развернуться на весь мир!» [6, с. 131]. Неоднократно Иванов в своих записях подчёркивал различия между женщиной и мужчиной, которые не могут быть никогда ни стёрты, ни преодолены. Он утверждал: «Мужчина есть м[ужчина], жена есть женщина, и ничего вы не поделаете — это Янь и Инь» [6, с. 160]. Мировое устройство писатель рассматривал как соединение и противопоставление женского и мужского, отождествляя женское с сельским хозяйством, а мужское — с индустрией. В одной из записей Вс. Н. Иванов отмечал: «С[ельское] хоз[яйство] — почва — это женское. Индустрия — ум — это мужское. Соврем[енные] Янь и Инь!» [6, с. 51]. В другой он продолжал: «Гений женщин — Земля. Мужчина с его разумом — подмочил свою репутацию» [6, с. 322].

Размышляя о любви, писатель вводит понятие советской любви, возникшей для него с новым временем и строем. Под ней он понимал «сотрудничество на почве общих дел и интересов… Когда женщина стирает бельё — она — любит…» [6, с. 54]. При этом Вс. Н. Иванов проводил черту между любовью и половым актом и считал, что в новое время «половой акт отделился от любви и стал доступнее, а значит, менее нагнетательнее», а «любовь, отделённая от этого акта, стала нежнее, чище, деятельнее» [6, с. 54]. Для него важно осознание того, что о любви можно говорить только языком Поэзии, как и о Боге, и о жизни, только он может охватывать «полноту человеческого понимания», и задача современных авторов литературно оформить «любовь для нашего времени», а «о «любви», как п[оловом] акте, можно говорить в кабинете врача» [6, с. 14, 51].

Вс. Н. Иванов понимал масштаб и непознаваемость для мужчин женского мира, их способность ориентироваться в их мире, «огромном и тёмном, как океан», только усиливая своё зрение «яркими фонариками во лбу» [6, с. 263]. Следуя за философом В. С. Соловьёвым, который рассматривал «любовь как восстановление единства или целости человеческой личности», Иванов писал о стремлении мужчин ориентироваться в женском мире, о чувстве зависимости от женщины, ведь только её присутствие рядом позволяет им прийти к пониманию и осознанию своего «Я», к своей духовной полноте. В одной из записей он отмечал: «Женщина — зеркало, в к[оторо]е мы смотримся, чтоб знать свой лик» [6, с. 89]. Благодаря притяжению мужчины и женщины создаётся семья и, кроме этого, «возникают иные роды отношений — дружба, общество и т. д.» [6, с. 108].

Женская красота притягательна для мужчины, потому в ней они видят возможность присоединения к ней и продолжения своего начала, усиленного Прекрасным. В одной из записей писатель констатировал: «За красивой женщиной мы бегаем, п[о]тому что хотим, чтоб и дети были такими же» [6, с. 283].

В дневнике Вс. Н. Иванова хорошо просматривается дневник памятных дат, с упоминанием государственных, церковных и семейных календарных праздников. Данный жанр у писателя перекликается с другим — с дневником погоды. Следуя определённой традиции ведения дневника, писатель, как правило, начинает запись с указания даты,

ЭР00910

дня недели и праздника, иногда, при отсутствии знаменательной даты, она продолжается описанием погоды: «24.07. 11 июля — Ольгин день. Милая мама, с Ангелом», «25.11. Утро. Солнце в розово-белом дыму, инее, как альмандин», «15.02. Сретение. Чудная погода».

Многие известные диаристы (А. М. Ремизов, В. В. Шульгин и др.), среди них и Вс. Н. Иванов, записывали свои сны. Дневник сновидца отражает личные представления писателя, его проблемы и эмоциональные переживания. Многие сны связаны с прошлым, с юностью в Костроме, эмиграцией. Содержание ряда снов соединено с личностью Зои Ивановны Казаковой, третьей жены Вс. Н. Иванова; писателя беспокоит её судьба в Шанхае. В дневнике 1947–1949 годов он записывает: «Во сне Зоя и я. В поезде. Остановка — я вылез — Зоя нет. Я кричу — Зоя! Зоя-я!», «Видел во сне Шанхай — разоренный китайцами, каких-то мальчишек, кричавших «бизнесс», каких-то бесподметочных эмигрантов, и среди каких-то орущих мужчин в квартире — З[оя], очень ясно, в белом платье, с подбитым глазом. — Кто?! — Палач один! Куда-то идем, несу на руках — восторг...» [6, с. 57].

В дневниковых текстах Вс. Н. Иванова представлен и жанр дневника радиослушателя. Писатель был профессионалом в радиожурналистике. В годы Второй мировой войны в Шанхае он был радиокомментатором на радиостанции «Голос Родины», сотрудничал с Хабаровским радиокомитетом, выступал с беседами о русской литературе, вёл радиопередачу «Почта писателя Вс. Иванова». Идеология, грубая пропаганда радиопередач тех лет нарушает душевную гармонию писателя, вызывает его раздражение и радость, когда оно не работает, и он может его не слушать. «Понедельник. Выходной у радио!!! Ура!», «Тихо. Дымка. Перистые облака. Мир на душе, верно, потому, что в радио — концерты...» [6, с. 184, 286]. Вс. Н. Иванов считает, что оно, как и другие СМИ, убивает человека думающего, навязывая ему своё мнение, его однозначность. «Радио, теле, газеты — задушат книгу. Мудрые книги — должны читаться ритуально, с ладаном, свечами». «Религия — это, когда человек задумывается. — Не давайте ему думать! — кричат радио, газеты, теле[видении]е…» [6, с. 352].

Как ценитель классической музыки и литературы, он отмечает в дневнике радиопередачи с исполнением музыкальных и литературных произведений: «Проехали Колпино. Сортировочная. Хлорный дым из трубы. Баргузин из радио...» [6, с. 221]. В отдельные минуты музыка, услышанная по радио, созвучна настроению писателя, времени суток и состоянию природы, и он отмечает это в дневнике: «Радио пело «Отзовись» — и в темных стеклах окон ресторана сбегаются и разбегаются золотые огни» [6, с. 272].

Вс. Н. Иванов любил театр, «театралом стал чуть ли не со второго класса», в Хабаровске был участником театральных конференций, обсуждения спектаклей, писал пьесы. Его отец участвовал в любительских постановках, после революции организовал труппу артистов из рабочих текстильных фабрик, ставил спектакли в клубе «Красный ткач» и в театре им. Островского в Костроме. В дневнике писатель, рассматривая негативные стороны социализма, одним из пунктов ставит плохие театры, впрочем, и в положительные он указывает — отсутствие похабных театров. Театр и актеры для писателя «обобщают в себе весь мир», зовут людей отвечать самих за себя. Его дневник театрального и кинозрителя весьма разнообразен. В дневнике 1947 года Вс. Н. Иванов оставляет весьма восторженный отзыв на спектакль «Молодая гвардия» Хабаровского театра драмы: «Вчера совершенно неожиданно смотрел хороший спектакль «Молодая гвардия». (…) Нравится эта мелодрама. Эта жестокость. Эта неистовость. Эта кровавая баня — парение на полке, веники, выбегание в снег, уханье…» [6, с. 44]. В дневниковых текстах 1956 года присутствуют также отзывы на спектакли «Гроза» Театра Маяковского («Хороши Катерина — Козырева и Варвара — Виноградова. Кабаниха переигрывает. Кулисы — стиль модерн. Вращающиеся декорации — нагромождают подробности... И усугублено наступление на православие и русскость: все в таких мрачных, неприглядных тонах» [6, с. 204]) и «Макбет» Малого театра («Утро. Были в воскр[есенье] в М[алом] театре, видели «Макбета». Он, Царев — русский, вялый парень, Гоголева — леди М[акбет] — старуха с бульдожками» [6, с. 171]).

Такие же отзывы он оставляет и на новые кинокартины, где-то ограничиваясь одной фразой: «Вчера видел в кино «Подвиг разведчика». Замечательно» [6, с. 40], где-то давая развёрнутую рецензию, увидев в содержании художественной картины идеологическое влияние. «Смотрел «Они не скроются» фильм берлинский Дефа (раньше — Уфа) об ужасах войны. Немцы стали миротворцами — как после 1-ой войны — Эр[их] М[ария] Ремарк. Но теперь суше, чем у Ремарка… Жалеют, зачем в ночь на Рож[дест]во расстрелял кап[итан] Брюннер 100 человек — в Польше, а не в Союзе, а «война — есть война»… Никакого раскаяния. И, конечно, капиталисты Америки дадут Германии отличную «backbone» против святой Руси...» [6, с. 33].

Делая вывод, отметим, что имеющиеся в фондах Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова дневники и записные книжки 1944–1965 годов наиболее полно раскрывают жанровое многообразие дневниковой прозы Всеволода Никаноровича Иванова, выявляя особенности личности писателя, его мировоззрение, факты его внешней и внутренней жизни, отношения с другими людьми и многое другое.

ДВГНБ

ЭР00910

Список использованных источников

1. *Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Худож. лит., 1975. — 504 с.*
2. *Иванов, Вс. Н. Записная книжка 1956–1957 г. / Вс. Н. Иванов // ХКМ. Ф. 52. О. 78. Д. 72.*
3. *Иванов, Вс. Н. Записная книжка 1961–1962 г. / Вс. Н. Иванов // ХКМ. Ф. 52. О. 78. Д. 79.*
4. *Иванов, Вс. Н. Исход / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1995. — № 1. — С. 3–84.*
5. *Иванов, Вс. Н. Исход. Воспоминания / Вс. Н Иванов. — Хабаровск : Хабар. регион. отд-ие СП РФ, 2008. — 400 с.*
6. *Иванов, Вс. Н. Непрерывное движение духа… : дневник и зап. книжки Вс. Н. Иванова / Вс. Н. Иванов. — Хабаровск : Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова, 2012. — 380 с.*
7. *Иванов, Вс. Н. Письмо Владимиру Николаевичу от 29 августа 1946 г. / Вс. Н. Иванов // ГАХК. Ф. Р-1103, О. 1. Д. 156. Л. 4.*
8. *Иванов, Вс. Н. Письмо Вс. Н. Иванова Л. А. Зандеру / Вс. Н. Иванов // ГАХК Ф. Р-1103. О. 1. Д. 162. Л. 22.*
9. *Иванов, Вс. Н. Письмо К. Я. Горбунову от 24.11.1954 г. / Вс. Н. Иванов // ГАХК. Ф. Р-1103, О. 1. Д. 156. Л. 24.*
10. *Иванов, Вс. Н. Письмо Михаилу Андреевичу от июля 1963 г. / Вс. Н. Иванов // ГАХК. Ф. Р-1103, О. 1. Д. 159. Лл. 17–22.*
11. *Иванов, Вс. Н. Юность и свобода / Вс. Н. Иванов // Дал. Восток. — 1987. — № 7. — С. 9–76 ; № 8. — С. 15–100.*
12. *Крузенштерн-Петерец, Ю. В. Воспоминания / Ю. В. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. — 1998. — № 5. — С. 25–83.*
13. *Михеев, М. Ю. Дневник в России XIX–XX века — эго-текст, или пред-текст [Электронный ресурс] / М. Ю. Михеев // Univer personarum. — Режим доступа: http://uni-persona.srcc.msu.su, свободный.*

Фотографии из архива Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова.

Материал поступил в редакцию 11.09.2018 г.

Сведения об авторе: Позина Наталья Сергеевна, заведующий научно-исследовательским сектором истории культуры и искусства Дальнего Востока Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: pozina-n@mail.ru.

ДВГНБ

МАКСИМОВА ЮЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА,
ЯКИМОВА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА

ИСТОРИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВСЕВОЛОДА НИКАНОРОВИЧА ИВАНОВА

Статья посвящена изучению роли исторических событий в жизни и творчестве Всеволода Никаноровича Иванова — одного из самых известных писателей и журналистов Дальнего Востока, выявлению особенностей отражения событий эпохи в художественном и публицистическом его наследии. Особое внимание уделяется многогранности таланта писателя-историка, влиянию социокультурных обстоятельств на творческое самосознание автора, а также актуальности поднимаемых им проблем.

Ключевые слова: Вс. Н. Иванов, история, Россия, исторические повествования, современность, Александр Блок, Пётр I.

Keywords: Vs. N. Ivanov, history, Russia, historical narratives, here and now, Alexander Blok, Peter the Great.

ДВГНБ

ЭР00910

История с ранней юности глубоко интересовала Всеволода Иванова, он был убеждён в том, что, «только зная прошлое, помня о нём, мы познаем, увидим, сделаем новое… Нам так надо знать старое, чтобы увидеть новое, чтобы принять его. Только благодаря памяти мы личности, а не Иваны, не помнящие родства» [5, с. 9]. Исторические события XX века, свидетелем которых стал Вс. Н. Иванов, во многом предопределили характер его романистики. История и современность необыкновенным образом соединились в творчестве писателя. Иванов всегда в центр своих исторических повествований ставил Россию, её историю и историю её культуры. Тема истории впоследствии пройдёт через многие его произведения, в том числе исторический роман «Чёрные люди», цикл исторических повестей «Императрица Фике», историческое повествование «Александр Пушкин и его время». Поиск исторической истины был главной направляющей линией в его творчестве. Прошлое для писателя — это ключ к разгадке современности и максимально выверенный вектор в будущее. «История вся пронизана артериями и венами…», — метафорически заметит позднее Всеволод Никанорович, сравнивая эту науку с живым организмом, который развивается и усложняется [5, с. 16]. Иванов, актуализируя нравственные аспекты исторического прошлого России, скорее всего, даже не подозревал, как сильно он опережает время.

Вс. Н. Иванов принадлежал к той части русской интеллигенции, которая приходила к постижению исторической правды через длительные противоречия и искания, драматически осложнённые тремя революциями и войнами. В его универсальном наследии отразился весь драматизм эпохи, в которую он жил и создавал своё творческое послание потомкам.

В 1906–1912 годах Вс. Н. Иванов учился в Петербургском университете, а на летних семестрах стажировался в Гейдельбергском и Фрейбургском университетах Германии. Философия и история — вот главные предметы его ранних научных интересов. Возможно, именно тогда начали рождаться некоторые замыслы его будущих исторических повествований. Именно так определил Иванов жанр своих главных, итоговых книг, именно в этом словосочетании зашифрована разгадка его творческого дарования. Все свои масштабные художественные замыслы Вс. Н. Иванова нашли воплощение в повестях и повествованиях о крупных событиях далёкой и близкой истории, прежде всего — российской. Но четверть века жизни в Китае, безусловно, не прошли бесследно для его творчества.

Всеволод Никанорович Иванов родился 19 ноября 1888 года в городе Волковыске, учился в классической гимназии в Костроме, где уже с жадным любопытством вглядывался в бурные события первой русской революции. Как известно, Кострома (и гимназия, в частности) в 1905 году слушала пламенные речи Свердлова, Фрунзе, Ярославского. Изучение греческого и латинского языков существенно повлияло на формирование интересов и становление личности будущего писателя.

Позднее в автобиографическом романе-хронике «На Нижней Дебре» (1958) Вс. Н. Иванов воссоздал это замечательное время своей юности, прошедшей в провинциальном русском городе с его, казалось бы, прочным социальным бытом. Тема обновления жизни решается через образ главного героя, Николая Прокшина. Он — юноша, гимназист, для которого звон костромских колоколов сначала заглушал все звуки и шумы, которые символизировали перемены и события, происходящие в стране. Потом звон ослабел — его вытеснил сильный гул, биение новой жизни. Роман вобрал в себя не только строгую фактическую достоверность, но и детальную психологическую разработку характеров. Позднее, в послеэмигрантский период, писатель ещё вернется к этому времени в своих богатых по мыслям и материалу «Воспоминаниях».

Будучи участником Первой мировой войны, Вс. Н. Иванов создал труд «Борьба за укреплённую полосу», где рассказал о некоторых наступательных операциях русской армии, прорывавшей плотную долговременную оборону немцев.

Вс. Н. Иванов не принял идеалов Октября 1917 года. В своих журналистских публикациях периода Гражданской войны и эмиграции он напишет несколько статей об Александре Блоке, воссоздавшем в поэме «Двенадцать» сложные ритмы революции. Вс. Н. Иванов в статье «Причастный тайнам» предпринимает попытку проанализировать сложное произведение А. А. Блока и растолковать все символы, не упуская каждой детали, проникая в глубинные «уголки поэмы», ощущая весь трагизм воссозданных поэтом событий: «И надо знать Блока, с его мистическим ясновидением, с его напряжённым пронизывающим созерцательным взором, направленным именно в будничную жизнь, чтобы там открыть иные, подлинные аспекты жизни...», — пишет Иванов [3, с. 64].

Вс. Н. Иванов видит причины противоречивых толкований поэмы в поверхностном прочтении её текста, а также в утилитарном подходе представителей разных политических движений. Так, большевики уверяли, что знаменитый поэт освятил революцию образом Иисуса Христа, хотя сами и придерживались атеистических взглядов. «Белые» также искали свои смыслы и знамения в поэме. Глубинное же толкование принадлежит самому автору, «потому что проникновение — это дело самого поэта, дело Причастного Тайнам, особым тайнам поэта» [3, с. 76]. Но, несмотря на весь хаос и разруху, царившие в стране, автор «Двенадцати», как и Всеволод Иванов в эмигрантский период, верил, что Россия справится со всеми трудностями и «выйдет по-новому великой».

Историк, журналист, офицер, Вс. Н. Иванов был вовлечён в водоворот трагических столкновений и свидетельствовал о событиях Гражданской войны с той степенью наглядности,

ДВГНБ

ЭР00910

которая характерна для людей богатого жизненного опыта и творческой наблюдательности.

Он близко знал адмирала Колчака и сохранил к нему уважительное отношение как к учёному и морскому офицеру, при этом критически высказывался о «колчаковщине». Через восемь лет после гибели адмирала Вс. Н. Иванов, уже находясь в эмиграции, написал очерк «Адмирал Колчак», в котором высоко оценил его заслуги перед Россией.

Увидев в 1920 году в Екатеринбурге дом купца Ипатьева, он назвал недавнее происшествие в нём кончиной «династии псевдоромановых». Такая характеристика обусловлена тем, что в начале XX века самодержавие совершенно перестало выполнять государственные функции. Власть уже была не в состоянии остановить социальный и политический распад в стране. Вс. Иванов не мог принять жестокой большевистской расправы над царской семьёй, хотя до конца дней своих был убеждён в неспособности последнего русского императора служить России. Поэтому совершенно не случайно позднее он назвал «Тихий Дон» М. Шолохова «замечательным романом», ему оказались близкими и понятными метания главного героя романа, как и сама стилевая обнажённость произведения: «Писался он концом казацкой сабли на русской земле кровью своих героев» [2, с. 6].

Вс. Н. Иванов не был ограничен узостью политической идеологии, хотя и служил в органах печати белой армии. Он утверждал, что в то время явная идеология была лишь у большевиков. Его поступки в определённой степени диктовались случаем. Он не исключал возможности оказаться и в другом лагере: «Ведь звал же служить в Красную армию старый полковой командир полковник Градзинский, обещал мне батальон. Могло ведь быть и такое!» [2, с. 5]

Уже после эмиграции, живя в Хабаровске, Вс. Н. Иванов открыл себя как писатель-историк. Вернувшись в феврале 1945 года на Родину, он не смог принять существующий уклад жизни ввиду жёсткой цензуры и продолжавшейся пропаганды советского образа жизни. Но, будучи сильной и творческой личностью, Иванов не бросил писательского дела. Он обратился к жанру художественных исторических хроник и занял своё заметное место в советской исторической романистике.

Роман «Чёрные люди» (1963), являясь одним из его вершинных произведений, представляет собой большое полотно, воссоздающее социальное бунтарское движение и созидательный труд простых, чёрных, людей в эпоху укрепления русской государственности после Смутного времени. Народ в романе предстаёт как ведущая сила, осуществляющая основные преобразования в государстве. В российской исторической прозе трудно найти столь полное и яркое изображение таких выдающихся личностей, как протопоп Аввакум Петров, патриарх Никон, таких замечательных землепроходцев, как Ерофей Хабаров.

Хронологически более поздние события нашли своё отражение в цикле исторических повестей под названием «Императрица Фике». Вс. Н. Иванов продолжает развивать тему творческого созидательного начала в русском народе. Уже в первой повести этого цикла — «Иван III» — ярко показана роль «мнения народного» и действия народного в борьбе за независимость Руси. Такие исторические явления, как образование единого русского государства, укрепление его мирового статуса, великая борьба против попыток подорвать национальное могущество России, требовали от писателя неимоверной сосредоточенности на утверждении идей патриотизма.

Замысел — показать рождение на Руси общенациональных, общегосударственных интересов — получил развитие в повести «Ночь царя Петра», центральная мысль которой передана через размышления великого самодержавного реформатора: «Народ-то прав, он света хотел, да на нём, на тёмном, другие играли, к старому звали» [2, с. 117]. Здесь заключена важная историческая истина: необходимость борьбы со старым боярским укладом, мешавшим движению России вперёд. Повествователь даёт оценку происходящим событиям и не скрывает своей симпатии к Петру I. Через всё произведение заметным лейтмотивом проходит «шуршание мышей», символизирующее ничтожность тех людей, которые пытались организовывать заговоры против Великого царя: «Осмелели мухи, стали того часа ждать, когда Петра не станет» [2, с. 120].

Композиционно повесть построена весьма необычно: завязка, происходящая в настоящее время, сменяется тяжёлой, горестной ночью Петра. В эти непростые часы отец-государь вспоминает события прошлых лет и раздумывает о судьбе своего сына, царевича Алексея. «Эх, Алёшка, Алёшка!» — трагическим рефреном звучит тихий голос государя, усиливая напряжение и развивая тему трудного нравственного выбора Петра.

Повесть представляет собой не просто описание ночи Петра, как тёмного, смутного времени сомнений, а палитру событий, произошедших в определённое время, описание настроений целого народа. Вс. Н. Иванов детально воссоздаёт колорит Петровской эпохи с помощью языковых средств, а именно: архаизмов («старица», что на современный лад значит «монахиня»; оле — увы, горе; Питербурх), слов, близких к просторечным (орёт, ихний, бабник…). Всё это способствует формированию представлений о целой эпохе, суровой и жестокой, воссозданию особенностей как внутриполитического положения в стране («шуршит мышья беготня», «В церкви бунт! Везде бунт!»), так и внешнеполитических событий [2, с. 120]. За границей, после многочисленных успешных военных кампаний Петра, пытались использовать в свою пользу ситуацию, сложившуюся у «московского гиганта»:

ДВГНБ

ЭР00910

«А ваше высочество, у себя царевича имея, легко двояко маневрировать — либо с царевичем против царя Петра, либо, напротив, с царём Петром против царевича, прежде всего миру для Швеции добиваясь» [2, с. 141].

Главные духовно-нравственные аспекты повести находят своё отражение в психологической драме, в конфликте великого отца и ничтожного сына: «Он, Пётр, царство строил, а Алексей царством гулял…» [2, с. 132]. Здесь прослеживается истинный художественный психологизм, демонстрирующий трагическое противоречие в Петре I между отцовским чувством и государственным долгом. Автор воссоздаёт нравственные муки отца, в тяжкой тоске проводящего бессонные ночи, и решимость человека, осознающего своё историческое предназначение и поэтому не позволяющего судьбе отдать Россию во власть слабому, лишённому национального чувства царевичу Алексею. Пётр I предстаёт в повести как настоящий отец-государь своего народа, истинно переживающий за судьбу своей страны: «Гневный голос царя-отца громом катился по Европе. Не для себя отмщения искал Пётр, нет! Он своё отечество хотел избавить от грозящих ему испытаний» [2, с. 137].

История царского суда над сыном и смертный приговор последнему неоднократно воспроизводились в исторической и художественной литературе, но в повести Вс. Н. Иванова есть немало и новых деталей. А главное, они психологически и эмоционально демонстрируют урок высокой исторической значимости.

После «Императрицы Фике» Вс. Н. Иванов обратился к началу XIX века. В 1970 году писатель опубликовал историческое повествование «Александр Пушкин и его время». Здесь снова — акцент на идее национального могущества России, мысли о силах, способных двигать вперёд русское государство.

Пушкин предстаёт и как волшебник поэтического слова, и как живая эмоциональная натура, но главное — как человек с чрезвычайно широким историческим мышлением. Пушкин — великий государственный ум, озабоченный судьбами своего отечества, понимающий неспособность самодержавного правительства осуществить социальный и национальный прогресс в России: «Мы замешаны на берёзовом соку, на белостенных среди озёр монастырях-крепостях... На протопопе Аввакуме... Федосье Морозовой... Иване Васильевиче... наконец, Петре Первом, — получили великолепную галерею предков, в конце которой поёт Пушкин, древний как мир... Пушкина мы знаем по мыслям о России, а не цензурным отзывам... Пушкин был очень лоялен к государству — не уезжал за границу, не покидал без разрешения мест, где жил. Государство для Пушкина было выше тех особей, которые случайно занимали высокие посты...» [1].

Вс. Н. Иванов с сожалением и горечью пишет: «Нет! И исторически мы не знаем России. Потому, что истории русской разработано ещё не было. Были известные те или иные схемы. Но русское образованное общество не знало родной истории так, как её следовало знать, чтобы верно руководствоваться ею» [4]. Категоричность этого высказывания обусловлена глубокой личной обеспокоенностью писателя и учёного за судьбу России. Личные качества Иванова и его неординарный подход ко многим аспектам жизни способны стать ориентиром для многих наших современников и соотечественников, живущих по всему миру.

Список использованных источников

1. *Всеволод Иванов — «Только святая Русь может мечтать о коммунизме!» [Электронный ресурс] // Живой Журнал (LIVEJOURNAL). — Режим доступа: https://skurlatov.livejournal.com/1022631.html, свободный (дата обращения: 20.05.2018).*
2. *Иванов, Вс. Н. Императрица Фике ; Дочь маршала : ист. повести / Вс. Н. Иванов ; [вступ. ст. П. Николаева]. — Москва : Худож. лит., 1992. — 541 с.*
3. *Иванов, Вс. Причастный тайнам (памяти А. Блока)/ Вс. Иванов // Их дальний путь лежал в изгнанье… : антол.-хрестоматия произведений лит. и журналистики рус. зарубежья Дальнего Востока / авт.-сост.: С. И. Якимова, Е. С. Бабкина, Н. А. Выхованец, И. Ю. Ковальчук, Н. П. Котельникова, А. В. Тепляшина, А. Х. Юсупова ; под науч. ред. проф. С. И. Якимовой ; вступ. ст. С. И. Якимовой. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. — 275 с.*
4. *Иванов Всеволод Никанорович [Электронный ресурс] // Культура и искусство. — Режим доступа: http://www.cult-and-art.net/prose/72867-ivanov_vsevolod_nikanorovich, свободный (дата обращения: 31.05.2018).*
5. *Якимова, С. И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист / С. И. Якимова. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. — 215 с.*

Материал поступил в редакцию 13.06.2018 г.

Сведения об авторах:
Максимова Юлия Алексеевна, студентка 1-го курса кафедры «Журналистика» Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 2017100691@pnu.edu.ru; тел. 8-962-675-46-28.

Якимова Светлана Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой «Журналистика» Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 005563@pnu.edu.ru; тел. 8-914-777-73-71.

ДВГНБ

ПИДЧЕНКО ВЕРА ЕВГЕНЬЕВНА,
ЯКИМОВА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА

ВС. Н. ИВАНОВ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ К ВЛАДИВОСТОКСКОЙ ГАЗЕТЕ «РУССКИЙ КРАЙ» (1921–1922 гг.)

В статье на основе архивных материалов и публикаций в приложениях к владивостокской газете «Русский край» (1921–1922 гг.) рассматриваются влияние истории на развитие журналистики и особый вклад Всеволода Никаноровича Иванова в отечественную журналистику периода Гражданской войны (1918–1922 гг.). Анализ проводится с привлечением произведений и журналистских публикаций Вс. Н. Иванова, а также других авторов данных литературно-художественных приложений.

Ключевые слова: Вс. Н. Иванов, литература, журналистские публикации, литературно-художественные приложения, русское зарубежье.

Keywords: Vs. N. Ivanov, literature, journalistic publications, literary and artistic applications, Russian diaspora.

ДВГНБ

ЭР00910

Литература и журналистика Дальнего Востока России в годы Гражданской войны (1918–1922) — феномен в развитии отечественного искусства слова. Это обусловлено тем, что цензура большевизма не коснулась самобытности и ясности изречения мыслей писателей и журналистов, оказавшихся в этот период на дальневосточной окраине России, во Владивостоке, в условиях существования Дальневосточной республики (до октября 1922 г.). Более того, демократическая атмосфера подталкивала литераторов к созданию публицистических и художественных произведений, в которых находили отражение драматические переживания за судьбу России и размышления о влиянии большевистской идеологии на искусство слова.

Известным писателем, мыслителем и журналистом в тот период выступил Всеволод Никанорович Иванов. Его судьба сложилась таким образом, что ему было суждено сначала оказаться в столице Дальнего Востока, во Владивостоке, а позднее уехать в эмиграцию в Китай, где он жил сначала в Харбине, а затем недолго в Тяньцзине и Шанхае. Его вклад в историю литературы и развитие отечественной журналистики бесценен. Вс. Н. Иванов активно участвовал в развитии газетного дела и публицистики в Дальневосточной республике, в исторически сложившемся «буферном государстве», внёс большой вклад в развитие отечественной литературы и журналистики периода Гражданской войны. Он стал автором многочисленных очерков критической и историко-географической направленности по проблемам истории и современного состояния литературы и журналистики России, а также по вопросам культуры Востока. В годы Гражданской войны Вс. Н. Иванов заявил о себе как издатель целого ряда газет, которые впоследствии стали культурным достоянием Сибири и Дальнего Востока. Одним из таких изданий стала «Вечерняя газета», в которой Всеволод Никанорович выступил учредителем, сам трудился в должности главного редактора и при этом активно сотрудничал с другими СМИ Дальнего Востока России. Его богатое журналистское наследие и сегодня вызывает большой интерес у читателя и исследователя журналистики. Его неподдельный интерес к культуре Востока был обусловлен приверженностью идеям евразийства. Это особенно ощутимо при знакомстве с журналистскими публикациями и художественным творчеством писателя. В его богатом наследии можно найти переводы различных по жанру китайских и японских стихотворений, адаптированных для русского читателя, а также своего собственного сочинения, в которых представлено особое восприятие реальности лирическим героем Вс. Н. Иванова.

Всеволода Иванова вдохновляла тема Востока и традиций азиатских народов. Показательно, что после победы советской власти во Владивостоке осенью 1922 года он отправился именно в Харбин, где прожил более десяти лет. В своём творчестве Вс. Н. Иванов обращался к философским и эстетическим проблемам, которые в культуре Востока занимают важное место. Ему было интересно изучать глубинные, исторические связи России с Азией, выявлять сложные и продуктивные взаимодействия культурных начал Запада и Востока.

Своей главной миссией Всеволод Иванов считал развитие журналистики и литературы в контексте взаимодействия с Востоком, побуждение писателей XX века к исследованию произведений восточных прозаиков и поэтов, а также освещение азиатских культурных аспектов в произведениях собственного сочинения.

В богатом, разноплановом наследии писателя соседствуют произведения на разные темы. Устойчиво высокий интерес вызывают публикации Вс. Н. Иванова в литературно-художественных приложениях к газете «Русский край», которые издавались в начале 1920-х годов во Владивостоке, в доэмигрантский период его творчества. В этих приложениях отражены размышления журналиста о советской власти, Китае и культуре в целом на пороге эмиграции. В трактовке многих его современников-соотечественников статьи Вс. Н. Иванова были восприняты неоднозначно, порой критически, так как не соответствовали официальной позиции советской цензуры того времени.

Газета «Русский край» была оппозиционной во всех её проявлениях. Протест против советской власти заключался в том, что учредители издания в своей деятельности руководствовались гуманистическими идеалами, а не идеологическими установками большевизма. На страницах газеты публиковались материалы, носящие ярко выраженный оппозиционный характер, и в то же время произведения, направленные на культурное просвещение общества того времени, отражавшие развитие литературы в контексте драматических событий Гражданской войны.

Особое место в содержании газеты «Русский край» занимали литературно-художественные приложения, выходившие еженедельно, по воскресеньям. Произведения в них по праву можно считать творческим порывом писателей той эпохи и культурным достоянием послереволюционной России. В двух рассматриваемых в данной статье приложениях подавляющее количество публикаций по проблемам развития литературы, журналистики и искусства принадлежит Всеволоду Никаноровичу Иванову. В его статьях отражены настроения и размышления критического характера. Среди редких экземпляров особое место занимают два приложения за 1921 год. Их содержание позволяет определить идейно-художественные приоритеты в литературно-критических публикациях Вс. Н. Иванова: социально-политический и восточный.

ДВГНБ

Первое из двух приложений посвящено трагическим событиям 1921 года, жестокой расправе большевистского руководства страны над выдающимся деятелем Серебряного века, поэтом-акмеистом Н. С. Гумилёвым.

Вс. Н. Иванов отдаёт дань уважения прекрасному поэту и сожалеет о его кончине. Важно отметить, что заметное место в приложении занимает творчество Н. Гумилёва, а именно, стихотворения «Капитаны» и «На палатине». Эти произведения подчёркивают дух противоречия революционного XX века, изменившего разум и сердца многих людей, а также отношение к творчеству, когда предпринята попытка подчинить свободное творчество идеологии.

Стихотворение «На палатине» отражает взгляды поэта на обстановку в стране, оно пронизано драматическим пафосом. Лирический герой переживает за будущее России, он исполнен боли за происходящий раскол в стране. Для лирического героя Гражданская война антигуманна и бесперспективна. Поэтому он взывает к людям, которые так же, как и он, были готовы бороться с этим. «...А рай оставил бы для тех, / Кто помнит ночь и верит в грех...» [1, с. 1]. Стихотворение метафорично, оно наполнено высокой поэтичностью и красотой:

...Измучен огненной жарой,
Я лег за камнем на горе,
И солнце плыло надо мной,
И небо стало в серебре... [1, с. 1].

Лирического героя, как и самого поэта, волнует вопрос: почему люди способны на насилие и не могут наслаждаться первозданностью природы и чувствовать гармонию с ней?

Стихотворение «Капитаны» отражает размышления Н. Гумилёва о сложившейся ситуации в стране. Представленные в приложении к газете строки подчёркивают трагичность событий, которые развиваются в условиях новой, советской власти. Самое главное в произведении то, что лирический герой Н. Гумилёва ощущает закрытость от мира, в то время как вокруг много прекрасного, которое ждёт «открывателей». В стихотворении присутствует мотив свободы, которой так не хватало лирическому герою в политических условиях того времени. Для него капитаны — свободные и сильные личности, которые способны бороться с трудностями и несправедливостью в мире, в то время как трусы — слабые люди, подрывающие действия независимых людей и подающие пример того, как нужно вести себя, чтобы стать одним из них (трусов). В этом стихотворении заключено противоречие между сильными (высококультурными личностями) и слабыми сторонами социума (подобно разделению общества в России на «белых» и «красных»).

После стихотворений в приложении следует статья Вс. Н. Иванова о Н. С. Гумилёве, в которой журналист жёстко критикует власть, используя иронию, сарказм: «Советскую власть можно поздравить с новым серьезным завоеванием. Еще меньше одним пленительным человеком на русской земле. Еще больше простора осталось для творцов новой жизни, хамов с низкими лбами ...» [2, с. 2].

Последняя статья в приложении («О летучей мыши») посвящена культурной жизни на Дальнем Востоке, которая продолжала существовать, несмотря на диктат большевизма. Авторы текста, Мика и Л. II., с особым энтузиазмом рассказывают о театральной жизни, так как это важно для людей, потому что поднимает дух народа и веру в будущее.

Второе приложение является культурно-просветительским — в нём представлены стихотворения и статьи о Востоке в целом и Китае. Главной особенностью этого приложения является то, что Вс. Н. Иванов обратился здесь к изучению азиатской культуры, характеристике её особенностей и отличий от русской литературы. На этих страницах литературно-художественного приложения нашли своё место японские и китайские стихотворения в переводе Вс. Н. Иванова. Главная черта, отличающая произведения писателя, — детальная точность в переводе. Автору переводов удалось совместить красоту природы, мотив уединения с ней, описание деталей быта и атмосферу гармонии и спокойствия.

В приложении особое место занимает очерк Вс. Н. Иванова «Пекин». В нём автор знакомит читателя со столицей Китая, загадочным городом, в котором всё гармонично, и «равнины с фантастическими рисунками гор», и «огромный, колоссальный город... с тяжкими стенами» [4, с. 2]. Уникальность данной публикации заключается в том, что она просвещает читателя и расширяет общий кругозор и представления о Китае.

Традиции и народная мудрость показаны в стихотворении «Китайцы». В нём Вс. Н. Иванов показал, насколько мудр и гармоничен Китай на фоне всего мира. Лирический герой стихотворения заворожённо наблюдает за восточным народом, удивляется его приверженности традициям, которые сложились много тысячелетий назад. Он сравнивает китайцев с детьми, чистыми и невинными разумными существами, способными быстрее, чем взрослые, вбирать в себя знания. В стихотворении Вс. Н. Иванов оттеняет контраст культур Востока и Запада посредством цветописи. При описании Китая он использует красный и огненный, в то время как по отношению к Западу — серебряный и чёрный. Это обусловлено тем, что Восток для автора предстаёт ярким, живым, открытым и развивающимся во всех направлениях, в то время как западная часть мира остаётся загадочной и мрачной.

ДВГНБ

ЭР00910

Китайцы ходят с фонарями
С большими красными, как луны,
Что над китайскими полями
Вписали огненные руны...
...Здесь серебристой ширмой Запад
Еще чеканит чернью лапы... [3, с. 3].

Дальневосточная литература — просветительская и культурная составляющая периода Гражданской войны. В ней, как и в литературе русского зарубежья, нашли своё отражение такие понятия, как свобода творчества и свобода мысли. Все произведения представляют особую ценность для изучения историко-литературного процесса.

Всеволод Никанорович Иванов внёс неоценимый вклад в развитие журналистики и литературы в период Гражданской войны. Рассмотренные выше литературно-художественные приложения за 1921 год к газете «Русский край», как документальные свидетельства, являются ярким тому доказательством.

Список использованных источников

1. *Гумилёв, Н. С. На палатине : стихотворение / Н. С. Гумилёв // Русский край : лит.-худож. прил. — Владивосток, 1921. — № 144. — С. 1.*
2. *Иванов, Вс. Н. С. Гумилёв : статья / Вс. Н. Иванов // Русский край : лит.-худож. прил. — Владивосток, 1921. — № 144. — С. 2–3.*
3. *Иванов, Вс. Н. Китайцы : стихотворение / Вс. Н. Иванов // Русский край : лит.-худож. прил. — Владивосток, 1921. — № 137. — С. 3.*
4. *Иванов, Вс. Н. Пекин : очерк / Вс. Н. Иванов // Русский край : лит.-худож. прил. — Владивосток, 1921. — № 137. — С. 2–3.*
5. *Якимова, С. И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист/ С. И. Якимова. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013.— 215 с.*
6. *Якимова, С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока : учеб. пособие/ С. И. Якимова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. — 115 с.*

Материал поступил в редакцию 10.09.2018 г.

Сведения об авторах:
Пидченко Вера Евгеньевна, студентка 2-го курса кафедры «Журналистика» Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: verapidchenko@mail.ru; тел. 8-962-222-04-45.

Якимова Светлана Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой «Журналистика» Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 005563@pnu.edu.ru; тел. 8-914-777-73-71.

ДВГНБ

ГАВРИЛОВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

ФОТОЖУРНАЛИСТ ГЕОРГИЙ ЛИПСКЕРОВ — СВИДЕТЕЛЬ ЭПОХИ

На основе материалов из фондов Камчатского краевого объединённого музея (г. Петропавловск-Камчатский) в статье прослеживаются жизнь и творчество советского фотохудожника Георгия Абрамовича Липскерова (1896–1977). В первые дни Великой Отечественной войны он вступил в народное ополчение, участвовал в боях под Москвой. В 1942 году был мобилизован и направлен фотокорреспондентом в армейскую газету 64-й армии. Снимал бои под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге.

Ключевые слова: Липскеров, фотомастер, Камчатка, экспедиция, Сталинградская битва, Великая Отечественная война.

Keywords: Lipskerov, fotomaster, Kamchatka Peninsula, expedition, The Battle of Stalingrad, The Great Patriotic War.

ДВГНБ

В «военном» фонде Камчатского краевого объединённого музея (г. Петропавловск-Камчатский) хранится комплекс материалов о жизни и творчестве известного советского фотожурналиста Георгия Абрамовича Липскерова (1896–1977). В 1936–1937 годах он побывал в составе экспедиции на Камчатском полуострове, а спустя сорок лет передал в музей свои личные и служебные документы, свидетельства о награждении, проспекты выставок, собственные портреты разных лет, в том числе снятый после первого парашютного прыжка, совершённого в начале 1930-х годов; расчётные книжки, грамоты. Благодаря этому дару теперь мы можем знать, как выглядело, например, командировочное удостоверение, выданное политуправлением 2-го Украинского фронта в апреле 1944 года для следования в Москву в Главкинохронику для доставки туда отснятой на передовой киноплёнки [6], или путевой лист от 28 мая 1945 года на автомашину «Опель» на имя водителя гвардии капитана Г. А. Липскерова для перемещения по недавно освобождённой от фашистов чехословацкой территории [9].

На одной из единиц хранения — книге «Георгий Липскеров» журналиста И. Буряка из серии «Мастера советского фотоискусства» (Москва: Планета, 1976) — есть его дарственная надпись: «Краеведческому музею, г. Петропавловск-Камчатский. *Георгий Липскеров*. 29 марта 1977 г.» [3]. Так случилось, что этот год стал для героя этой книги последним…

Георгий Абрамович Липскеров родился 3 августа 1896 года в Москве в семье потомственного почётного гражданина Абрама Яковлевича Липскерова, жившего здесь с 1870-х годов. В 1883 году тот основал ежедневную газету «Новости дня» и был её редактором вплоть до закрытия в 1906-м. Газета публиковала хронику, объявления, фельетоны, печатала таких известных авторов, как В. И. Немирович-Данченко, А. П. Чехов, много места уделяла театру, спорту. А. Я. Липскеров также редактировал журналы «Русский сатирический листок», «Семья», «Новости иностранной литературы». Он скончался в 1910 году.

В метрическом свидетельстве Г. А. Липскерова, «выписанном из списка родившихся и окрещенных евангельско-реформатского прихода в Москве», указано, что он родился «в два часа по полуночи» в законном браке и «крещён 13 октября на дому пастором Брюшвейлер». Родители: московский купец, редактор Абраам Липскеров и законная жена его Паулина, урождённая Соскина. Восприемники: госпожа Анна Кузминишна Саркизова, Николай Петрович Шубинский. На оборотной стороне метрики записано, что «означенный… Георгий Абрамов Липскеров присоединён к Православной Церкви чрез таинство миропомазания сего 1916 года августа 20 дня в московской Николаевской на Песках церкви. В чём с приложением церковной печати свидетельствует означенной церкви протоиерей Василий Миронов, диакон Леонид Воскресенский» [7].

Выходит так, что интерес Георгия к журналистике, литературе и спорту оказался наследственным. Его старший брат Константин впоследствии стал известным советским поэтом-переводчиком (умер в 1958 г.). Учась в Московском реальном училище, Георгий увлёкся спортом и в 1911 году записался в Сокольнический кружок лыжников. В 1914 году он имел на руках билет «сезонного посетителя» № 105 [2]. В 1913-м стал чемпионом Москвы по лёгкой атлетике в 16-летнем возрасте. 26 октября 1913 года, как подлежащий воинской повинности, был приписан к 4-му московскому призывному участку. Отбытие «повинности» назначено на 1917 год. Для этого следовало «доставить в Московское городское по воинской повинности присутствие не позже 1 марта 1917 года сведения о семейном составе, согласно Высочайшему повелению 23 июля 1874 г.» [11]. 29 июля 1915 года Георгий получил отсрочку от призыва на воинскую службу до окончания учёбы в Московском реальном училище И. И. Александрова. Отсрочка дана до 1 октября 1916 года для поступления в высшее учебное заведение. Чтобы получить очередную отсрочку на время учёбы, следовало подать не позднее означенной даты прошение городскому присутствию [12].

В 1916 году Георгий, получив среднее образование, выпустился из училища и осенью того же года поступил на экономическое отделение Московского коммерческого института, заплатив за первый семестр 50 рублей. Из присланной канцелярией института «Льготной почтовой карточки» следует, что он жил тогда на улице Сухаревской-Садовой в доме № 2, квартире 11 [5]. Между прочим, для поступления в институт, кроме прочих документов, требовалось предоставить и некое «свидетельство о благонадёжности», то есть удостоверение о неучастии в антиправительственной и революционной деятельности. Его выдавала полиция. Окончить это учебное заведение в связи с разразившейся в следующем году революцией, судя по всему, Георгию не пришлось.

В годы Гражданской войны он пребывал в Красной Армии. Так, в марте 1919 года был письмоводителем в московской Основной советской автороте. 3 мая 1919 года, продолжая служить здесь, получил удостоверение в том, «что действительно холост, и поэтому к его браку препятствий не встречается». 12 мая 1919 года заключён брак с «девицей» Екатериной Николаевной Павловой, сотрудницей Нефтяного комитета, родившейся 12 октября 1897 года, «с присвоением последней фамилии Липскерова». Брак зарегистрирован «местным отделом записей актов гражданского состояния при административном отделе городского района г. Москвы» [16].

В октябре 1919 года Георгий служил уже в 1-й запасной автомотоциклетной роте в должности красно-

ДВГНБ

армейца-инструктора спорта [15]. «Арматурный список» от 10 марта 1920 года за собственноручной подписью Георгия свидетельствует, что он откомандирован в распоряжение коменданта г. Москвы и получил полное обмундирование: шинель, сапоги, суконные гимнастёрку и шаровары, фуфайку и кальсоны; по три нательных рубахи, полотенца, носовых платка и портянки, а также вещевой мешок, пару перчаток и котелок [1].

Служба в Красной армии завершилась, судя по записям в первой трудовой книжке, в декабре 1921 года. В 1923-м он состоял в профсоюзе рабочих народного питания и общежитий СССР, был инструктором физкультуры [17]. 20 сентября 1923 года принят на работу инспектором в московское казино «Прага», а в 1924-м трудился «ответственным агентом» в галстучной мастерской Г. Иллис, что на Большой Лубянке, 21 [10].

В 1926 году ему, тридцатилетнему инструктору физкультуры, довелось проложить пятисоткилометровую лыжню: вместе с тремя молодыми лыжниками Липскеров совершил семидневный пробег по маршруту Нижний Новгород — Москва. В следующий поход он взял с собой простейший фотоаппарат с двенадцатью стеклянными пластинами. Несколько снимков с подписью «Фото Г. Липскерова» попало в газеты, в том числе в «Красный спорт». Отныне на всех соревнованиях Георгия сопровождала фототехника. В это время, если верить отметкам в профсоюзном билете, его ежемесячный заработок составлял 151 рубль 15 копеек, а в профсоюзную кассу с него уплачивалось 3 рубля 20 копеек, да ещё 76 копеек — на помощь безработным [10].

В январе 1930 года он называл себя «преподавателем физкультуры» с десятилетним стажем работы. В этом году бывший ответственный секретарь «Красного спорта» А. Терентьев, а теперь редактор газеты «Догоним и перегоним!» Московского автозавода, предложил ему стать сотрудником этой многотиражки. Так произошло «официальное» посвящение Липскерова в фотокорреспонденты.

Летом 1931 года Георгий участвовал в экспедиции Наркомвнешторга СССР на Памир. Должности фотокорреспондента в штате экспедиции не значилось, поэтому он числился завхозом. Задача экспедиции, длившейся 13 месяцев, — налаживание торговли с Афганистаном. В этой горной стране были организованы несколько факторий, пришлось участвовать в перестрелке с контрабандистами. На Памире Липскеров побывал ещё раз в 1937 году.

Осенью 1932 года торжественно отмечалось 40-летие творческой и общественной деятельности «великого пролетарского писателя» А. М. Горького. По предложению журналиста М. Е. Кольцова была создана особая сводная агитационная эскадрилья его имени. В неё вошли самолёты «Правда», «Известия», «Огонёк», «Комсомольская правда», построенные на средства читателей этих изданий. Командиром эскадрильи стал Кольцов. Весной 1934 года по проекту А. Н. Туполева был создан самый большой в мире самолёт, названный «Максимом Горьким». В мае 1933 года Г. А. Липскеров был зачислен в эскадрилью. В это время он состоял в профсоюзе авиационных работников СССР, а в членском билете значилась профессия «бортовой фототехник». Им он был до марта 1936-го. А 18 мая 1935 года случилось несчастье — самолёт-гигант потерпел катастрофу, сопровождавшуюся жертвами. В его последнем рейсе должен был участвовать и наш герой, накануне получивший другое задание… [3].

В фотографическом деле тоже есть свои первопроходцы. Одним из них является и Г. А. Липскеров. Его работы, выполненные на заре парашютного спорта, во время пребывания в эскадрилье, в первую очередь знаменитый «Парашютист», получили в своё время международную известность [13].

В 1936 году он участвовал во втором в истории лыжном переходе по маршруту Москва — Ленинград, длившемся восемь с половиной суток. Советское правительство отметило участников этого рекордного похода орденом «Знак Почёта», учреждённым 25 ноября 1935 года. Это стало первой наградой, вручённой отечественным спортсменам.

В мае 1936 года Липскеров, недавно вернувшийся с Вайгача, встретил начальника Памирской экспедиции Костюковского. Тот предложил через две недели отправиться в полугодовую командировку на Камчатку в составе комплексной экспедиции Наркомпищепрома СССР. В неё Липскеров был зачислен десятником-завхозом, но работал, понятное дело, фотографом. 26 июня на рефрижераторе Востокрыбхолода «Днепр» экспедиция вышла из Владивостока на полуостров «на полевые работы». На 13-й день плавания половина её состава высадилась на западном побережье в Усть-Большерецке. Дальнейшее излагаем словами журналиста И. Буряка: «Свои первые впечатления о камчатской земле фотокорреспондент передаёт на одном из лучших снимков, сделанных в эту поездку, с экзотическим названием — “Каракурибаны принимают кунгас”. Каракурибаны — это приёмщики пристающих к берегу судов с рыбой — катеров, кунгасов, кавасаки. Стремглав летит на берег катер, ведя на буксире кунгас. Отбросив буксирный канат, катер резко уходит в сторону. Кунгас по инерции идёт на берег. Борясь с морем, по пояс в воде, каракурибаны, улучив подходящий момент, бросают на кунгас верёвку. И вот уже заработала лебёдка — пошёл кунгас по покатам [специально подложенным брёвнам] к рыбной пристани» [3].

Здесь Липскеров познакомился с легендарным человеком — капитаном парохода АКО «Чавыча» Анной Ивановной Щетининой. Её судно стояло возле комбината. «Юркие катера, прыгая по волнам, приводили к нему и буксировали к берегу

ЭР00910

Анна Ивановна Щетинина и моряки «Чавычи», 1936 год. Фото Г. А. Липскерова.

Разгрузка на берег Охотского моря, 1930-е годы. Фото Г. А. Липскерова.

тяжёлые кунгасы с грузом. Простуженный, с высокой температурой, Липскеров сидел в посёлке "под домашним арестом". Кто-то сказал, что пришла "Чавыча". Грузится и сегодня же уходит. И "лазарет" опустел. Поднявшись по штормтрапу, Липскеров отыскал Анну Ивановну Щетинину, первую женщину в СССР, да, пожалуй, и во всём мире, ставшую капитаном дальнего плавания. На обветренном лице — румянец. Ярко горят карие глаза. Строгая капитанская форма, приветливая улыбка. За день до этого радио сообщило об её награждении орденом Трудового Красного Знамени.

Во время заграничного рейса "Чавычи" в одном из портов кому-то срочно понадобилось видеть советского капитана. Щетинина неурочного гостя приняла в штатской одежде. Тот удивлённо сказал, что хотел видеть капитана, а не его супругу. Анна Ивановна молча кивнула и через некоторое время представилась гостю в форме: "Вы хотели видеть капитана?"

…Хотя экспедиция базировалась в Большерецке, отдельные группы её были разбросаны по берегу далеко друг от друга. Во время одной из поездок вдоль побережья состоялось настоящее знакомство с Охотским морем. Обходя рыбацкие сети и прибрежные мели, катер забирал всё дальше и дальше в море, где его и застал налетевший одиннадцатибалльный шторм. Штурвальный выбился из сил и заснул мёртвым сном. Липскеров его заменил и не отходил от штурвала, пока на вторые сутки не показался берег.

Перед самым отъездом на материк Липскерову посчастливилось участвовать в охоте на горного барана, продолжавшейся несколько суток. "Ты, паря, молодец, — сказали ему охотники на прощание. — Видно, много ходил на лыжах, раз выдержал нашу охоту". Живой, интересный рассказ об этой охоте вместе с фотоснимками корреспондент опубликовал в журнале «Физкультура и спорт» (№ 8 за 1937 г.)…» [3].

Командировка завершилась в январе 1937 года, а в апреле он был официально уволен «по окончании объёма работ» [14].

Дорога к Петропавловску, 1937 год. Фото Г. А. Липскерова.

В 1938 году Г. А. Липскеров стал победителем первенства СССР по академической гребле, показав тем самым завидное спортивное долголетие. В 1941 году, перед самой войной, Московский областной Совет спортобщества «Искусство» наградил «товарища Липскерова Г., общественного инструктора физкультуры группкома № 1, за хорошую работу по подготовке и проведению 3-го Всесоюзного лыжного кросса профсоюзов» [8].

Начало Великой Отечественной войны застало его в Москве. Воскресным утром 22 июня 1941 года «восьмёрка» гребцов Центрального дома Красной армии с загребным Липскеровым последний раз прошла по Москве-реке, разошлась по домам и никогда уже больше не собиралась в этом составе. Георгий вступил в народное ополчение, работал на строительстве оборонительных сооружений в Подмосковье, участвовал в боях. Вернувшись в Москву, пошёл в Главное политуправление Красной армии и попросил послать его в действующую армию. В январе 1942 года был направлен в редакцию газеты 64-й армии фотокорреспондентом. Снимал бои под Москвой. Летом 1942 года 64-я армия была направлена на юг, в состав только что созданного Сталинградского

ДВГГБ

ЭР00910

фронта, отражать наступление 6-й армии Паулюса, а затем и 4-й танковой армии Гота.

«В приволжских степях и у стен Сталинграда шли ожесточённые кровопролитные бои. Но и в таких условиях ежедневно выходила армейская газета, по возможности регулярно доставлялись в войска и центральные издания. Украшением полосы армейской газеты были фотографии героев, отличившихся в бою. Не просто было даже разыскать их, добраться до нужного окопа или блиндажа. Видевший Липскерова не раз "в деле" командарм М. С. Шумилов счёл необходимым после окончания сражения добавить к медали "За оборону Сталинграда" ещё одну. Военный совет армии от имени Президиума Верховного Совета вручил фоторепортёру медаль "За отвагу"» [3].

«Утром 31 января, — вспоминает Георгий Липскеров, — меня срочно вызвали в штаб армии. Среди собравшихся я увидел Шумилова, председателя городского комитета обороны Чуянова. Через час показалось несколько автомашин. Из них вышли начальник штаба Ласкин, начальник оперативного отдела Лукин, начальник армейской разведки Рыжов. А вслед за ними — Паулюс, начальник его штаба Шмидт и адъютант полковник Адам. Им пришлось подождать у дома, где находился штаб. Как только Паулюс чувствовал наведённый на него фотоаппарат, он отворачивался или высоко вскидывал голову. И вот пора идти. В этот момент Паулюсу было не до выправки. Это видно на фотографии.

Я присутствовал на первом допросе Паулюса. Среди прочих фельдмаршалу был задан Шумиловым вопрос:

— Почему 6-я армия не сдалась сразу, как только стало ясно, что сопротивление бесполезно? Ведь можно было предотвратить бессмысленные потери?

Паулюс отвечал, что обязан был сражаться до последнего солдата.

— Но ведь капитулировать всё-таки пришлось?

Фельдмаршал развёл руками. Я сфотографировал этот момент. Снимки были незамедлительно вручены командующему. Однако очень скоро он вызвал меня снова. У него уже не было ни одной фотографии.

— Отправил в Москву. К Верховному. Остальные разобрали…» [3].

Есть ещё один вариант воспоминаний Липскерова об этом особо значимом, переломном военном эпизоде. «Нужно ли говорить, в каком я был напряжении. Вскоре его привезли. Около дома, где находился штаб Шумилова, Паулюсу, начальнику его штаба и адъютанту пришлось подождать. Как только Паулюс увидел наведённый на него объектив моего аппарата, он приосанился и поднял голову. Но когда его повели в штаб, от офицерской выправки уже ничего не осталось. Плёнку незамедлительно отправили в Москву. Это было 31 января 1943 г…» [13]. Эти слова взяты нами из статьи в журнале «Советское фото» № 2 за 1973 год. В то время отмечалось сорокалетие со дня завершения великой Сталинградской битвы.

Весной 1943 года кто-то из штаба 64-й армии подсказал Липскерову, что следует в такое-то время быть в одном небольшом селе. «Подъехала машина, и из неё вышел, как показалось Липскерову, заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков. Его встречало несколько человек. Издалека, почти не прилаживаясь, репортёр успел дважды щёлкнуть аппаратом. Но в лаборатории его ждало разочарование. Один кадр оказался нерезким, второй — ненамного лучше. Даже не стал печатать». Без малого через 30 лет, разбирая свой архив, он решил этот негатив всё-таки напечатать. «Ни в обстановке, ни в фигуре знаменитого военачальника не было ничего "героического". Лицо хмурое». Липскеров послал фотографию Г. К. Жукову. В ответ тот прислал короткое письмо: «Уважаемый Георгий Абрамович! Посланные Вами фотографии мною получены. Сердечно Вас благодарю за память и внимание. К сожалению, я не могу припомнить место и время поездки в 64-ю армию, которая героически дралась с немецко-фашистскими войсками и заслуженно стала гвардейской. От души желаю Вам доброго здоровья и успешной работы. С уважением Г. Жуков. 1 сентября 1972 г.» [3].

Эта фотография вместе с четырьмя другими, посвящёнными войне («Фельдмаршал Паулюс в плену», «Бой за дом», «Сталинградцы вступают в партию», «Германия. 1945 г.»), в декабре 1972 года показывалась на Всесоюзной выставке, посвящённой 50-летию СССР.

Липскеров снимал бои на Курской дуге, а в августе 1943 года был откомандирован в распоряжение киногруппы известного режиссёра Р. Л. Кармена. С сентября 1943-го по июнь 1944 года он был заместителем начальника киногруппы 2-го Украинского фронта. Затем вернулся к привычной газетной работе: служил в редакции «Боевой красноармейской» — многотиражке 52-й армии. Корреспондентом прошёл Румынию, Чехословакию, Польшу, День Победы встретил в Германии. Домой, в Москву, вернулся 31 декабря 1945 года [3].

За боевые заслуги награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За отвагу», «За победу над Германией». После окончания войны трудился в Телеграфном агентстве Советского Союза, публиковался в газетах, журналах «Физкультура и спорт», «Огонёк».

С 1935-го по 1975 год его работы участвовали в двадцати четырёх всесоюзных и международных фотовыставках, в том числе: в 1935–1936 годы — в 30-м и 31-м салонах фотоискусства в Париже; в 1936-м — в Праге и на 1-й Всесоюзной выставке фотоискусства в Москве; в 1938-м — снова в Праге, получил здесь серебряную медаль.

ДВГНБ

ЭР00910

Георгий Липскеров (в центре), фотокорреспондент ТАСС, в немецком городе.

В 1938 году — на очередном салоне в Париже, в 1939-м — в выставке советской фотографии в Турции, в 1947-м — во 2-м Международном салоне фотоискусства в Каире, в 1948-м — во Всесоюзной выставке «Великая Отечественная война в художественной фотографии», проходившей в Москве; в других — в Бразилии, ФРГ, СССР, Югославии [3].

В октябре 1967 года в Москве в Центральном доме журналиста открылся юбилейный показ работ Г. А. Липскерова, посвящённый 40-летию его творческой деятельности. Из выполненных на Камчатке здесь были представлены: «На побережье Охотского моря», «Краболов», «Каракурибаны принимают кунгас», «Путь к Корякской сопке», «Рассвет у подножья Авачинского вулкана», «На закате солнца» [4].

Последние выставки с его участием: в 1970 году — Международная художественной документальной фотографии, посвящённая 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (получен почётный диплом за военные снимки); в 1973 году — Всесоюзная художественной и документальной фотографии «Страна моя», посвящённая 50-летию образования СССР, в Москве (награждён почётным дипломом); в 1975 году — Всесоюзная «30 лет Великой Победы», в Москве (отмечен серебряной медалью за серию работ о Великой Отечественной войне) [3].

Г. А. Липскеров, Москва, 1970 год.

В последние годы жизни Г. А. Липскеров стал соавтором без малого десяти литературоведческих книг, снимая для них в Тарханах, Мелихове, Абрамцеве, Ленинграде, запечатлевая миры Чехова, Блока, Тургенева, Аксакова [4].

Георгий Абрамович Липскеров скончался в 1977 году.

Список использованных источников

1. *Арматурный список. Москва, март 1920 г. // Камчатский краевой объединенный музей (ККОМ) 13643.*
2. *Билет Сокольнического кружка лыжников. Москва, май 1914 г. // ККОМ 13652.*
3. *Буряк И. Георгий Липскеров. — М., 1976. — С. 14—18. // ККОМ 483.*
4. *Выставка фоторабот Г. А. Липскерова. Каталог. Москва, 1967 г. // ККОМ. Ф 5028.*
5. *Квитанция Московского коммерческого института. Москва, август 1916 г. // ККОМ 13648.*
6. *Командировочное удостоверение. Апрель 1944 г. // ККОМ 13634.*
7. *Метрическое свидетельство. Москва, 23 января 1898 г. // ККОМ 13633.*
8. *Почетная грамота. Москва, 1941 г. // ККОМ. Ф 4661.*
9. *Путевой лист. Май 1945 г. // ККОМ 13649.*
10. *Расчетная книжка. Москва, 1922 г. // ККОМ 13646.*
11. *Свидетельство о приписке к призывному участку. Москва, октябрь 1913 г. // ККОМ 13647.*
12. *Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности. Москва, июль 1915 г. // ККОМ 13644.*
13. *Тридцать лет спустя… Военные корреспонденты рассказывают о Сталинградской битве // Советское фото. — 1973. — № 2. — С. 4–9. // ККОМ. Ф 4866.*
14. *Трудовой список. // ККОМ 13638.*
15. *Удостоверение 1-й запасной автомотоциклетной роты. Москва, октябрь 1919 г. // ККОМ 13639.*
16. *Удостоверение Основной советской автороты. Москва, май 1919 г. // ККОМ 13642.*
17. *Членский билет. Москва, 1923 г. // ККОМ 13651.*

Фотографии из научно-вспомогательного фонда Камчатского краевого объединённого музея.

Материал поступил в редакцию 06.04.2018 г.

Сведения об авторе: Гаврилов Сергей Витальевич, старший научный сотрудник отдела научно-фондовой работы Камчатского краевого объединённого музея (г. Петропавловск-Камчатский), доцент Камчатского государственного технического университета (г. Петропавловск-Камчатский), член Союза писателей России, Российского военно-исторического общества, лауреат литературных и краеведческих премий.

Контактные данные: e-mail: gavrilov_sv@kamchatgtu.ru; тел.: (4152) 42-54-12, 8-909-831-93-96.

ЭР00910

БОГДАНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСЕЯ ФЛЕГОНТОВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1922 гг.)

В статье рассматривается деятельность Алексея Канидьевича Флегонтова (1888–1943), командира партизанских отрядов, соединений Красной гвардии и Народно-революционной армии Дальневосточной республики в период Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922). Публикация основана на архивных документах Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск).

Ключевые слова: Алексей Канидьевич Флегонтов, Гражданская война, партизаны, Уссурийский фронт, Дальневосточная республика.

Keywords: Aleksei Kanidevich Flegontov, civil war, guerrillas, The Ussuri Front, The Far Eastern Republic.

ДВГНБ

ЭР00910

История Гражданской войны на российском Дальнем Востоке тесно связана с партизанским движением, в котором принимали участие десятки тысяч человек. Партизанская война оказала важное влияние на ход военных действий, способствовав падению белых режимов и победе советской власти. Тема Гражданской войны до сих пор остаётся актуальной. Ключевое значение при её исследовании имеет изучение биографических документов участников партизанского движения. В 2018 году исполняется 130 лет со дня рождения командира партизанских отрядов — Алексея Канидьевича Флегонтова.

Портрет А. К. Флегонтова.

Об А. К. Флегонтове ещё в советский период был издан ряд книг и статей. В работах бывшего председателя Хабаровского уездного исполкома Совета депутатов (в 1918 г.) Г. А. Масалова («Алексей Флегонтов»), участников Гражданской войны на Дальнем Востоке А. Н. Геласимовой и П. Ф. Федорца («Мужественный борец за победу власти Советов»), московского журналиста Б. В. Осипова («Биография пишется смолоду») содержатся сведения о его участии в Гражданской войне [3, с. 151–155; 7, с. 155–157; 8].

В данной статье автор на основе архивных документов исследует малоизвестные страницы биографии Алексея Канидьевича, связанные с революционными событиями 1917 года и Гражданской войны на Дальнем Востоке в 1918–1922 годах.

В 1981 году участники Гражданской войны на Дальнем Востоке Антонина Николаевна Геласимова и Пантелеймон Филиппович Федорец передали большую часть документов об А. К. Флегонтове в Государственный архив Хабаровского края. Первоначально они находились в комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, куда документы поступили от жены Алексея Канидьевича — Александры Павловны Флегонтовой. Часть документальных материалов была собрана А. Н. Геласимовой в связи с подготовкой сборника документов о партизанской бригаде имени А. К. Флегонтова [10].

В архиве документы Алексея Канидьевича хранятся в фондах «Штаб партизанских отрядов Приморья» (Ф. Р-415), «Народно-революционная армия и флот Дальневосточной республики» (Ф. Р-1317) и в коллекции документов периода Октябрьской революции и Гражданской войны на Дальнем Востоке (Ф. Р-1503).

Алексей Канидьевич Флегонтов родился в 1888 году в станице Олочинской 4-го военного отдела Нерчинско-Заводского уезда Забайкальской области в семье сельского фельдшера [1, л. 6, об.; 9, с. 189–190]. В 1890 году в возрасте двух лет он потерял мать, а через два года и отца. Заботы о воспитании мальчика взяла на себя его старшая сестра. В 1901 году Алексей поступил в Иркутскую мужскую гимназию. Годы учёбы пришлись на события революции 1905–1907 годов. Он вступил в ученическую революционную организацию Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В 1906 году за расклейку пропагандистских листовок учащийся пятого класса Иркутской гимназии был исключён из учебного заведения. Алексей был арестован полицией на четыре месяца, после освобождения из тюрьмы работал на золотых приисках.

А. К. Флегонтову было запрещено проживать в Иркутске, поэтому в 1909 году он переехал в Хабаровск [1, л. 17]. Здесь сдал экзамен на должность сельского учителя [8, с. 11]. Молодой преподаватель работал в деревне Зоевке Хабаровского уезда, а затем в посёлке Лончаково Уссурийского казачьего войска.

В 1914 году началась Первая мировая война. А. К. Флегонтова мобилизовали в армию и зачислили рядовым в 10-й Сибирский стрелковый полк. В течение последующих полутора лет он воевал на германском фронте. В конце 1916 года его откомандировали в Иркутскую школу прапорщиков. Приказом по Иркутскому военному округу в марте 1917 года Алексей Канидьевич был произведён в прапорщики и направлен в 9-й Сибирский запасный стрелковый полк [1, л. 3].

Наступивший революционный 1917-й застал А. К. Флегонтова в Иркутске. Солдаты 9-го Сибирского запасного стрелкового полка избрали его командиром роты и членом Иркутского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [4, л. 1]. В июле Алексея Канидьевича направили служить в 28-й Сибирский стрелковый полк. События Октябрьской революции он встретил в Иркутске в должности председателя полкового комитета. В январе 1918 года после демобилизации из армии А. К. Флегонтов вернулся в Хабаровск, где был избран председателем Центрального бюро профсоюзов Приамурья и депутатом Хабаровского Совета депутатов.

К концу 1917 года советская власть установилась на всём Дальнем Востоке, но весной 1918-го из Маньчжурии перешли в наступление отряды белых атаманов И. М. Гамова, И. П. Калмыкова и Г. М. Семёнова. В мае мятеж Чехосло-

ДВГНБ

ЭР00910

вацкого корпуса отрезал Дальний Восток от остальной части страны. В России начиналась Гражданская война.

В период контрреволюционного выступления чехов и белогвардейцев Алексей Канидьевич принял командование над батальоном Красной гвардии. В его состав вошли рабочие хабаровских предприятий, состоявшие в профсоюзах. В июле 1918 года А. К. Флегонтова за успешные боевые действия красногвардейского батальона назначили командующим левым флангом Уссурийского фронта [1, л. 6, об.]. Его бойцам противостоял белогвардейский кавалерийский отряд Калмыкова, состоявший из кадетов, офицеров и уссурийских казаков. Боевые действия летом 1918 года велись в Приморье вдоль реки Уссури [11, л. 3–4]. В начале августа части Уссурийского фронта под командованием А. К. Флегонтова освободили укреплённый Шмаковский монастырь, населённые пункты Тихменево, Успенку, Комаровку, Ольховку, Антоновку. В сражении под деревней Антоновкой его бойцы нанесли поражение отряду атамана И. П. Калмыкова.

Войска Уссурийского фронта Красной гвардии готовились нанести решающее поражение белогвардейцам, но усиление антибольшевистских сил войсками интервентов кардинально изменило соотношение сторон. 26 августа 1918 года в сражении с японскими подразделениями у деревни Духовской части Красной гвардии понесли большие потери. Командовавший красногвардейцами А. К. Флегонтов получил тяжёлое ранение [1, л. 17]. Его эвакуировали в Хабаровск, а затем в таёжную деревню на севере Амурской области. Интервенты, чехословаки и белогвардейцы прорвали Уссурийский фронт Красной гвардии и 5 сентября заняли Хабаровск [16, с. 47].

Алексей Канидьевич принимал активное участие и в боях с японскими интервентами в 1920 году, которые 4–6 апреля нанесли удар по частям революционной армии и партизанам на Дальнем Востоке [14, с. 110–111; 15, с. 266–267, 311]. Отступившие из Приморья отряды сконцентрировались в районе Красной Речки, в нескольких километрах от Хабаровска [5, с. 17–18]. Они образовали так называемое правобережное кольцо численностью до восьми тысяч человек вместе с партизанскими отрядами Д. И. Бойко-Павлова, И. Ф. Вредного и другими. Командующим правобережным кольцом был назначен И. П. Шевчук, а его начальником штаба — А. К. Флегонтов [11, л. 22]. 13 апреля 1920 года части революционной армии и партизанские отряды попытались выбить японских интервентов из Хабаровска, но отсутствие должного взаимодействия не позволило организовать успешный штурм. Более того, 18 апреля японские войска перешли в наступление и ударом из Хабаровска захватили Красную Речку.

Положение «правобережной группировки» армейских частей и партизанских отрядов стало угрожающим. Сам А. К. Флегонтов в качестве причин поражения называл низкий уровень дисциплины, проблемы с тыловым обеспечением группировки войск и нехваткой командных кадров [11, л. 22–24]. Командование революционной армии ввиду невозможности сдержать японское наступление приняло решение часть войск перебросить на левый берег Амура, а часть расформировать.

В апреле 1920 года Алексей Канидьевич был назначен командиром полка Восточного (Хабаровского) фронта, отражавшего атаки японских интервентов. В очерке «Партизанское движение в Приморье и Приамурье. 1918–1922 гг.» А. К. Флегонтов вспоминал: «Под напором японцев моему полку пришлось отойти на линию Бешеной протоки [на левом берегу Амура в нескольких километрах от Хабаровска], что в двух верстах от берега Амура, здесь мы окопались, и завязался упорный бой, цепи [солдат] лежали друг против друга через протоку, на расстоянии 30–40 саженей, все попытки японцев на лодках перейти Бешеную протоку оканчивались потоплением их» [11, л. 26].

Алексей Канидьевич описывал реакцию бойцов на договор между Временным правительством Приморской областной земской управы и японским командованием: «Наши бойцы были страшно удручены этим договором. Японские интервенты… не выполняли в точности условий [перемирия]… стрельбу не прекращали до самого вечера, хотя наши представители пришли к ним утром. Я с большим усилием удержал наших артиллеристов, которые хотели отвечать огнём на огонь. Кроме того, японцы… перебрасывали с правого берега на наш свои части» [11, л. 27]. Перемирие было заключено 29 апреля 1920 года [16, с. 217].

Флегонтов принимал непосредственное участие в мирных переговорах с японским командованием. В составе делегации Временного правительства Приморской областной земской управы он приехал в Хабаровск, «где белогвардейцы, прикрываемые японцами… избивали под всевозможным предлогом всех, по их мнению, сочувствующих большевикам. Мы же, прибывшие… из штаба Восточного фронта… естественно стали центром внимания и сразу же почувствовали за собой слежку» [11, л. 30]. Несмотря на гарантированную японцами неприкосновенность, члены делегации из-за угроз белогвардейцев были вынуждены ежедневно менять место ночлега [11, л. 30]. Переговоры проходили в японском штабе. Дипломатическая командировка А. К. Флегонтова продолжалась 15 дней, после чего его отозвали в штаб фронта на левый берег Амура.

В 1920–1921 годах Алексей Канидьевич принимал участие в создании Народно-революционной армии (НРА) Дальневосточной республики (ДВР). В апреле 1920 года ему было поручено командование 2-й Амурской стрелковой бригадой, 30 июля — 1-й Амурской стрелковой дивизией (8 ноября 1920 года переименована в 4-ю Благовещенскую стрелковую ди-

ДВГНБ

ЭР00910

Штаб 1-й Амурской стрелковой дивизии. Слева направо: А. К. Флегонтов, А. А. Школин, Б. Н. Мельников, С. М. Серышев, П. П. Постышев. 1920 год.

КОПИЯ

ПРИКАЗЫ

Главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальне-Восточной Республики.

Д.-Армия. № 19 14 ноября 1920 г.

§ 1.

Начальником гарнизона гор. ХАБАРОВСКА и окрестных селений в радиусом в 15 верст, назначаю Начдива 4-й БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ тр. ФЛЕГОНТОВА, который по вопросам Начгара подчиняется непосредственно мне, в остальных вопросах Командарму 2-й Амурской.

§ 2.

Начгару ХАБАРОВСКА и его окрестностей, срочно назначить Комиссию для учета всего военного имущества.

Об исполнении донести.

Подлинный подписал: Главнокомандующий ЭЙХЕ.

Скрепил: Начальник Штаба ПЕЛЕНКИН.

С подлинным верно:

Пом. Н-ка Административного Управления БОГДАНОВ.

Приказ Главнокомандующего всеми вооружёнными силами Дальневосточной республики Г. Х. Эйхэ от 14 ноября 1920 года № 19 о назначении начдива 4-й Благовещенской дивизии А. К. Флегонтова начальником гарнизона г. Хабаровска.

визию). 14 ноября он принял командование над гарнизоном г. Хабаровска [6, с. 117]. 19 ноября 1921 года А. К. Флегонтов был назначен членом военного совета Забайкальского военного округа [12, л. 113, об]. Впоследствии он вспоминал: «Нелегко было строить армию, да ещё по типу Советской Красной Армии, о которой сами-то руководители знали по отрывочным сведениям. Иногда бывшим партизанам были странны и непонятны распоряжения, касающиеся внедрения жестокой дисциплины, но достаточно сказать, что “так в Красной Армии” — и никаких сомнений, всё выполнялось беспрекословно» [11, л. 28].

В декабре 1921 года положение Дальневосточной республики осложнилось. Из Приморья в районе г. Имана перешла в наступление белоповстанческая армия. Белоповстанцы перед походом на Хабаровск смогли нанести поражение приморским партизанским отрядам, обеспечив себе прочный тыл. В критический момент командование НРА ДВР было готово пойти на реставрацию «партизанщины» и возвращение в Приморье авторитетных командиров [2, с. 9–10]. Военный совет Приамурского военного округа Народно-революционной армии во главе с С. М. Серышевым для усиления партизанского сопротивления в тылу белоповстанческой армии решил направить в Приморье Алексея Канидьевича Флегонтова [5, с. 33].

Военным советом НРА ДВР он был назначен на должность командующего всеми партизанскими отрядами, оперирующими в Приморской области [13, л. 1]. Его полномочия подтверждало удостоверение, подписанное членами военного совета Приамурского военного округа Б. Н. Мельниковым и П. П. Постышевым. Документ с целью конспирации был напечатан на шёлковой ткани. В настоящее время это удостоверение хранится в Государственном архиве Хабаровского края, где оно внесено в реестр уникальных документов Хабаровского края.

Удостоверение члена военного совета Приамурского военного округа и командира всеми партизанскими отрядами, оперирующими в Приморской области, А. К. Флегонтова. Декабрь 1921 года.

14 декабря 1921 года отряд А. К. Флегонтова в составе 13 человек выехал из Хабаровска для организации партизанского сопротивления в Приморье. Партизаны должны были войти в Иманскую долину. Немногочисленный отряд во время движения обходил населённые пункты, чтобы избежать встречи с белоповстанцами. После выхода к реке Бикин Алексей Канидьевич узнал о поражении приморских партизан. Часть их отрядов сдалась в плен (батальон Палицына) либо отступила под натиском белых (отряд Г. М. Шевченко).

А. К. Флегонтов рассчитывал встретить партизан в Иманской долине в деревне Котельничье, но их отступление привело к тому, что деревня оказалась занята белоповстанцами. В ней размещался кавалерийский отряд, насчитывавший не менее 200 человек [11, л. 55]. Белоповстанцы попытались обойти партизан с флангов, но Алексею Канидьевичу удалось избежать окружения.

После этого столкновения флегонтовцы стали создавать отряды из местных жителей. «В надежде собрать уцелевших партизан, послали во все окрестные деревни клич с призывом к организации, указав место сбора. На наш клич собралось около 100 человек, [среди них]

ЭР00910

1. Фамилия, имя и отчество – Флегонтов Алексей Кандидович.

2. Когда родился и какой местности уроженец – 1888 г. Марта 4 дня Нерчинско-Заводского уезда станицы Олочи.

3. ОБРАЗОВАНИЕ: Общее – 4 класса гимназии и сдал экзамен на звание учителя народных училищ.

Военное – Окончил I-ю Иркутскую Школу прапорщиков.

4. Знаки за боевые отличия – Георгиевский крест 4-й степени. Орден Красного Знамени.

5. Семейное положение – Женат.

Прохождение службы:

Призван по мобилизации и зачислен в 10-й Сибирский Стрелковый пол	1914 г.	сент.	14
Повышен в ефрейторы	-"-	дек.	20
Произведен в унтер-офицеры	1915	февр.	19
Командирован в I-ю Иркутскую Школу Прапорщиков и зачислен Юнкером	1916	нояб	12
Приказом по Иркутскому Военному Округу произведен в прапорщики	1917	мар.	6
Командир 2-й роты 9-го Сибирского запасного стр.полка и Начальником Караульной команды гор.Иркутска	1917	апр.	16
Командиром 2-й роты 28-го Сибирского стр.полка	-"-	авг.	5
Председателем полкового Комитета	-"-	-"-	14
Командир батальона Красной Армии на Уссурийском фронте	1918	мая	7
Командующим левым флангом Уссурийского фронта	-"-	июль	
Назначен командиром полка Народно-Революционных войск Восточного фронта			
Приказом по 1-й Амурской стр.дивизии от 24/VII с.г. назначен командиром 3-й Амурской стр.бригады /приказ по дивизии № 8 § 1/	1920	июля	24
Временно исполняющим должность начальника 1-й Амурской стрелдивизии /прик.по дивизии № 11 § 6/	-"-	"-	30
Утвержден в должности Начальника 4-й Благовещенской стрелковой дивизии /прик.по воск.2-й Амурской Армии № 297 § 3/	1921	янв.	1
Назначен Начальником Гарнизона города Хабаровска приказом по войскам 2-й Амурской армии № 14 § 2	-"-	-"-	9
Избран Членом Учредительного Собрания и выбыл к месту назначения согласно приказа войскам 2 Амурской Армии № 84 § 3	-"-	февр.	1
Назначен временно исполняющим должность Командующего войсками 2 Амурской армии /приказ войскам 2 Армии № 372 § 1/	-"-	мая	8

ДВГНБ

Послужной список на временно исполняющего должность начальника 1-й Амурской стрелковой дивизии А. К. Флегонтова. Составлен 4 сентября 1922 года.

ЭР00910

40 кавалеристов-партизан. Отряд был готов» [11, л. 56–57]. Алексей Канидьевич после организации партизанского движения в районе Имана направился на юг, вглубь Приморья, где он смог организовать взаимодействие с частями командиров партизанских отрядов М. П. Вольского и Н. К. Ильюхова. Ему удалось вместо разрозненных партизанских штабов создать единый военный совет партизанских отрядов Приморья, председателем которого он был назначен 9 марта 1922 года [6, с. 118]. В марте 1922 года постановлением правительства ДВР был учреждён Народно-революционный комитет, который взял на себя власть в контролируемых партизанами районах. В его состав был включён А. К. Флегонтов.

Алексей Канидьевич внёс значительный вклад в организацию партизанского движения в Приморье. Под его командованием партизаны атаковывали части белоповстанческой армии и нарушали снабжение её подразделений.

В 1922–1941 годах после Гражданской войны А. К. Флегонтов находился на партийной и хозяйственной работе в Хабаровске, Киеве и Москве, был членом ВЦИК СССР. В 1929 году назначен заместителем председателя Дальневосточного крайисполкома и кандидатом в члены бюро краевого комитета партии [1, л. 17].

В годы Великой Отечественной войны А. К. Флегонтов был одним из организаторов партизанского движения в Белоруссии. За участие в боевых действиях награждён орденом Ленина. Погиб в бою 11 марта 1943 года. Похоронен в братской могиле близ деревни Маковье Осиповичского района Могилёвской области (Белоруссия).

Грамота Революционного военного совета РСФСР о награждении А. К. Флегонтова орденом «Красное Знамя» за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества в 1918–1920 годах на территории Дальневосточного края. 25 октября 1928 года.

Список использованных источников

1. *Автобиография, анкета, послужной (1914–1921) и трудовой (1917–1938) списки А. К. Флегонтова // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1503. Оп. 3. Д. 1.*
2. *Бутенин, Н. А. Партизанское движение на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны (итоги и перспективы изучения) / Н. А. Бутенин, Н. Д. Бутенина // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. — 2012. — № 3. — С. 5–11.*
3. *Геласимова, А. Н. Мужественный борец за победу власти Советов / А. Н. Геласимова, П. Ф. Федорец // Дальний Восток. — 1967. — № 1. — С. 151–155.*
4. *Документы о герое Гражданской войны на Дальнем Востоке и Великой Отечественной войны А. К. Флегонтове // ГАХК. Ф. Р-1992 : Краевед Е. М. Золотых. Оп. 1. Д. 65.*
5. *Лёвкин, Г. Г. Волочаевка без легенд / Г. Г. Лёвкин. — Хабаровск : Приамур. геогр. о-во, 1999. — 287 с.*
6. *Лёвкин, Г. Г. Командиры и политработники Народно-революционной армии Дальневосточной республики / Г. Г. Лёвкин. — Хабаровск : б. и., 2002. — 141 с.*
7. *Масалов, Г. А. Алексей Флегонтов / Г. А. Масалов // Дальний Восток. — 1958. — № 3. — С. 155–157.*
8. *Осипов, Б. В. Биография пишется смолоду / Б. В. Осипов. — Москва : Политиздат, 1979. — 102 с.*
9. *Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г. — Чита : Заб. обл. стат. ком., 2012. — I Отдел. — 234 с.*
10. *Предисловие к описи «А. К. Флегонтов, государственный и военный деятель» // ГАХК. Ф. Р-1503. Оп. 3.*
11. *Рукопись очерка А. К. Флегонтова «Партизанское движение в Приморье и Приамурье. 1918–1922 гг.» // ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 542.*
12. *Сборники приказов по НРА и флоту ДВР // ГАХК. Ф. Р-1317 : Народно-революционная армия (НРА) и флот Дальневосточной республики (ДВР). Оп. 1. Д. 9.*
13. *Удостоверение командующего всеми партизанскими отрядами, оперирующими в Приморской области А. К. Флегонтова // ГАХК. Ф. Р-1503. Оп. 3. Д. 3.*
14. *Хитрый, В. Г. Партизанская война на Дальнем Востоке России, 1918–1920 гг. / В. Г. Хитрый, Ю. Н. Ципкин. — Хабаровск : ХКМ им. Гродекова, 2016. — 216 с.*
15. *Ципкин, Ю. Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.) / Ю. Н. Ципкин. — Хабаровск : Изд-во ГГПУ и отд. науч. изд. ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2003. — 344 с.*
16. *Ципкин, Ю. Н. Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917–1922 гг.) / Ю. Н. Ципкин. — Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2002. — 267 с.*

Фотографии из фондов Государственного архива Хабаровского края.

Материал поступил в редакцию 06.04.2018 г.

Сведения об авторе: Богданов Сергей Александрович, ведущий археограф сектора научного использования документов Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: bogdanov@archiv.khv.ru; тел.: 8-924-207-55-93, (4212) 30-53-00.

ЭР00910

РУБАН НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА

ПОТОМСТВЕННЫЙ МИССИОНЕР АФАНАСИЙ ПРОТОДИАКОНОВ

Статья посвящена жизни и деятельности православного священника, миссионера Афанасия Протодиаконова (1866–1899), происходящего из известной семьи православных миссионеров Протодиаконовых. Отец Афанасий проводил активную миссионерскую деятельность по христианскому просвещению аборигенов Дальнего Востока, возглавлял Камчатскую духовную миссию, им была составлена подробная летопись миссионерской деятельности в крае.

Ключевые слова: православное миссионерское служение, коренные малочисленные народы, Дальний Восток, просвещение, христианизация.

Keywords: Orthodox missionary service, Indigenous small numbered peoples, Far East, Enlightener, christianization.

ДВГНБ

ЭР00910

Протоиерей Афанасий Александрович Протодиаконов происходил из известной дальневосточной миссионерской династии Протодиаконовых, был сыном священника Александра Матвеевича Протодиаконова — ближайшего сподвижника владыки Иннокентия (Вениаминова) в деле просвещения коренных малочисленных народов Севера [10].

Отец Афанасий прожил короткую жизнь — всего 34 года. Но за столь непродолжительный период пастырского и миссионерского служения (не более 10 лет) он сумел внести значительный вклад в развитие православной миссии среди иноверцев на Дальнем Востоке.

Родился батюшка в Иркутске (по другим источникам — в Хабаровске) в 1866 году. Известно, что с 1889-го по 1892 год он нёс служение штатного священника Иннокентьевской церкви в Хабаровске, совмещая его с 1888 года с преподаванием Закона Божия в Хабаровском кадетском корпусе [1, с. 29–30; 12, с. 36].

Но отец Афанасий более видел своё предназначение в сеянии слова Божия среди непросвещённых народов родной дальневосточной земли, чувствовал расположение к миссионерской деятельности, с детства впитав этот подвижнический дух от своего отца. Несмотря на слабое здоровье и увещевания родных, он не оставил мысли сделаться миссионером и в 1893 году по распоряжению правящего архиерея возглавил Камчатскую духовную миссию [11].

А. А. Протодиаконов начал миссионерское служение с изучения языков местных народов, разделяя мнение отца, что миссионеру это крайне необходимо для успешной работы.

В 1894 году на страницах «Камчатских епархиальных ведомостей» появляются первые отчёты отца Афанасия о состоянии миссионерской работы в крае. Эти документальные свидетельства, публикуемые почти в каждом номере данного издания вплоть до 1898 года, были основаны на информации, полученной от руководителей миссионерских станов, и на собственных наблюдениях в многочисленных поездках для служения в приамурских иноверческих сёлах. Важно отметить, что эти тексты стали своеобразной летописью миссионерского дела в Камчатской епархии, наиболее подробным историческим документом о состояния дел по христианскому просвещению коренных народов в данный период, об их бытовании, о культуре и об обычаях, а также являются важным статистическим и аналитическим источником.

Отчёты отца Афанасия отличаются особой скрупулёзностью, точным и детальным описанием в изложении фактов. Стиль речи свидетельствует о наличии высокой степени привязанности автора к вверенному ему делу, тексты носят отчётно-публицистический характер, но не лишены элементов научного и художественного описания. В отчётах отец Афанасий даёт подробное описание деятельности каждого миссионерского стана, входящего в состав епархии, рассказывает о подвижнической работе и подвигах священников-миссионеров. Так, в «Отчёте о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1893 год» автор повествует о священнике Ниманского стана Александре Новокшенове, окормляющем кочующих тунгусов и якутов. Отцу Александру приходилось часто добираться для требоисправлений к кочующим племенам на дальние расстояния пешком, а зимой — на оленях. В дальней зимней дороге батюшка устраивал ночлег по местным обычаям — внутри снежного сугроба устанавливалась палатка, выложенная хвойными ветками и покрытая оленьими шкурами. Согревался огнём, но под утро сильно замерзал [2, с. 345]. Таким же тяжёлым испытаниям подвергались многие православные служители, окормляющие северные станы. В отчёте за 1895 год отец Афанасий описывает, как Тырский миссионер, отец Евгений Соловьёв был застигнут в пути сильным бураном, продолжавшимся несколько дней. Из-за сильного истощения от нехватки провизии и переохлаждения он не смог двинуться с места, но по милости Божией был спасён проезжавшим мимо китайцем.

Разъезды миссионеров к кочевым станам были сопряжены с сильными ветрами, низкими температурами воздуха, преодолением горных массивов, топких болот, рек с сильным течением и водоворотами [2, с. 345]. Кроме того, священникам приходилось преодолевать недружелюбное, а порой и враждебное отношение местного населения, выражающееся иногда и в угрозе жизни. Так, в отчёте за 1894 год отец Афанасий описывает случай, когда в 1880 году гольдами был убит священник Павел Нижанковский за то, что совершил венчание молодых гольдов [3, с. 401].

Всё это свидетельствует о том, что служение миссионеров на Дальнем Востоке в те годы было настоящим подвигом. «Необходимо, — пишет отец Афанасий, — иметь миссионеру крепкое здоровье и железные нервы, чтобы без ущерба для своего организма прожить и прослужить в нашей Миссии несколько лет» [4, с. 288]. Это знание батюшка приобрёл и через личный опыт. Так, в многомесячном путешествии в Императорскую Гавань в 1895–1896 годах отец Афанасий попал в снежную пургу, путешествуя на собаках по безлюдной тайге, провалился в ледяную воду, преодолевая заснеженные полыньи, ночевал в лесу при температуре до – 40 градусов по Реомюру (до – 50 по Цельсию), получил простудное заболевание. Батюшка пишет, что положение его было близко к отчаянию, но он не оставлял молитвы к Господу и Угоднику Божию Николаю Чудотворцу [8].

Трудность служения православных пастырей в миссии заключалась не только в тяжёлых физических испытаниях и сложных обстоятельствах устройства быта (плохо обу-

ЭР00910

строенное жильё, скудное питание и другое.), но и в том, что плоды трудов их не были столь скорыми, очевидными и радостными. Батюшка неоднократно повторял, что нельзя ждать от миссионеров быстрых и обильных результатов. «Обращение язычников в Православие и просвещение уже крещёных не может совершаться легко, — пишет отец Афанасий. — Поэтому, хотя миссионеры каждый по своим силам и способностям стараются, при помощи Божией, внедрить истины веры в сердца инородцев, тем не менее, при отсутствии в последних самодеятельности, проповедь и старания сопровождаются едва лишь заметным результатом». Основную заслугу миссионера он видел в том, что священник заставлял инородца мыслить и чувствовать, подготавливал его к усвоению учения Христа, делая это мягко, тихо, но верно и прочно [3, с. 402–403].

Одним из главных постулатов в миссионерском деле, по мысли отца Афанасия, является то, что обращение язычников в истинную веру должно осуществляться с учётом интеллектуальных, психологических, культурных и религиозных особенностей коренных народов. Приобщение к православной вере важно было вести не принуждением, а увещеваниями, разъяснениями, беседами, а также личным примером и конкретной помощью в устройстве жизни аборигенов. Батюшка обращал внимание на то, что представители коренных народов непривычны к умственной работе, не развиты интеллектуально и потому не могут воспринимать долгую беседу, скоро утомляются и слабо усваивают сказанное [5, с. 343]. Так, в одной из поездок по миссии в стойбище Булава Удской округи отец Афанасий через русского переводчика Мирсанова проводил беседу с местными жителями о служении преосвященного Гурия. Гиляки поняли её как личный рассказ переводчика, а не преосвященного Гурия, и из всего усвоили только то, что тот ругал шамана [3, с. 398].

Важным моментом в деле просвещения коренных малочисленных народов отец Афанасий считал личное участие и помощь священников-миссионеров в обустройстве быта инородцев. Известно, что среди аборигенов была высокая смертность, вызванная множеством тяжёлых инфекционных заболеваний, среди которых были проказа (или лепра), туберкулёз, кишечные инфекции. В отчётах разных лет батюшка описывал, как священники оказывали помощь больным лекарственными препаратами из аптечки, которая была в распоряжении каждого миссионера. Походные аптечки, привезённые из города, содержали набор лекарств, необходимых как для первой медицинской помощи, так и для последующего лечения. Некоторые священники практиковали даже прививки от оспы. Важно отметить, что успешное лечение священниками больных положительно влияло на привлечение их к православной вере, отвращая от шаманов, которые не смогли помочь больным или умирающим [5, с. 333–334].

Священники-миссионеры оказывали также помощь в обучении местного населения огородничеству, ремёслам, засолке рыбы, пытались привить им навыки личной гигиены, соблюдения чистоты в жилищах. Не всегда эти труды венчались быстрым успехом. Отец Афанасий описывает посещение им стойбища Калью в районе Тыра. Войдя в одну из юрт, он увидел множество давно не мытой посуды, потрескавшейся, покрытой слоем нечистот. На земляном полу мусор: кости рыбы, шкурки юколы, издававшие зловоние. Батюшка указал гилякам на это, советуя ради сохранения здоровья содержать юрту в чистоте, на что гиляк ответил ему: «А кто будет платить за то, что я буду чистить юрту?» «Никак не ожидал я подобного вопроса и долго, поражённый, не мог дать подходящего ответа», — пишет батюшка [3, с. 399].

Проводя анализ деятельности миссионеров в Камчатской епархии за десятилетие, отец Афанасий отмечает, что, находясь в столь сложных условиях, служение священников в миссии составляет в среднем не более 3–5 лет, «не в силах предотвратить препятствий, о которые разбивается энергия» [3, с. 402]. Частая смена священников, по его мнению, никак не способствовала успешному делу миссии.

Отчёты отца Афанасия могут служить одним из источников для изучения быта, культуры и религиозно-нравственной жизни аборигенов. Батюшка даёт подробные описания бытования якутов, тунгусов, гиляков, гольдов, негидальцев, корейцев и других осёдлых и кочевых народностей. Записки эти отмечены сердечным и участливым отношением автора к аборигенам. Он подмечает их семейные, культурные, религиозные особенности, обращает внимание на способность иноверцев к восприятию христианской веры. Якутов, например, он рассматривает, как наиболее подготовленную для миссионерства народность. Отмечает, что якуты исполняют с усердием христианский долг исповеди и святого причастия, краткие молитвенные правила, носят нательные крестики, соблюдают все христианские праздники. В их домах, содержащихся в чистоте и опрятности, имеются иконы и свечи. Негидальцы также представляют благодатную почву для сеяния слова Божия, большая часть из них приняли Святое Крещение, при встрече с батюшкой спешат принять благословение, беседы священника слушают охотно [2, с. 346–347]. Гольды, по наблюдению отца Афанасия, живо откликаются на голос миссионеров, гиляки же безразличны к проповеди. Ещё более сложной задачей видится ему обращение в христианство корейцев, переселившихся в поисках лучшей жизни в Южно-Уссурийский край. Среди них сложно найти примеры благочестия, большинство обращаются за помощью к шаману,

ДВГНБ

ЭР00910

крещёные же корейцы подвергаются насмешкам своих соотечественников [6, с. 366].

Неоднократно отец Афанасий обращал внимание на проблему отрицательного влияния на распространение христианской веры среди коренного населения других народов: китайцев, евреев, а также русских казаков, крестьян и рабочих. Китайцы, будучи ярыми противниками христианства, активно противостояли распространению православия среди инородцев. Они не вступали с крещёными аборигенами в торговые отношения и прямо угрожали тем, кто носил крест. Дурное влияние на кочующих тунгусов и якутов оказывали также русские рабочие приисков. «Приискатели — народ испорченный в большинстве случаев, — пишет батюшка. — Верх распущенности принадлежит рабочим из Томской и Тобольской губерний. Тунгусы же, дети природы, не видят других примеров у русских, от которых они по праву должны были бы научиться всему доброму, как от народа цивилизованного» [2, с. 345]. Это, по мнению отца Афанасия, способствовало тому, что якуты и тунгусы оказались подвержены страсти к крепким напиткам и азартной картёжной игре. Кроме того, в отчёте за 1896 год батюшка сетует на то, что русские в низовьях Амура, будучи православными христианами, не способствуют своим примером распространению и утверждению христианства и цивилизации среди инородцев, но, более того, наносят существенный вред делу христианского просвещения пьянством, развратом, бесчеловечным и презрительным отношением к ним, как к «твари», обманом при купле и продаже [7, с. 179].

Важное влияние на формирование христианского сознания у аборигенов отец Афанасий отводит образованию. Отдельные главы в своих отчётах он посвящает деятельности миссионерских школ, которые чаще всего являлись единственными учебными заведениями в станах. Именно там дети (а иногда и взрослые) из числа коренных малочисленных народов получали первые навыки чтения, письма, арифметики, знания Закона Божия. Некоторые миссионерские школы или школы-интернаты брали детей на полное содержание, обеспечивая необходимой одеждой и питанием. Батюшка подробно описывает состояние дел в каждой школе Камчатской духовной миссии, упоминая состав учебных программ, распорядок дня, количество учащихся, преподавателей и необходимость решения таких насущных проблем, как материальное и кадровое обеспечение.

Анализируя миссионерские труды православных священников в разные годы существования Камчатской миссии, батюшка видит конкретные плоды их усилий, полученные с Божией помощью. «Не испытавшие подвигов миссионерского служения могут думать, — пишет он в отчёте за 1895 год, — что небольшой труд — обличить нелепость языческих суеверий и убедить идолопоклонников к принятию истинной веры Христовой; но ближайшее ознакомление с суевериями язычников, обитающих в пределах Приамурья, достаточно убеждает, что христианство нелегко прививается к ним. При глубоком сознании своего малосилия в этом высоком и святом деле Камчатская духовная миссия не может не видеть над собой силы благословения Божия. Вот уже протекло тридцать лет, как положено начало этой миссии, и теперь отрадно вспомнить, когда обращаем взор на прошедшее, несмотря на то, что огорчения, скорби, лишения и многоразличные искушения были постоянными спутниками истинных деятелей в вертограде Господнем. Зато теперь вы видите храмы Божии и служителей в них. Но при этом отрадном воспоминании о развитии Камчатской духовной миссии нельзя позабыть о тех трудах, которые ожидают её в виду десятков тысяч идолопоклонников, погибающих в нашем крае без веры в Евангельское учение» [7, с. 175].

Помимо миссионерских отчётов, отец Афанасий опубликовал в «Камчатских епархиальных ведомостях» (№№ 19, 20 за 1894 г.) исследовательскую и аналитическую статью «К истории Хабаровской церкви». Важно отметить, что даже на сегодняшний день этот труд является наиболее серьёзным и подробным описанием истории православия в Хабаровске в период от закладки поста Хабаровки до конца 1890-х годов.

В 1895 году отец Афанасий Протодиаконов был награждён камилавкой, в 1898-м возведён в сан протоиерея в Благовещенском кафедральном соборе и назначен настоятелем и благочинным хабаровского Успенского собора, с оставлением в должности начальника миссии и благочинного 9-го участка [11], а в 1899 году он получил назначение на должность ключаря Владивостокского кафедрального собора. В ноябре 1899-го скончался от отёка легких, будучи в командировке в г. Никольске-Уссурийском. У батюшки осталась семья: жена и две дочери [10].

Примером своей жизни и подвижнического труда отец Афанасий Протодиаконов утверждал главную заповедь христианства — заповедь любви. По его мнению, дело миссии должно было стать делом любви. И как духовное напутствие современным миссионерам звучат сегодня слова батюшки: «Необходимо приобрести любовь, а с нею и доверие инородцев. Натура инородцев ещё не испорчена вконец. Люби их, делай им добро и не будь чужд их, радуйся их радостью, вникай в их нужды, просвещай их, учи их, рассказывай, разъясняй, и сердца их будут открыты, как добрая нива сеяния Божия, если ты любвеобильный сеятель и любишь своё призвание» [9].

ДВГНБ

Список использованных источников

1. *Иннокентьевская церковь: история храма сквозь три столетия / сост. Стремский И. С. — Хабаровск : Арно, 2008. — 96 с.*
2. *Камчатские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). — 1894. — № 16.*
3. *КЕВ. — 1894. — № 18.*
4. *КЕВ. — 1895. — № 14.*
5. *КЕВ. — 1895. — № 16.*
6. *КЕВ. — 1895. — № 17.*
7. *КЕВ. — 1896. — № 8.*
8. *КЕВ. — 1896. — № 20–21.*
9. *КЕВ. — 1896. — № 22.*
10. *Лынша, О. Б. Деятельность православных миссионеров по развитию школьного образования среди коренных народов Нижнего Амура во второй половине XIX в. [Электронный ресурс] / О. Б. Лынша // Прибайкалье. Иркутская область: города и районы. — Иркутск : «Экспедиция-ИнтерБАЙКАЛ», 2008–2018. — Режим доступа: http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/4922.html, свободный.*
11. *Протодиаконов Афанасий Александрович [Электронный ресурс] // БЛАГОВЕЩЕНЦЫ. 1858–1920 гг. : имен. и биогр. справ.-указ. / сост.: В. Н. Абеленцев, А. А. Гаршин. — Режим доступа: http://museumamur.org/bibliography/%D0%9F?Bibliography_page=21, свободный.*
12. *Хабаровский графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус, 1888–1978. — Сан-Франциско : Глобус, 1978. — 291 с.*

Материал поступил в редакцию 02.07.2018 г.

Сведения об авторе: Рубан Наталия Алексеевна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: na_ruban@mail.ru.

ДВГНБ

ЭР00910

НИКИШИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

ИСТОРИЯ СЕМЬИ МАСЮКА — ЕЛИЗАРОВОЙ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

В статье представлены биографические факты из воспоминаний архивиста Елизаветы Ивановны Елизаровой (1918–2012) «Моя родословная», «Архив — моя судьба», хранящихся в личном фонде в Государственном архиве Хабаровского края (г. Хабаровск). Материал приурочен к столетию со дня рождения ветерана архивной службы Е. И. Елизаровой.

Ключевые слова: родословная, архивист, партийный архив, научная библиотека, краеведение.

Keyword: pedigree chart, archivist, party archive, science library, local history.

ДВГНБ

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Елизаветы Ивановны Елизаровой (1918–2012), ветерана архивной службы Хабаровского края. Елизавета Ивановна — профессиональный архивист, выпускница Московского историко-архивного института имени М. Н. Покровского.

Ещё во время обучения в институте она познакомилась с Михаилом Семёновичем Масюком, коренным дальневосточником, будущим директором краевой научной библиотеки (ныне — Дальневосточная государственная научная библиотека). Встреча молодых людей стала судьбоносной. Семья Масюка — Елизаровой была известна в Хабаровске: Михаил Семёнович около 30 лет отдал краевой научной библиотеке, Елизавета Ивановна 25 лет возглавляла партийный архив Хабаровского крайкома КПСС. Они родились, когда шла Гражданская война, вступили в самостоятельную жизнь в военные годы, но трудности, выпавшие на долю их поколения, среда, в которой они росли и воспитывались, стали истоками их счастливой семейной и трудовой жизни.

«Семья Масюка — Елизаровой» — так должна была называться одна из глав книги Елизаветы Ивановны Елизаровой «Моя родословная», которая, к сожалению, осталась только в черновиках. Писать её она начала в 2007 году, накануне своего 90-летия, посвятив этот труд ушедшим самым дорогим и любимым людям — матери и мужу. Из её записей мы узнаём, что отец Елизаветы Ивановны — сын раскулаченных и изгнанных из своих родных мест крестьян — вынужден был часто менять работу и место жительства из-за клейма «сын репрессированных». Жене с детьми приходилось каждый раз обустраиваться на новом месте, переезжали налегке, с одними чемоданами, быт был кочевой. В семье часто вспоминали такой эпизод. Отец был в командировке, когда от него пришла телеграмма: «Едем четверг приготовься». Собрали всё, вплоть до занавесок. Ночью стук в дверь, на пороге отец и с ним гости. На вопрос отца: «В чём дело?», подают ту самую телеграмму. Всем стало всё понятно. Гостей накормили и уложили спать, а сами принялись за дело — готовить свои фирменные пельмени, на которые и пригласил отец гостей. Утром их сразу позвали за стол. Пельмени удались на славу! Не зря отец хвалился: «С женой у нас взаимопонимание и доверие, вот приедем в полночь, а она ждёт!» [3] .

Иван Степанович, Мария Александровна и Лиза Елизаровы. 1933 год.

Отец ушёл из жизни скоропостижно, после тяжёлой болезни в возрасте 38 лет. На память о нём осталась памятка-напутствие, которую он вручил Лизе перед её отъездом на учёбу в Москву. Не верится, что памятка написана малограмотным человеком с начальным сельским образованием, не знакомым с педагогикой.

Лиза!

Ты будешь одна, вдали от нас, и это твой первый шаг самостоятельной жизни. Будь горда по достоинству как человек, но и будь близка к окружающим тебя как товарищ. Будь почтительна к старшим, но и не игнорируй моложе себя. Не только бери хороший пример с других, что обязательно, но и сама будь образцом хорошего. Используй время рационально: работа, развлечение, сон. Будь экономна в своем бюджете, знай, что это наш общий бюджет, но и не скупись на малом. Будь осторожна везде и всюду, не ходи поздно с подругами или без них. Будь скромна, знай, что в скромности твоя честь (а это честь твоих родителей), в честности твоей твоё достоинство, а достоинство — это твоя гордость, в гордости — сила, в силе твоей — авторитет… Вот и всё, будь простой, какой мы тебя провожаем как нашего близкого дитя и друга. Твои папа, мама. Август 1937. г. Горький [2].

Михаил Масюк — коренной дальневосточник, родился на станции Ин (ныне — посёлок Смидовичи Еврейской автономной области) в 1919 году. Семья его деда приехала на Дальний Восток в 1890 году из станицы Стеблиевка Киевской губернии [1, л. 1]. Отец Михаила, связав свою жизнь с железной дорогой, проработал на ней более 30 лет машинистом и был награждён орденом Ленина. Железнодорожный посёлок Ин в 1920–1930-е годы был многолюдным, жизнь била ключом. Здесь прошли детство и юность Михаила. Будучи учеником 6 класса, в числе небольшой группы отличившихся в учёбе Михаил поехал в Москву на экскурсию. Впечатления от этой поездки были столь яркими, что после окончания школы он едет учиться в столицу, благо для члена семьи железнодорожника билет был бесплатный.

Судьба свела двух выпускников 1937 года в Московском историко-архивном институте. Институт дал им высокий уровень специальных исторических и архивных знаний. Здесь работали и приглашались для чтения лекций видные советские учёные, авторы научных монографий и учебников: Е. В. Тарле, Ю. В. Готье, С. Г. Веселовский, И. И. Минц, В. И. Пичета,

ДВГНБ

ЭР00910

А. Н. Сперанский, М. В. Нечкина. А навыки архивной работы приобретались на производственной практике в Белорусском республиканском государственном архиве и в Государственном историческом архиве Грузии, да ещё на подработках в вечернее время в архиве Наркомата иностранных дел.

Как вспоминает Елизавета Ивановна, не было у них «любви с первого взгляда». В начале учёбы она — заводила, комсорг. Михаил — тихий, неприметный, в стороне от всех мероприятий, вечерами просиживает в библиотеке. Но сдаёт всё без хвостов, первый на курсе по лыжам и стрельбе, шахматный турнир — и там замечен. Потом отметила про себя: немногословный, основательный, надёжный. А ей так не хватало тогда отцовского надёжного плеча. Незаметно зарождалось глубокое чувство, основанное на доверии. «Наши отношения, — отмечает Елизавета Ивановна, — никогда не сковывали друг друга. Я была любительницей театров, но моя попытка завлечь его в театр не удалась. Он дружил с ребятами из ИФЛИ [институт философии и литературы], где были встречи с писателями, поэтами. Сказать честно, он приучил меня к чтению. Но мы свободно расходились по своим интересам» [4].

Елизавета Елизарова — выпускница Московского историко-архивного института. 19 июня 1941 год.

Михаил Масюк. Кувандык, Оренбургская область. 25 ноября 1941 года.

Его учёба в институте прерывалась дважды. Первое испытание разлукой — вооружённый конфликт между СССР и Финляндией (1939–1940 гг.). Группа добровольцев из института, лыжники и стрелки, была определена в лыжный эскадрон, в их числе и Михаил. Это были крепкие, здоровые, спортивные ребята. Вернулись не все. В июне 1941 года снова добровольцем ушёл на фронт. Провожала его на войну женихом, а будет ли мужем? 13 сентября во время боёв на реке Десне в районе Новгорода-Северского был ранен в голову. Из госпиталя прислал фотографию с надписью на обороте и признанием, которое он ни до, ни после прямо не высказывал: «Милая Лизок! Помни, что был такой Миша, который уважал тебя и страшно сильно любил…» [9].

Вторично ранен на Волховском фронте в 1942 году — сквозное ранение грудной клетки. После лечения Михаил получает отпуск на шесть месяцев и литерный билет до станции Ин. Некогда было решать вопрос о смене фамилии, ЗАГС г. Горького выдал им свидетельство о браке, где каждый остался на своей фамилии. С этого времени Дальний Восток стал её второй родиной. В отличие от тех казённых квартир, где проживала её семья, здесь своё хозяйство — добротный дом, сад, огород, живность, но и трудятся от зари до зари. Михаила направили на Дальневосточный фронт, он — парторг дивизиона артиллерийского полка, литературный сотрудник дивизионной газеты. У них родилась дочь, но прожила недолго. Тогда, казалось, закончилась и её жизнь: потеря ребёнка, мужа рядом нет, нет работы, к новой семье с её устоями ещё не привыкла, а на западе, в Горьком, остались без крыши над головой мама и брат-инвалид Великой Отечественной войны. Не всякая семья выдержит такие испытания, ведь Михаилу придётся взять на себя заботу и о них. Но верила, что он будет опорой всей семье. Не без участия Михаила она получает работу в Смидовичском райисполкоме и служебное жильё, куда перевозит своих родных. Михаила после демобилизации как политработника взяли на работу в крайком КПСС. Без опыта и стажа попасть в такую организацию было престижно. Крайком искал решения жилищного вопроса, и оно оказалось судьбоносным, определившим всю их последующую жизнь. Ему предложили должность директора краевой научной библиотеки. В пристройке к библиотеке было общежитие для приезжающих молодых специалистов. Временное проживание затянулось на пять лет, а в семье произошло пополнение: одна за другой родились дочери Валя и Ирина.

С этого времени Михаил Семёнович и Елизавета Ивановна начинают заниматься тем, чему они училась четыре предвоенных года. Она в октябре 1949 года утверждена заведующим партийным архивом Хабаровского крайкома ВКП(б) (с 1952 г. — партийный архив Хабаровского крайкома КПСС). Он начал осваивать новое для него библиотечное дело. Трудностей хватило с лихвой. Архив тогда располагался в подвальном помещении без света и вентиляции, условий не было ни для хранения документов, ни для работы сотрудников. Кроме описей, не было никакого справочного аппарата. Это был склад архивных документов. Не лучше было положение с библиотекой. Старинное красивое здание, отданное под библиотеку в 1944 году, требовало ремонта и нового оборудования, библиотечные фонды — обработки и расстановки. Вот тогда их отношения стали не только супружескими, но и партнёрскими. Рабочие проблемы были общими, решали их вместе. Потребность обязательно об-

ЭР00910

Елизавета Ивановна Елизарова и Михаил Семёнович Масюк. 1956 год.

Встреча российских и японских учёных-историков в Хабаровске, вторая справа — Е. И. Елизарова. 1981 год.

судить, обкатать важные моменты осталась на всю жизнь. Это важнее бытовых и семейных неурядиц.

За 25 лет работы в архиве Елизавете Ивановне удалось сделать многое. Главное её достижение, как считает она сама, это строительство специализированного здания архива, размещение в нём архивных фондов и научно-справочного аппарата, значительное их пополнение и популяризация. Она не ограничивалась административной деятельностью. Историк по образованию, Елизавета Ивановна глубоко изучала историю хабаровского большевистского подполья, лично вела переписку с участниками Гражданской войны и их родственниками, благодаря чему сегодня в архиве хранятся уникальные воспоминания участников событий тех лет: И. Н. Семикоровкина, И. В. Маловечкина, Н. И. Паниной-Сократ, В. И. Ярина-Яровенко.

Она принимала самое активное участие в подготовке первых документальных научных сборников: «Дальсовнарком 1917–1918 гг.», «Таёжные походы», «В той кипучей борьбе», «Индустрия шагнула к океану». Партархив относился к идеологическому отделу крайкома КПСС, поэтому он тесно сотрудничал с такими учреждениями, как краевой радиокомитет, редакции газет, краевое книжное издательство, не говоря уже о государственном архиве края, краевой библиотеке и краеведческом музее. Совместная работа, участие в мероприятиях помогали с годами накапливать опыт и знание жизни, изучать историю края. К этому можно добавить встречи с партийными и государственными деятелями, учёными, писателями, посещавшими в те годы край.

О своей работе в архиве, коллегах, встречах с интересными людьми, случаях из практики Е. И. Елизарова рассказала в своей рукописной книге воспоминаний «Архив — моя судьба». Перечислила всех, независимо от рангов, от первого секретаря крайкома КПСС до хранителя фондов.

То же самое мог бы сказать о краевой научной библиотеке Михаил Масюк. Она стала его судьбой, домом, с ней связаны заботы и радости, гордость и огорчения. На долю Михаила Семёновича выпали годы становления библиотеки не только как крупнейшего книгохранилища, но и информационного и методического центра. При нём научная библиотека вошла в десятку лучших библиотек страны. Большое внимание уделял Масюк подготовке библиотечных кадров. Он организовал и возглавил по совместительству учебно-консультационный пункт Ленинградского института культуры, на базе которого впоследствии открылся Хабаровский институт культуры. Его коньком стало краеведение. В 1960 году он возглавил объединение научных и специальных библиотек Дальнего Востока и обеспечил многолетнее и эффективное их взаимодействие в создании уникального фонда литературы о Дальнем Востоке. Это по его инициативе в 1956 году началась работа над ежегодными календарями знаменательных и памятных дат.

За большой вклад в развитие библиотечного дела и культуры края М. С. Масюк получил звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», был награждён орденом Октябрьской Революции. В 1980 году Михаил Семёнович ушёл

Елизавета Ивановна Елизарова в день своего 90-летия. 2008 год.

АВТНР

ЭР00910

на пенсию, здоровье подводило, да и особая требовательность к себе — «Лучше работать не смогу, а жить старым не хочу» [1, л. 6]. Их совместный с Елизаветой Ивановной труд уже после выхода на пенсию — научно-вспомогательный библиографический указатель «История Хабаровской краевой партийной организации», отразивший историю жизни края до 1986 года.

Вот так рука об руку прошли они рядом по жизни. Елизавета Ивановна пережила и уход из жизни Михаила Семёновича в 1986 году (сказались старые раны), и трагическую гибель внука в Чечне, который служил в составе Свердловского ОМОНа. До конца своих дней она сохраняла ясный ум и память. Долг исследователя и хранителя рода давал ей силы продолжать жить и рассказывать о событиях, очевидцем, свидетелем и современником которых она была. Для нас, архивистов, её родословная — образец генеалогического исследования рода до седьмого колена, а воспоминания об архиве — пример кропотливого и настойчивого труда, беззаветного служения архивному делу, трепетного отношения к своей работе.

Список использованных источников

1. *Документы о Масюке М. С. // ГАХК. Ф. Р-2234. Оп. 1. Д. 18. Л. 1, 6.*
2. *Рукопись «Архив — моя судьба» : машинопись // ГАХК. Ф. Р-2234. Оп. 1. Д. 14. Л. 5, 6.*
3. *Рукопись «Моя родословная» : машинопись // ГАХК. Ф. Р-2234. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.*
4. *Рукопись «Моя родословная» (Семья Масюк — Елизарова) // ГАХК. Ф. Р-2234. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.*
5. *Фотография встречи российских и японских учёных-историков в Хабаровске. 1981 г. // ГАХК. Р-2234. Оп. 2. Д. 23.*
6. *Фотография Е. И. Елизаровой, 19 июня 1941 г. // ГАХК. Р-2234. Оп. 2. Д. 11.*
7. *Фотография Е. И. Елизаровой и М. С. Масюка, 1956 г. // ГАХК. Р-2234. Оп. 2. Д. 17.*
8. *Фотография Е. И. Елизаровой в день своего 90-летия // ГАХК. Р-2234. Оп. 2. Д. 27.*
9. *Фотография М. С. Масюка, 25 ноября 1941 г. // ГАХК. Р-2234. Оп. 2. Д. 8.*
10. *Фотография семьи Елизаровых, 1933 г. // ГАХК. Р-2234. Оп. 2. Д. 3.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 31.08.2018 г.

Сведения об авторе: Никишина Елена Владимировна, ведущий археограф сектора научного использования документов Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: nikel1134@mail.ru.

ДВГНБ

НИКИТИНА НИНА ФЁДОРОВНА

ГЕОРГИЙ ШИПКОВ — УЧЁНЫЙ-БОГОСЛОВ С ПРИАМУРЬЯ

В статье прослежен жизненный путь выдающегося религиозного деятеля Дальнего Востока Георгия Ивановича Шипкова (1863–1938). Опираясь на сохранившиеся архивные источники, автор раскрывает перед нами неординарную для своего времени личность религиозного деятеля, полиглота, человека, неравнодушного к науке. Материал приурочен к 155-летию со дня рождения учёного-богослова Г. И. Шипкова.

Ключевые слова: Г. И. Шипков, Благовещенск, молокане, баптизм, Дальневосточная баптистская церковь, Российский союз евангельских христиан-баптистов.

Keywords: G. I. SHipkov, Blagoveshchensk, Molokan, Baptists, Far Eastern Baptist Church, Union of Evangelical Christians-Baptists of Russia.

ДВГНБ

ЭР00910

Одним из наиболее ярких представителей интеллигенции Благовещенска рубежа XIX–XX веков был выдающийся религиозный деятель Дальнего Востока, учёный-богослов и педагог Георгий Иванович Шипков. Родился он 25 октября (по старому стилю) 1863 года в молоканском селе Тяглое Озеро Николаевского уезда Самарской губернии.

Шипковы принадлежали к религиозной группе водных молокан. Они, в отличие от молокан традиционного толка, признавали причастие и водное крещение и были схожи по обычаям и традициям с баптистами. На радость родителям младший сын Шипковых Георгий «родился в рубашке». По народному поверью, это значило, что быть ему счастливым и удачливым. Главным достоянием семьи удельных крестьян Шипковых было сельское хозяйство и торговля. Односельчане считались крестьянами царскими.

На живописном берегу прозрачного от родниковых вод Тяглого озёра отец семейства, Иван Андреевич Шипков, имел собственный участок земли, хутор «Сёстры» и торговую лавку. Часто за продавца в ней оставался Гера, подросток 8–10 лет. В лавке была возможность читать книги, поэтому он с удовольствием садился за прилавок. И здесь, по сохранившейся в семье легенде, сын настолько увлекался чтением, что зачастую на вопросы покупателей: есть ли в продаже горчица, перец или ещё что-либо, Гера, не отрываясь от книги, машинально отвечал: «Ничего нет!». Жажда знаний была столь велика, что в дальнейшем чтение книг стало его самым любимым занятием.

В далёком Приамурье

Переселение крестьян из европейской России на Дальний Восток происходило согласно «Правилам для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» (утверждены правительством Российской империи 26 марта 1861 г.). Семья Шипковых, состоящая из родителей и четверых сыновей, в середине 1870-х годов из-за малоземелья покинула родное Поволжье. Как и многие односельчане из Самарской губернии, Шипковы за свой счёт, рискуя собой, в течение года добирались на подводах по суше, на плотах по рекам на дальневосточные земли.

Сначала надо было добраться до административного центра области — г. Благовещенска (Усть-Зейского военного поста, основанного в 1856 г.). Выбор был сделан заранее — пригодная для хлебопашества Амурская область, учреждённая Указом императора Александра II 8 декабря 1858 года. Именно здесь, по Амуру, пролегает граница России с сопредельным Китаем.

Прибывшие из российских южных губерний крестьяне распределялись по волостям области. Во временное пользование на льготных условиях семьи крестьян-переселенцев получали земельные наделы. Так, братья Герасим, Иван и Варфоломей и их родители Шипковы поселились в деревне Тамбовка (основана в 1873 г.) и стали землевладельцами. Через два десятка лет, в 1897 году, они с семьями возвратились в Благовещенск и стали домовладельцами. Одновременно старший из братьев, Герасим Иванович, владел большим земельным наделом в деревне Астрахановка, близ Благовещенска, и считался крупным землевладельцем. Женат он был на Марфе Никитичне Шипковой (в девичестве Саяпиной). Они воспитали приёмного сына Павла. Семья проживала по улице Казачьей, 31 (1914), 24 марта 1920 года она была переименована в Партизанскую. Случилось так, что родители Шипковы возвратились из Тамбовки заранее и остались в Благовещенске. Отец семейства занимался покупкой и продажей скота. Стада скота пригонялись в область из Маньчжурии, Монголии и Забайкалья и поступали на местные рынки. На этом промысле многие становились крупными предпринимателями, некоторые из них из среды мещан-молокан, как и отец Георгия Ивановича, выходили в купцы. Как купец 2-й гильдии Иван Андреевич Шипков значился в именном списке для выбора гласных в Городскую Думу на 4-летие, с 1 января 1884-го до 1 января 1888 года [1, с. 129].

Чтению книг, в том числе и на иностранных языках, Георгий посвящал всё своё свободное время. Для владения языками занимался самообразованием. Общение с носителями языков, что было вполне реально, давало практический навык в разговорной речи. Ведь Благовещенск середины 1880-х годов по национальному составу был настоящим Вавилоном. Как свидетельствуют документальные источники, по этнической принадлежности, кроме славянского населения, которое составляло большинство, здесь жили татары, немцы, евреи и другие; временно, как подданные Китая, селились маньчжуры и китайцы.

В навигацию на Амуре атмосфера города наполнялась разноязычным говором. Георгию шёл 17-й год. Смышлёный, смуглый от палящего приамурского солнца, юноша бродил по оживлённым улицам Благовещенска, прислушивался к звучащей речи иностранцев, как будто знал, что западноевропейские языки в дальнейшем для него будут рабочими. При развитой памяти и абсолютном музыкальном слухе Георгию удалось самостоятельно изучить три иностранных языка — английский, немецкий и французский.

Из анкеты, заполненной Г. И. Шипковым как репрессированным в 1935 году, на вопрос: «С какой целью изучали иностранные языки?», он ответил: «…Для продвижения по службе в телеграфе необходимо было знание иностранных языков, но я ещё не потому изучал их, а просто из любви к языковедению».

ДВГНБ

Интересуясь историей, философией, юноша буквально по зёрнышку начал собирать книги для собственной библиотеки. С течением времени в книжном собрании Г. И. Шипкова особое место стала занимать богословская западноевропейская литература. Книги были дорогие и требовали немалых денег. Иван Андреевич не жалел средств на самообразование сына. Возможность заказать нужные издания частично предоставлялась через каталоги столичных книжных фирм. Некоторыми из них располагала городская общественная библиотека Благовещенска, основанная графом Н. Н. Муравьёвым-Амурским в 1859 году.

Впервые применить свои знания иностранных языков Георгию удалось на службе в Торговом Доме довольно солидной американской фирмы «Иноко Эмери и Ко». В 1890 году ему посчастливилось стать служащим Благовещенской почтово-телеграфной конторы, где владение иностранными языками было востребовано.

В 1886 году Георгий Шипков вступил в общину евангельских христиан-баптистов Благовещенска. Впервые баптистская община была зарегистрирована Всероссийской переписью 1897 года. Истоки баптистской веры пришли в нашу страну с европейского Запада, но её корни были и остались глубоко национальными, российскими. Основное население Благовещенска было православным, но часть жителей принадлежала к другим религиозным конфессиям. Горожанами посещались Кафедральный собор Пресвятой Богородицы, другие православные церкви, римско-католический костёл, молитвенный дом духовных христиан (молокан), молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, магометанская мечеть, иудейская синагога… Люди разных сословий и разного вероисповедания здесь прекрасно уживались.

Примерно на 24-м году жизни Георгий Иванович Шипков женился на Софии Макаровне Коробковой. Двенадцатилетней девочкой София приехала с родителями, крестьянами-переселенцами, в Благовещенск из села Александров Гай Самарской губернии, тоже примерно в 1877 году. При рождении она была крещена по православному обряду, но, выйдя замуж, приняла веру мужа. София Макаровна оставила о себе память как о человеке добром, немногословном, терпеливом, благочестивом и великодушном.

Её родителями были Анастасия Акимовна и Макар (отчество не удалось установить). Известно, что в 1916 году её брат, Никанор Макарович Коробков, был избран председателем ссудо-сберегательного товарищества Тамбовского района. На эту должность избирались люди с безупречной репутацией, которые пользовались особым доверием в обществе.

В городе процветали торговля, банковское дело, золотодобыча. Появились каменные здания разнообразной архитектуры. Общественно-культурная жизнь была на подъёме. Популярными у горожан стали театральные спектакли, кинематограф, народные чтения. Население областного центра обслуживали три общедоступные библиотеки. Образование давали более 40 учебных заведений. Кроме начальных и специальных школ, в Благовещенске действовали три гимназии, реальное училище, а также епархиальное женское училище и духовная семинария.

Когда Благовещенская мужская прогимназия стала полной, то есть восьмиклассной, а это произошло в 1891 году, Георгий Шипков экстерном сдал в неё экзамены и получил аттестат о среднем образовании. Он всегда тяготел к интеллектуальному труду, перед собой ставил цель — получить высшее богословское образование.

В Пекине

В тридцатилетнем возрасте Георгий Иванович уехал в Пекин и поступил в Американский университет на факультет протестантского богословия (1894). Здесь он изучал богословие и иностранные языки. Георгию Шипкову удалось договориться с руководством университета о сдаче экзаменов за каждый семестр экстерном. Дело в том, что он остановился в Тяньцзине, где устроился «на счётную работу» в чайную фирму русских предпринимателей «Токмаков, Молотков и Ко».

В Пекине Георгию Ивановичу удалось освоить и разговорный китайский язык. При университете для китайцев, желающих обучиться русскому языку, он тайно преподавал русский язык, хотя иностранцев здесь не очень жаловали.

Четыре долгих года длилась разлука с семьёй, а дома оставались жена с двумя малолетними детьми. Отец семейства поддерживал семью письмами и денежными переводами. Соседские кумушки намекали Софии Макаровне о долгой разлуке с мужем, и даже некоторые осмеливались говорить: «Софья, Георгий тебя бросил, не жди его, он не вернётся». Но он вернулся и не просто вернулся, а с большим чемоданом нарядов для жены и с её тонированным портретом на картоне, который переснял в одном из фотосалонов Тяньцзиня.

После успешного окончания факультета протестантского богословия Американского университета в Пекине (1898) Г. И. Шипков получил диплом учёного богослова, подтверждающий высшее богословское образование. Диплом давал право на преподавание в учебных заведениях шести языков: английского, немецкого, французского, латинского, греческого и древнегреческого[1].

Вернувшись в Благовещенск, Георгий Иванович сразу же восстановился на службе в телеграфе в чине губернского

1 Подлинник диплома хранится в документальном фонде Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского (г. Благовещенск).

ЭР00910

секретаря. На «иностранном столе» Г. И. Шипков работал переводчиком, а также телеграфистом-переводчиком — переводил с иностранных языков телеграммы, проходящие через Россию (позже — СССР) и Китай. Начиная с 1899 года, он брал дежурства, чтобы материально поддержать семью. Возвращаясь с ночного дежурства на телеграфе, Георгий Иванович часто приходил домой с букетом фиалок или ландышей в петлице. Особенно любил изящные с неповторимым нежным запахом ландыши.

Дедушка был черноглазым брюнетом выше среднего роста, одевался красиво, следовал моде. По натуре был оптимистом, ему было присуще чувство юмора. В 1901–1905 годы семья Шипковых жила на втором этаже в одной из квартир, под № 19, предназначенных для служащих вновь отстроенного здания почтово-телеграфной конторы (1900). А в 1906 году молодая семья разместилась уже в собственном доме по улице Соборной, 38 (ныне улица Октябрьская, 130; дом снесён в 2008 г.). Дом Георгий Иванович построил на собственные средства, помогли и братья по вере. Он со вкусом обставил квартиру мебелью, в гостиной нашлось место и для пианино. Как сыновья, так и дочери Шипковых владели игрой на струнных инструментах.

Георгий Иванович откликался на все просьбы, выполнение которых он воспринимал как служение Богу и стране. В 1919 году во время оккупации Благовещенска японцами, был эпизод, когда, по просьбе начальника почтово-телеграфной конторы Я. П. Савилова, Г. И. Шипков выступил в качестве переводчика между группой русских граждан, арестованных неизвестно за что японцами, японскими офицерами, знавшими по-французски, и Я. П. Савиловым, владевшим немецким языком. Результатом успешно проведённых Г. И. Шипковым переговоров стало то, что незаконно арестованные были освобождены.

Г. И. Шипков. 1920-е годы.

В доме Шипковых часто бывал заведующий Реальным училищем, надворный советник Григорий Тимофеевич Рудиков, православный. Его интересовали многие вопросы по религии, и Георгий Иванович мог донести до слушателя новые имена и многие истины.

Свою жизнь Георгий Иванович строил так, как осознавал своё предназначение. Смыслом его жизни было духовное совершенствование не только по отношению к самому себе, но и к обществу. Я думаю, что духовно-нравственный подход Г. И. Шипкова к служению обществу и государству, Силам Высшего Разума, толерантное отношение к другим традиционным вероисповеданиям и, прежде всего, к православию, делает опыт его жизни ценным для современников. Свою религиозную деятельность он расценивал как нравственный долг перед людьми. «Без служения обществу нет человека» — критерий, которым руководствовался Георгий Иванович всю свою сознательную жизнь.

По избранному пути

Высокая образованность и глубокие познания в области протестантского богословия, знание иностранных языков и библейской литературы, широкий кругозор, организаторские способности позволили Г. И. Шипкову стать в своё время лидером Дальневосточной баптистской церкви. Именно религиозные воззрения на жизнь общества, нашедшие отражение в проповедях, дали возможность Георгию Ивановичу быть авторитетом русской протестантской церкви, войти в её историю.

Пресвитер церкви евангельских христиан-баптистов Г. И. Шипков в 1900-х – начале 1930-х годов — автор многих духовных статей и проповедей на страницах центральных журналов «Баптист», «Братский вестник», «Слово истины» и др. В основе публикаций священника — толкование книги книг — Библии, духовной ценности человечества.

В 1913 году по инициативе Г. И. Шипкова был созван съезд евангельско-баптистского братства в Приморье (г. Владивосток), на котором создан Дальневосточный союз евангельских христиан-баптистов с центром в городе Благовещенске. В течение 1913–1918 годов видный религиозный деятель Георгий Иванович был председателем Дальневосточного отдела Российского союза евангельских христиан-баптистов, а с 1919-го по 1925 год — заместителем председателя этого объединения. В 1926 году Г. И. Шипков — участник I съезда евангельских христиан-баптистов в Москве. Здесь он как экс-заместитель председателя Дальневосточного отдела РСЕХБ выступил с историческим обзором развития движения деятельности евангельских христиан-баптистов на Дальнем Востоке с 1889-го по 1926 год.

В 1928 году с группой верующих от Сибири и Дальнего Востока Г. И. Шипков был делегирован в г. Торонто (Канада) на IV Всемирный конгресс христианских церквей баптистов. Георгий Иванович попытался выехать в Канаду

ЭР00910

ДВГНБ

через Японию, но Япония отказала ему в получении визы, поэтому пришлось ехать через Западную Европу. На конгрессе Георгий Иванович произнёс блестящую речь на безукоризненном английском. Его выступление вызвало восторг у присутствующих.

Вместе с другими делегатами он посетил Нью-Йорк и пребывал в нём в течение нескольких дней. Личностью Георгия Ивановича заинтересовались американцы. Они обратились к нему с предложением остаться в Америке, но он отклонил его. А когда Георгий Иванович возвратился домой в Благовещенск, то своим родным сказал: «Я ни за что на свете не хотел бы покинуть свою Родину. Хочу умереть на полатях своего дома и нигде более»[2]. Однако жизнь распорядилась по-иному.

С 1922 по 1928 год Г. И. Шипков как духовный наставник Дальневосточного союза баптистов посещал христианские общины во всех городах региона, в то время их насчитывалось более двухсот. С 1929 года по день выселения в г. Омск в 1935 году он исполнял обязанности пресвитера.

«Звёзды смерти стояли над нами…»

В 1930-х годах в Приамурье участились случаи арестов. Гонениям подверглись баптистские церкви. Шипков старался морально поддержать преследуемых властью верующих. Он никого не оставил без участия, напротив, всемерно оказывал моральную поддержку. Когда двери баптистской церкви были закрыты, Г. И. Шипков проявил гражданскую смелость — стал проводить богослужение на дому. Об этом до сих пор хорошо помнят баптистские церкви Благовещенска.

И хотя Георгий Иванович Шипков относился к советской власти лояльно, с апреля 1935 года он находился на подписке о невыезде. 19 ноября 1935 года был арестован. Вскоре его, человека преклонного возраста, выслали на поселение в г. Омск на три года «без права переписки с родными и близкими».

Георгий Винс, сын члена баптистской общины, вспоминает свою встречу с Георгием Шипковым в Омске: «Худенький старичок с бородкой клинышком, очень ласковый и добрый, он положил свою маленькую руку на мою голову и расспрашивал об отце».

Дело по обвинению Г. И. Шипкова в шпионаже против СССР в пользу Японии рассматривалось в течение трёх лет. В 1937 году Шипков был этапирован в Благовещенскую тюрьму НКВД. 31 марта в 1938 года был вынесен обвинительный приговор и объявлена мера наказания. Постановлением тройки УНКВД: «Шипкова Георгия Ивановича РАССТРЕЛЯТЬ. Имущество, лично принадлежащее заключённому, конфисковать». Такова была участь человека, ставшего видным богословом, активным деятелем баптистской церкви на Амуре.

Документ военного трибунала Дальневосточного округа о реабилитации Г. И. Шипкова был получен дочерью, Лидией Георгиевной, в 1957 году, сразу после XX съезда КПСС. Из справки о реабилитации: «Заключением председателя Военного трибунала Дальневосточного военного округа от 27.11.1957 г. Шипков Г. И.… за отсутствием состава преступления посмертно полностью реабилитирован»[3].

Уникальная коллекция

Издания из библиотеки Г. И. Шипкова были реквизированы в 1940 году органами НКВД[4]. Оставшаяся от конфискации единственная в своём роде уцелевшая уникальная коллекция библейской литературы на иностранных языках в количестве 156 экземпляров из библиотеки Г. И. Шипкова с 1997 года, по желанию дочери, Лидии Георгиевны Новосельской, урождённой Шипковой, хранится в фондах Амурского областного краеведческого музея имени Г. С. Новикова-Даурского. Высокую оценку этому собранию дал заведующий кафедрой всемирной истории Благовещенского государственного педагогического университета, профессор, доктор культурологических наук Алексей Иванович Донченко: «Коллекция книг из библиотеки Г. И. Шипкова как целостное и продуманное собрание книг представляет собою большую научную и библиографическую ценность и является важным источником по изучению духовной жизни Приамурья конца XIX – начала XX вв.» [2, с. 107].

Рукою Георгия Шипкова на полях книжных страниц оставлены маргиналии — толкования, мнения, эмоциональные оценки прочитанного текста. Причём записи своим красивым почерком он делал на языке оригинала, что лишний раз свидетельствует о его особой одаренности. Георгий Иванович, по мнению учёных, не был ограниченно религиозным человеком. Его коллекция книг показывает, что он был в полном смысле слова эрудит. Георгия Ивановича интересовали многие вопросы и проблемы, отрасли знания, которые далеко выходили за рамки его чисто религиозной деятельности. Как пишет А. И. Донченко, «Энциклопедические издания и словари, работы известных философов (например, И. Канта), естественнонаучные тракта-

2 Это известно из домашних разговоров в семье Шипковых.

3 Подлинник справки Военного трибунала ДВО от 30.11.1957 г. хранится в документальном фонде АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

4 По воспоминаниям ближайших родственников, к 1940 году коллекция Шипкова насчитывала примерно 6 тыс. экземпляров — 5 тыс. названий.

ЭР00910

ты, раскрывающие тему происхождения Вселенной, Земли и Человека, — всё это говорит о том, что Г. И. Шипков не просто слепо верил, но стремился понять связь науки и религии, уяснить для себя, каким образом Божественное откровение сочетается с данными современных ему наук» [2, с. 106–108].

Возможно, поэтому Г. И. Шипков до сих считается одним из самых выдающихся религиозных деятелей рубежа XIX–XX веков, внёсших ощутимый вклад в развитие протестантизма на российском Дальнем Востоке. Проповеди признанного экзегета, каким был Георгий Иванович, и сегодня можно найти в Интернете.

Список использованных источников

1. *Буянов, Е. В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв. / Е. В. Буянов. — Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2013. — 395 с.*
2. *Донченко, А. И. Книжная коллекция Г. И. Шипкова, учёного-богослова, из фондов Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского / А. И. Донченко // Амурская область : история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 21–24 окт. 2008 г. — Благовещенск, 2009. — Ч. II. — С. 106–108.*

Фотография предоставлена автором.
Материал поступил в редакцию 02.04.2018 г.

Сведения об авторе: Никитина Нина Фёдоровна, краевед (г. Благовещенск), приходится внучкой Г.И. Шипкову (по материнской линии).
Контактные данные: e-mail: z-31dgg_s@mail.ru; тел. 8-914-392-36-59.

ДВГНБ

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК СИСТЕМА ПОЗНАНИЯ

В статье обосновывается понимание культурологии не как классической научной дисциплины, выделяемой по объектно-предметному признаку, а как научной парадигмы, в основе которой лежит проблемная интерпретация социальной активности человека, мотивируемой экстраутилитарными установками сознания.

Ключевые слова: культурология, культура, общество, человек, социальная активность, экстраутилитарная мотивация, психологическая удовлетворённость.

Keywords: culturology, culture, society, human, social activity, extrautilitarian motivation, psychological satisfaction.

ДВГНБ

В России культурология как наука существует уже полвека (если отсчитывать от первых публикаций Э. С. Маркаряна [4, 5]) и почти четверть века как направление образования. Но эта область знания всё ещё находится во власти стихийного «самозванства», при котором определение её объектно-предметно-проблемного поля осуществляется по желаниям и интересам того или иного исследователя и, как правило, без каких-либо системных научных оснований. Любой специалист, в служебном лексиконе которого встречается слово «культура», смело провозглашает себя культурологом и требует признания со стороны профессионального сообщества. Это во многом обусловлено тем, что культурологическое научно-образовательное сообщество пока ещё не может достичь консенсуса в целом ряде ключевых для всякой науки вопросов.

Культурологи далеки от единства даже в определении того, что такое культурологическая наука как особое направление знания и каковы прагматические социальные функции этого знания (что оно даёт обществу). Не достигнуто согласие и в том, что культурология изучает: культуру, как самодостаточный феномен социального бытия людей, или общество в его культурных проявлениях [8]. Такого не скажешь о других гуманитарных и социальных науках — истории, искусствознании, социологии, лингвистике и проч., или, тем более, о естественных науках. Здесь уровень коллегиальной конвенциональности профессионального сознания достаточно высок. А культурология всё ещё пребывает в состоянии слабой системной рефлексии базового понятия «культура», интерпретируемого каждым исследователем по-разному, основывается на множественных и не всегда корректных попытках объединения эмпирических знаний, заимствованных из смежных гуманитарных и общественных наук, самоопределяется в ещё не чётко локализованном объектно-предметно-проблемное поле.

Необходимо отметить, что культурология выделяется в существующем спектре научных направлений тем, что она исследует одновременно несколько системных объектов, каждый из которых столь масштабен, что его, помимо культурологии, изучают и другие специальные науки. В ряду этих объектов можно перечислить:

– *культуру* в собственном смысле (её можно назвать «культурой-для-себя»), выраженную в конкретных исторических и современных формах — материальных, идеальных, социальных, текстовых, художественных и пр. Изучая этот объект, культурология взаимодействует и соперничает с филологией (письменные формы), лингвистикой (языковые формы), искусствознанием (художественные формы), религиоведением (формы религиозных верований и обрядов), археологией (формы предметно-материальной культуры), полевой этнографией (формы обычаев и нравов), социологией (формы социальных отношений) и др.;

– *общество*, которое в данном случае изучается посредством измерения и анализа его культурных проявлений, норм и правил социальных взаимодействий и коммуникаций. В процессе познания этого объекта культурология взаимодействует и соперничает с антропологией, социологией, политологией, экономикой, а также отчасти с социальной философией;

– *человека*, рассматриваемого в качестве продукта, потребителя, создателя и транслятора культуры [7], а также основания его самоидентификации. Здесь интересы культурологии пересекаются с психологией, педагогикой и отчасти с антропологией;

– *современность*, понимаемую как актуальное состояние культурных черт, характеристик и тенденций социальной динамики общества, что исследуется как непосредственно, так и посредством сопоставления с прошлыми культурными состояниями этого общества [2]. При этом культурология выступает как альтернативная историческая наука и как философия истории (в обобщении тенденций развития);

– *смыслы* человеческого существования, деятельности и взаимодействия, манифестируемые (репрезентируемые) преимущественно культурой и её ценностными установками. Тут как союзником, так и оппонентом культурологии выступает философия в целом.

При таком многообразии изучаемых объектов и связанных с ними специфических проблемных полей культурологию очень сложно выстроить и структурировать как отдельную дисциплину с чёткими дисциплинарными границами. Это особенно ярко отражается в трудностях специального культурологического образования, которое очень плохо поддаётся убедительной систематизации по совокупности изучаемых объектов. В этом вопросе наблюдается очевидный субъективизм тех или иных организаторов культурологического образования, слабо регулируемый даже едиными государственными образовательными стандартами. Одни выделяют в культурологии художественную компоненту (как наиболее специфическое проявление культуры), другие — социальные отношения и взаимодействия, третьи — этническое и национальное культурное своеобразие, четвёртые — доминантные смыслы жизни, пятые — историческую память общества, шестые — основания идентичности человека и т. п.

Культуру изучают многие науки, и каждая из них имеет собственную трактовку этого феномена. Собственно культурологическое понимание связано с представлением о культуре как об определённой модальности человеческого бытия [1]. В соответствии с ним культура осмысливается не как особая сфера (отрасль) социальной деятельности, руководимая соответствующим министерством, а как орга-

ДВГИИ

ническая часть большинства видов социальной активности человека, в которых имеет место определённая стереотипизация, устойчивая повторяемость некоторых форм и приёмов. Любая деятельность, осуществляемая не спонтанно, а основанная на использовании каких-то устойчивых технологий и преследующая цель достижения результата в каких-то планируемых формах, может быть названа культурно обусловленной и культурно реализованной. В этом понимании проявляется системность культурологии как сферы познания, в рамках которой культура трактуется как особый аспект (модальность) всякой деятельности, обусловленный особенностями человеческой психики, стремящейся в любой целенаправленной активности человека закрепить некоторые её нормативные формы.

Подобная культурная стереотипизация технологий и форм деятельности не отрицает, а, напротив, предполагает творческую импровизацию, преодолевающую устаревшие нормативы и создающую новые технологии и формы, быстро становящиеся новыми нормативами. Благодаря этому культура развивается, постоянно обновляя корпус своих деятельностных форм (естественно, в древности динамика такого обновления была незначительной, а чем ближе к современности, тем быстрее идёт обновление). Особенно заметна такая новационность в разработке образных систем в искусстве, хотя корпус научных знаний обновляется гораздо динамичнее, но не столь заметно для взгляда постороннего. А есть области культуры, в которых подобное обновление протекает крайне медленно (например, в религии или в бытовых соседских обычаях), но оно, тем не менее, тоже имеет место [10].

При таком нелокализованном понимании феномена культуры главная проблема культурологической науки и образования видится в том, что культурологи не могут чётко определиться с ответами на вопросы, ключевые для всякой специальности, получаемой в ходе специального образования. А именно: что представляет собой *культурологическая деятельность* как особый вид социальной практики и чем она принципиально отличается от иной организационной деятельности? Какие сферы социальной жизни она может регулировать и какими средствами? От ответов на эти вопросы зависит вся совокупность целей и задач, к достижению и решению которых нужно готовить студентов-культурологов.

Существо этих сложностей, как мне представляется, заключается в том, что, во-первых, культурология, как и всякая иная социально-гуманитарная область знания — философия, история, социология, филология и др., — может иметь только три органичные сферы своего применения: *научные исследования, образование и специальную экспертизу*. Всё остальное, в том числе и попытки участия культурологов в разнообразной отраслевой культурной деятельности, на мой взгляд, несостоятельно. Министерству культуры в границах его компетенции специалисты-культурологи нужны не больше, чем философы с их проблемами поиска смысла жизни.

Во-вторых, я полагаю, что культурология является знанием не дисциплинарного, а парадигмального типа [3]. Культурология как научное направление — это междисциплинарная научная парадигма, особый проблемный ракурс исследования социальной реальности во всём многообразии её проявлений, а не академическая научная дисциплина, строго ограниченная в своих объектно-предметных параметрах. Приведённый в начале статьи перечень основных объектов культурологического познания и множество научных дисциплин, исследующих эти же объекты, но с другими познавательными целями и в других проблемных ракурсах, со всей определённостью свидетельствуют о том, что главным объединяющим началом во всём объектно-предметном многообразии частных направлений культурологии является *единый проблемный ракурс* понимания культуры, общества, человека, современности и т. п., то есть некая научная парадигма.

В этом смысле культурология близка к таким направлениям познания, как синергетика и постмодернизм [11]. Эти парадигмальные направления науки также отличаются своими специфичными основаниями систематизации исследуемого материала, как и классические академические научные дисциплины. Например, в синергетике систематизация осуществляется на основании разных алгоритмов самоорганизации сложных открытых систем; в культурологии — на основании устойчивости и частотности повторения тех или иных культурных паттернов. Сложнее определить единые основания систематизации в постмодернизме. Здесь в силу свободного (ризомного) характера научных рефлексий такое единство имеет менее выраженный и наглядный характер. Но оно, безусловно, есть. В постмодернизме доминируют семиотические основания систематизации по соотнесённости явных значений и скрытых смыслов исследуемых феноменов, но рассматриваемой не в языковом, а в социальном контексте.

Специфический культурологический ракурс в изучении социальной реальности связан с определённой познавательной позицией исследователя. Суть её в том, что исследователем выделяются и анализируются как особо значимые *экстраутилитарно мотивированные* акты деятельности и взаимодействия людей. Или, говоря иначе, акты деятельности, стимулируемые и регулируемые не утилитарными, материальными и витальными интересами, а определёнными психологическими потребностями этих людей. Подобные экстраутилитарные установки сознания можно называть и *ценностями*, хотя мне кажется, что здесь речь идёт о более

ДВГНБ

ЭР00910

масштабном психологическом феномене, чем ценности в их традиционном философском смысле. Разумеется, внимание, уделяемое экстраутилитарной мотивации социальной активности, не отрицает значимости и прагматических целей этой активности, а органично дополняет их. При этом в качестве экстраутилитарно мотивированной подразумевается любая деятельность человека и его взаимодействие и коммуницирование с другими людьми, которые преследуют цели не утоления голода или согревания на холоде, увеличения богатства или повышения бытового комфорта, ускорения передвижения в пространстве или обмена информацией и т. п., а решающие задачу достижения человеком *психологического удовлетворения* как особого эмоционального состояния в его личностном существовании.

Нужда в психологическом удовлетворении представляется одной из базовых потребностей человека, обусловленной социальным характером его жизнедеятельности. Индивид нуждается в наглядном подтверждении своей востребованности обществом и признании своего личностного достоинства в социальных реалиях этого общества. А культура — это совокупность символических знаков (изобразительных, звуковых, вещевых, текстовых, жестовых, поведенческих и т. п.), прямо или опосредованно манифестирующая значимость каждого индивида в глазах общества, Бога, истории, судьбы… Именно это даёт человеку необходимую психологическую удовлетворённость, позволяющую ему существовать в социальном мире.

Разумеется, в любом удовлетворении имеет место и физиологическая, и психологическая составляющие. Здесь речь идёт о деятельности, в которой именно психологическое удовлетворение — религиозное и эмоциональное, интеллектуальное и познавательное, этическое и эстетическое и проч. — является преобладающим, то есть то, что укладывается в известную сентенцию «не хлебом единым жив человек». Целенаправленным изучением деятельности, имеющей такую мотивацию, и её социальных результатов занимается культурология, которая анализирует всю совокупность деятельностных актов самого разнообразного характера — художественных, религиозных, обрядовых, церемониальных и проч., направленных на достижение психологического удовлетворения человека. При этом самое важное здесь заключается в том, что в рамках культурологического подхода культура понимается не столько как объект, сколько как *процесс*, не столько как *результат*, сколько как особая *модальность* социальной активности людей. Эта проблема может изучаться и на материале искусства, и в обычаях, и в нравственности, и в социальных отношениях, и проч.

Культурологическая парадигма, как особый взгляд на культуру в её статике и динамике, предполагает и особенное понимание истории как динамического процесса изменения нормативных технологий воспроизводства общественного сознания, соответствующих определённому эпохальному типу [11]. Характеристики этой типологии определяются всем комплексом ценностных ориентаций, господствующих в ту или иную эпоху, основаниями социальной солидарности и культурной идентичности людей и последовательно пропагандируются политической идеологией, религией, литературой и искусством, образованием, отчасти философией и наукой, бытовыми обычаями и т. п. А причины всей этой социокультурной динамики видятся в постепенном изменении системы интересов и потребностей людей, воплощающихся в формах их социальных взаимодействий и коммуникаций, что в свою очередь детерминировано развитием технологий как материального, так и социального, интеллектуального и всякого иного производства. В этом очень сложном сплетении экономических, социальных, политических и иных силовых полей *культура* выполняет функцию основного нормативно-регулятивного механизма, упорядочивающего практическое социальное поведение людей и их отношение друг к другу, ограничивающего способы удовлетворения ими своих интересов определёнными конвенциональными рамками.

С точки зрения культурологического понимания истории, основным двигателем социальной динамики является не соперничество между разными цивилизациями и народами, как считают цивилизационисты, и не конфликт между разными социальными классами, как полагают эволюционисты, а противоборство между *обществом* и *личностью*. Социальная история наполнена борьбой личности за освобождение от давления общества, диктующего ей свои правила социального бытия. А культура — это и есть генеральный свод правил, навязываемых обществом человеку. Но с каждой эпохой личность становится всё свободнее как от диктата общества, так и от культурных ограничений. Общество всё больше и больше доверяет человеку в вопросах саморегулирования его социального поведения и сознания. Это проявляется в развитии политической демократии и либерализма, в отмирании сословных ограничений и традиционализма как социального института и т. п. Для социальной истории, с позиций культурологии, характерны последовательное возрастание свободы личности и усиление индивидуального начала в культуре в противовес коллективной обезличенности [9].

Тема нарастающей индивидуализации культуры активно обсуждается в науке. По всей видимости, перспектива на обозримое будущее будет заключаться не в вытеснении привычной для нас культуры общества культурой индивида («человека-для-себя»), а в дополнении одного другим. Но какие формы примет культура индивида в отсутствие необходимости адаптироваться к культуре общества,

ДВГГУ

ЭР00910

предположить сложно. Возможно, речь идёт об уходе сознания индивида в виртуальный мир, что культуролог Е. Н. Шапинская исследует как культуру эскапизма [12], или какой-то иной форме выделения индивидом себя из социальной обыденности.

Конечно, силами одних культурологов комплексно и системно исследовать всю совокупность проблем культуры невозможно. Культурология представляется научной парадигмой, в рамках которой сотрудничают учёные самых разных профилей: историки и социологи, антропологи и филологи, искусствоведы и психологи, философы и лингвисты и, разумеется, собственно культурологи, объединённые одним ракурсом взгляда на социальную реальность и интерпретирующие свои знания о ней в определённом смысловом поле, о котором говорилось выше. Культурология определяется не единством объектной и предметной области, как научные дисциплины классического типа, а единством *проблемного поля*, которое изучается на самых разных объектах: материальных и интеллектуальных, художественных и социальных и пр. Это и есть главный признак культурологии как научной парадигмы.

Именно таким пониманием культурологии как особой системы знания, на мой взгляд, должны руководствоваться учёные, занимающиеся фундаментальной теорией культуры, и специалисты, проектирующие развитие и реформирование культурологического образования, усиление его содержательной наполненности особой культурологической проблематикой. Культуролог должен чётко и последовательно продвигать свою профессиональную интерпретацию исторической и современной социальной реальности, основанную на понимании мотивации человеческого поведения, взаимодействия и коммуницирования экстраутилитарными основаниями (ценностями), сложно коррелирующими с основаниями утилитарными, прагматическими. Собственно это и есть культурная мотивация социальной активности человека, которая во все эпохи была весьма высока.

А вот почему у человека, в отличие от животного, экстраутилитарная мотивация социальной активности по своей значимости сопоставима, а порой и более важна, чем прагматические целеустановки? Это загадка биологической эволюции, разгадыванием которой занимается культурология [6]…

Список использованных источников

1. *Кнабе, Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима : учеб. пособие для высш. шк. — Москва : Индрик, 1993. — 527 с.*
2. *Костина, А. В. Три культуры — три функциональные системы жизнедеятельности / А. В. Костина, Ф. Я. Флиер // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. — 2009. — Т. 18, № 2. — С. 23–36.*
3. *Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. — Москва : Прогресс, 1975. — 288 с.*
4. *Маркарян, Э. С. О концепции локальных цивилизаций : критический очерк / Э. С. Маркарян. — Ереван : Акад. наук Арм. ССР, 1962. — 177 с.*
5. *Маркарян, Э. С. Очерки истории культуры / Э. С. Маркарян. — Ереван : Изд-во АН Армян. ССР, 1969. — 227 с.*
6. *Пелипенко, А. А. Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл / А. А. Пелипенко. — Москва : Согласие : Артём, 2014. — 726 с.*
7. *Флиер, А. Я. Тезаурус основных понятий культурологии / А. Я. Флиер, М. А. Полетаева. — Москва : МГУКИ, 2008. — 284 с.*
8. *Флиер, А. Я. Феномен культурологии: опыт новой интерпретации / А. Я. Флиер // Обсерватория культуры. — 2011. — № 2. — С. 4–19.*
9. *Флиер, А. Я. Вектор культурной эволюции / А. Я. Флиер // Обсерватория культуры. — 2011. — № 5. — С. 4–16.*
10. *Флиер, А. Я. Культурная среда и её социальные черты [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. — 2013. — № 2 (март-апр.). Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/, свободный (дата обращения: 12.12.2014).*
11. *Флиер, А. Я. Теория культуры как философия истории [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер // Культура культуры. — 2014. — № 1. — Режим доступа: http://cult-cult.ru/teoriya-kulitury-kak-filosofiya-istorii/, свободный (дата обращения: 12.07.2014).*
12. *Шапинская, Е. Н. Виртуальная реальность как пространство эскапизма: безграничные возможности и новые опасности [Электронный ресурс] // Культура культуры. — 2014. — № 4. — Режим доступа: http://cult-cult.ru/escapism-in-cyberspace-boundless-opportunities-and-new-dangers/, свободный (дата обращения: 12.12.2014).*

Материал поступил в редакцию 03.09.2018 г.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета (г. Москва).
Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

ДВГНБ

ЭР00910

КИСЕЛЁВА ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕДОСТУПНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В статье освещаются результаты мониторинговых исследований Дальневосточной государственной научной библиотеки в области проектной деятельности муниципальных библиотек Хабаровского края. Особое внимание уделено вопросу привлечения внебюджетных средств в развитие библиотечного дела на муниципальном уровне в 2015–2017 годы. Представлены лучшие проекты библиотечных систем, получившие финансовую поддержку благотворительных фондов и управленческих структур в 2017 году.

Ключевые слова: проект, проектная деятельность, благотворительные фонды, муниципальные библиотеки, Хабаровский край.

Keyword: project, project activities, charitable foundations, municipal libraries, Khabarovsk krai.

ДВГНБ

Первоначальное значение слова «проект» (от латинского projektus — «брошенный вперёд») как нельзя лучше соответствует характеристике тех, кто сегодня создаёт проекты. Они инициативны, творчески активны, умеют привлечь внимание партнёров, дополнительные денежные средства. Это — авангард отрасли. Их кредо — развитие, модернизация, укрепление имиджа учреждения.

Мониторингом проектной деятельности общедоступных муниципальных библиотек системы Министерства культуры Российской Федерации в Хабаровском крае специалисты Дальневосточной государственной научной библиотеки (далее — ДВГНБ) занимаются с 2003 года, используя методы частичной и сплошной выборки респондентов. Объектом мониторинга являются 20 муниципальных централизованных и децентрализованных библиотечных систем. Результаты исследования публикуются в методических сборниках: ежегодном информационном издании «Общедоступные библиотеки Хабаровского края в … году. Анализ деятельности» (описание опыта) и сборнике научно-методических материалов «Библиотечная орбита» (непосредственно лучшие проекты муниципальных библиотек).

По данным мониторинга ДВГНБ, за три последних года муниципальными библиотеками Хабаровского края было реализовано 43 проекта с привлечением дополнительных финансовых средств по заявкам на сумму 4 миллиона 855,1 тысячи рублей. Степень участия библиотек в проектной деятельности за три года возросла почти в два раза. Объём выделенных грантовых средств для реализации творческих проектов муниципальных библиотек увеличился в 3,3 раза.

Таблица 1. Объём грантовых средств, привлечённых муниципальными библиотеками Хабаровского края в 2015–2017 годах

Год	Число проектов[1]	Объём финансирования, тыс. руб.
2015	9	662,1
2016	18	2 021,5
2017	16	2 171,5
Всего	43	4 855,1

В качестве **грантодателей** библиотеки использовали:

– благотворительные фонды федерального, межрегионального, краевого значения (Михаила Прохорова, Елены и Геннадия Тимченко, ОАО «Полиметалл», «СУЭК — Регионам», добывающая компания «Эксон Нефтегаз Лимитед», АНКПО «Точка Роста»);

– управленческие структуры: министерство культуры Хабаровского края (за счёт иных межбюджетных трансфертов на поддержку творческих проектов); администрации районов, городских поселений (в Амурском, Вяземском, Солнечном, Хабаровском муниципальных районов края);

– краудфандинговые платформы (фонд «Начинание» в рамках конкурса проектов в ДФО «В добром крае — добрые дела») как интернет-сервис народного финансирования, площадку, используемую для размещения и продвижения соответствующих проектов в Интернете.

Анализ объёмов финансирования библиотек из различных источников показывает значительные успехи и возрастающее стремление заработать дополнительные средства на развитие библиотек из фондов благотворителей разных уровней.

Таблица 2. Поступление финансовых средств на реализацию проектов в 2017 году (в тыс. руб.)

Федеральные и иные межбюджетные трансферты (конкурс творческих проектов министерства культуры Хабаровского края)	**Районные (поселенческие) программы**	**Благотворительные фонды** (в т. ч. правительства Хабаровского края)
505,1 (23,3 %)	558,8 (25,7%)	1 107,6 (51,0 %)

33,8% (734, 3 тыс. руб.) от общего объёма финансирования (2 млн 171,5 тыс. руб.) приходится на средства, выделенные фондами предпринимателей, что говорит о доминировании государственного финансирования в общей структуре привлечённых финансов.

Таблица 3. Рейтинг библиотечных систем, получивших финансирование на творческие проекты в 2015–2017 годах

Место в рейтинге	Наименование библиотечной системы	Сумма средств, тыс. руб.
1	МУК «ГЦБ г. Комсомольска-на-Амуре»	1 050,0
2	МБУК «Районная межпоселенческая централизованная библиотечная система» Солнечного муниципального района	728,8
3	МБУ «Межпоселенческая библиотека Ульчского муниципального района»	684,0
4	МБУ «Объединение “Культура”» Вяземского муниципального района, Центральная районная библиотека	471,8
5	МБУ «Централизованная библиотечная система» Ванинского муниципального района	421,0
6	МБУ «Верхнебуреинская МЦБС»	387,5

1 Мониторинг ДВГНБ «Проектная деятельность муниципальных библиотек».

ЭР00910

ДВГНБ

7	МБУК «Информационно-методический центр культуры и библиотечного обслуживания Комсомольского муниципального района»	358,0
8	МКУК «Межпоселенческая центральная библиотека Амурского муниципального района» МКУК «ЦБС» городского поселения «Город Амурск»	226,7 41,0
9	МБУ «Центральная районная библиотека» отдела культуры администрации Бикинского муниципального района	118,4
10	МУК «Межпоселенческая библиотека Хабаровского муниципального района»	120,0
11	МБУК «Централизованная система детских библиотек г. Хабаровска»	118,0
12	МКУК «Межпоселенческий информационный библиотечно-музейный центр» муниципального района им. П. Осипенко	79,9
13	МБУК «Библиотечный координационный центр муниципального района имени Лазо» (библиотеки сёл Святогорье, Киинск)	50,0

География муниципальных образований, получивших финансовую поддержку из различных фондов за последние 15 лет, значительно расширилась. Первый мониторинг ДВГНБ, ставящий целью выявление и обобщение опыта в области проектной деятельности, проведённый в 2003 году,[2] показал участие в ней со стороны муниципальных библиотек края в трёх муниципальных районах: Солнечном, Ванинском, Николаевском.

Так, участие ЦРБ Солнечного района во Всероссийском конкурсе проектов, финансируемых Институтом «Открытое общество» (фонд Сороса), в 1998 году принесло первую победу и грант на реализацию проекта «Библиотека — центр информационного обеспечения органов местного самоуправления».

В 2000 году этой же библиотекой было получено финансирование на проект «Фонды — основа библиотек» в рамках районной целевой программы.

В 2001 году ЦРБ Ванинского района разработала проект «Протянем руку помощи: работа библиотеки в помощь пенитенциарному учреждению», который финансово был поддержан Институтом «Открытое общество». Проект вошёл в копилку инноватики краевого значения.

В это же время начинается активная творческая деятельность по привлечению дополнительных средств Николаевской районной библиотеки, ставшей за 10 лет лидером по числу защищённых проектов (более 20 разработок). В 2001 году из Фонда ИСАР-ДВ библиотекой (благодаря созданию НКО «Книголюбы») был получен грант на проект «Организация клуба книголюбов для людей с ограниченными возможностями», а в 2003-м этот же фонд профинансировал ещё два проекта — «Активизация экологического движения в г. Николаевске-на-Амуре» и «Будь другом птиц».

В 2003 году фондом «Евразия» был поддержан ещё один проект Николаевской районной библиотеки, получивший широкий резонанс в крае: «Вовлечение молодых представителей коренных народов Севера в добровольческое движение» (с созданием Школы волонтёров на базе библиотеки).

В декабре 2003 года Институтом Устойчивых Сообществ (г. Хабаровск) началось финансирование проекта «Твори добро» инициативной группы «Альтернатива» на базе Николаевской районной библиотеки. Проект предусматривал оказание социальных услуг населению, работу студентов-добровольцев медицинского училища.

Эти проекты не потеряли своей значимости и актуальности и на сегодняшний день.

Всего за шесть лет (с 1998-го по 2003 год), по данным мониторинга ДВГНБ, муниципальными библиотеками края было получено восемь грантов от различных благотворительных фондов. Непосредственно в 2003 году победу в конкурсах творческих проектов одержала только Николаевская ЦРБ (четыре проекта)[3].

Несмотря на интересные примеры отдельных библиотечных систем, работа по проектам с целью привлечения финансовых средств благотворителей в этот отрезок времени была эпизодична. Библиотеки активно работали по целевым программам, которые мало чем отличались от общесистемных планов (за исключением формальных признаков: лаконично сформулированных названий, распределения обязанностей, установки сроков). На некоторые программы удавалось получить финансирование из местных бюджетов: Программа автоматизации муниципальных библиотек г. Хабаровска (2003–2005 гг.), районная программа «Сохранение и развитие культурного наследия России (2000–2005 гг.) Солнечного муниципального района». Это было время появления первых авторских программ (с 2000 г. в Верхнебуреинском районе и с 2001 г. в ЦСМБ г. Хабаровска) в рамках сметного финансирования либо с мизерной дополнительной финансовой поддержкой местных администраций. Проявление местной инициативы и реализация творческих способностей отдельных библиотекарей проходили, как правило, без дополнительных денежных вливаний.

В число лучших проектов муниципальных библиотек в последующий период времени вошли: ***«Экотуризм: не***

2 Опыт по проектной деятельности библиотек края изложен в сборнике научно-методических материалов «Библиотечная орбита», вып. 10, 2004 г.

3 Для сравнения: в ДВГНБ в 2003 году проходила реализация пяти проектов на гранты зарубежных и отечественных благотворителей.

ДВГНБ

ЭР00910

стоим на месте» (раскрытие туристических ресурсов района посредством электронной карты на сайте администрации района и проведения экскурсий в поселениях; ЦРБ Ванинского района); ***«В гостях у бабушки Лайги»*** (возрождение национальной культуры орочей; библиотека-филиал с. Датта Ванинского района); ***«Тётенька-библиотечка, пусти погреться»*** (организация культурного досуга детей из детских домов и социально незащищённых семей; ЦГДБ им. А. Гайдара, г. Хабаровск); ***«Потешный двор»*** (воспитание молодого поколения через культуру славянских народов»; Межпоселенческая библиотека Хабаровского района, с. Чёрная Речка); ***«Чныррахская крепость будет чистой»*** (эколого-патриотичекое воспитание молодёжи; Детская библиотека Николаевского муниципального района); ***«Наследие малой родины»*** (сохранение и развитие нематериального культурного наследия и народного творчества коренных жителей Приамурья; Информационно-методический центр культуры и библиотечного обслуживания Комсомольского муниципального района; проект получил Грант Президента РФ в 2011 году).

В 2018 году в рамках мониторинга проектной деятельности муниципальных библиотек информация о получении грантов на реализацию творческих проектов была получена от 11 (из 17) муниципальных районов края и двух округов. О себе заявили центральные библиотеки Амурского, Бикинского, Ванинского, Верхнебуреинского, Солнечного, Ульчского и Хабаровского муниципальных районов, окружные библиотеки городов Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска (ЦСДБ). Получены гранты на проекты поселенческих библиотек (самые маленькие сетевые единицы) Комсомольского (с. Нижняя Тамбовка), им. Лазо (с. Киинск и с. Святогорье), им. П. Осипенко (с. Владимировка и с. Херпучи) муниципальных районов.

Тематические направления проектов муниципальных библиотек: экология; здоровый образ жизни; декоративно-прикладное творчество; возрождение национальной культуры; продвижение киноискусства; приобщение к чтению; развитие туристических ресурсов; формирование медиакультуры в молодёжной среде и другое.

Среди наиболее ярких проектов последних лет — разработки ГЦБ им. Н. Островского г. Комсомольска-на-Амуре, Бикинского, Вяземского, Комсомольского, Солнечного муниципальных районов.

За последних два года проекты ЦГБ им. Н. Островского г. Комсомольска-на-Амуре ***«Школа продвинутого путешественника», «Город на заре: экскурсии в будущее», «МОЛОКО»*** (мультимедийная культура в молодёжной среде) позволили привлечь дополнительно из внебюджетных источников 750 тысяч рублей на приобретение компьютерной техники, комплектование фонда и другие потребности (из благотворительных фондов Михаила Прохорова, Елены и Геннадия Тимченко).

Проект ***«Мир вокруг тебя»*** (арт-терапия детей с ограниченными физическими возможностями) ЦРБ Солнечной МЦБС также вошёл в число победителей 2017 года в конкурсе «Новая роль библиотек в образовании» (Благотворительный фонд культурных инициатив М. Прохорова) с получением гранта на сумму 183 тысячи рублей.

В число достижений коллектива ЦРБ Бикинского района за минувший год можно отнести защиту творческого проекта ***«Сказки Дальнего Востока»*** с целью ознакомления детей с культурой и традициями коренных народов Севера с помощью кукольного театра (грант министерства культуры Хабаровского края в объёме 101,3 тысячи рублей).

В 2017 году грантовая поддержка в объёме 76,7 тысячи рублей была оказана минкультуры края ЦРБ МБУ «Объединение *“*Культура*”*» Вяземского муниципального района на реализацию проекта ***«Узоры земли Вяземской»*** (с оформлением масштабной выставки-ярмарки декоративно-прикладного творчества земляков и организацией мастер-классов по различным видам рукоделия). 225,5 тысячи рублей были выделены организованной на базе ЦРБ АНКПО «СОДЕЙСТВИЕ» со стороны районной администрации на реализацию проекта ***«Свой взгляд»*** (активизация творческой активности молодёжи городского и сельских поселений Вяземского района через внедрение новых форм и методов культурно-просветительской деятельности среди молодёжи; финалом проекта стал фестиваль социально творческих видеороликов).

Среди проектов, одобренных министерством культуры Хабаровского края, — разработки библиотеки села Нижнетамбовское Комсомольского муниципального района ***«Жажда творчества»*** (создание анимационной студии для работы с детьми; сумма гранта — 210 тысяч рублей) и Межпоселенческой центральной библиотеки Хабаровского муниципального района ***«В кругу наших книжных друзей»*** (приобщение к чтению младших школьников; сумма гранта — 100 тысяч рублей).

ЦДБ Верхнебуреинского муниципального района получила грант от правительства Хабаровского края (посредством СОНКО Центра «Инициатива») на проект ***«Творческий клуб “Тарарам”»*** (создание театральной студии для детей из неблагополучных семей; объём финансирования — 227,5 тысячи рублей). Реализация проекта проходила на базе Центра поддержки многодетных и замещающих семей «Тёплые ладошки», созданного в 2013–2014 годах благодаря гранту из краевого бюджета на сумму 495,2 тысячи рублей.

Проект ЦБС Ванинского района ***«ХОББИ ЛЭНД»*** (творческое развитие детей, семейный досуг, обучение компьютерной грамотности граждан пожилого возраста) был поддержан фондом «СУЭК — Регионам» и АНО «Новые технологии развития» (60 тыс. руб.).

АВТНБ

ЭР00910

Несмотря на использование федеральных и краевых трансфертов в поощрении лучших творческих проектов, финансирования со стороны районных администраций, денежных вливаний различных благотворительных фондов, средств на то, чтобы поддержать все интересные и актуальные разработки, не хватает, а между тем конкуренция на гранты Президента РФ, Правительства РФ, межрегиональных благотворительных фондов достаточно велика. Жёсткий отбор требует от библиотекарей постоянно совершенствовать свой образовательный уровень, повышать степень креативности сознания (хорошая идея — залог победы), искать партнёров, готовых пролоббировать проект.

Неполная информированность о фондах, отсутствие оперативной информации о грантодателях, слабые творческие возможности и партнёрские связи с заинтересованными организациями, дефицит времени, нехватка квалифицированных кадров снижают эффективность проектной деятельности. Из анкетных данных муниципальных библиотек видны проблемы, возникающие при создании проектов: «отсутствие инициативной группы» (Амурский район); «специалистам, работающим в библиотеках района, желательно пройти обучение по созданию проектов» (Тугуро-Чумиканский район); «низкий процент софинансирования из средств местного бюджета» (Николаевский район) и другие.

Каждая неудача отбивает желание участвовать в новых проектах. И тем не менее проектная деятельность — это прекрасная возможность для развития наиболее актуальных направлений работы, которые не выполнимы в рамках государственного (муниципального) задания, для реализации творческих способностей, делового партнёрства и, что немаловажно в современной социально-экономической ситуации, привлечения дополнительных финансовых средств на развитие библиотек.

Материал поступил в редакцию 27.04.2018 г.

Сведения об авторе: Киселёва Людмила Борисовна, научный сотрудник отдела научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактная информация: тел. (4212) 32-96-34.

ДВГНБ

ГЛЕБОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

ГЛАВНЫЕ МАРКЕРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА И ПРИМОРЬЯ В КОЛЛЕКЦИЯХ В. К. АРСЕНЬЕВА

В статье рассматривается такое важное направление в деятельности В. К. Арсеньева (1872–1930), как сбор и формирование этнографических коллекций, в которых отражены главные маркеры этнической культуры тунгусо-маньчжурских народов Приморья и Приамурья, — комплексы рыболовных и охотничьих орудий, ритуальные предметы, произведения самобытного искусства, основанного на использовании различных природных материалов. Дальневосточный исследователь внёс весомый вклад в формирование этнографических коллекций крупных российских, региональных, зарубежных музеев. Предметы из арсеньевских коллекций являются бесценным ресурсом не только для современных исследователей, но и для новых поколений коренных народов, заинтересованных в ретрансляции своих традиций.

Ключевые слова: В. К. Арсеньев, этнографические коллекции, коренные народы Нижнего Амура, маркеры, этническая культура.

Keywords: V. K. Arsenev, ethnographic collections, indigenous peoples of the lower Amur River, bullet, ethnic culture.

ДВГНБ

ЭР00910

В формирование первоначального фундамента дальневосточной этнографии серьёзный вклад внёс выдающийся путешественник, исследователь, этнограф и писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930). В его многогранной научной деятельности выделяется многолетняя и целенаправленная работа по сбору музейных коллекций. В этом он видел один из способов сохранения традиционной культуры тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура и Приморья, которая вплоть до конца XIX века оставалась практически не исследованной, но под влиянием целого ряда факторов уже претерпевала необратимые трансформации.

В коллекциях, собранных им в течение почти трёх десятилетий и не утративших своего научно-исторического значения, отражены главные маркеры этнической культуры орочей, удэгейцев, эвенков, нанайцев, ульчей. Предметы из арсеньевских коллекций связаны с такими важными направлениями, как промысловые и сакральные практики (комплексы рыболовных и охотничьих орудий, ритуальная скульптура), самобытное декоративно-прикладное искусство, основанное на использовании природных материалов (одежда и обувь из рыбьей кожи и шкур животных, инструменты для выделки кож, изделия из бересты, дерева, кости, меха).

Автор обстоятельной монографии о жизни учёного А. И. Тарасова отмечает, что любовь к собирательству зародилась у Арсеньева ещё в детские годы, когда он начал приобретать книги и географические карты, но как серьёзное научное направление оно сформировалось в его дальневосточный период жизни и стало неотъемлемой частью научных изысканий [10, с. 267]. Прибыв на службу во Владивосток в 1900 году и увидев, сколько нового и интересного для науки хранит этот далёкий край, В. К. Арсеньев сделал первые шаги в исследовательской деятельности. Уже через три года он стал действительным членом Общества изучения Амурского края (ОИАК) — самой первой на Дальнем Востоке научной общественной организации, основанной в 1884 году. Здесь Арсеньев не только восполнял недостающие знания по естественно-историческим наукам, но и активно включился в работу Общества. Уже через месяц после вступления в ОИАК в книге протоколов появилась запись о том, что поручик В. К. Арсеньев выступил с предложением «пополнять музей различного рода материалами как зоологического отдела (шкуры, скелеты и т. п.), так и ботанического и вообще естественно-исторического и этнографического». В постановлении этого заседания значится: «Принять предложение с благодарностью и обещать содействовать со своей стороны успеху коллекционирования доставлением необходимого материала и т. подобным» [11, с. 22].

Недостаток в знаниях в области археологии, антропологии, этнографии Арсеньев старался восполнить в общении с опытными исследователями-краеведами, самостоятельно изучал научную литературу, инструкции по сбору этнографического материала, экспедиционные отчёты коллег по ОИАК, совершал небольшие экспедиции и постепенно накапливал и собственный опыт. Известный дальневосточный учёный А. А. Хисамутдинов приводит интересный факт из биографии В. К. Арсеньева, сыгравший в какой-то мере знаковую роль в его дальнейших исследованиях этнической культуры коренных народов Нижнего Амура и Приморья. Первым научным руководителем начинающего этнографа стал один из самых ярких представителей ОИАК учёный-лесничий Н. А. Пальчевский, благодаря которому музей ОИАК пополнялся ценными коллекциями культовых предметов, охотничьего и рыболовного снаряжения, образцов орнаментов нанайцев, орочей, удэгейцев (в настоящее время они хранятся в Приморском государственном музее им. В. К. Арсеньева, г. Владивосток). Первая встреча Арсеньева и Пальчевского произошла в музее ОИАК: поручик пришёл просить Пальчевского о помощи в изучении края, а тот, «взглянув из-под кустистых бровей, предложил сначала вытереть пыль с музейных экспонатов». Арсеньев молча снял китель и выполнил поручение. Позднее, когда этих двух людей связала крепкая дружба, Пальчевский признался, что хотел таким образом проверить энтузиазм начинающего исследователя [11, с. 27].

К началу своих Сихотэ-Алиньских экспедиций 1906–1910 годов В. К. Арсеньев уже обладал широким комплексом знаний, владел навыками полевой работы, в том числе по сбору этнографических предметов. Арсеньевские коллекции сопровождались подробной документацией, каждый предмет был атрибутирован, и этим правилам учёный неукоснительно следовал на протяжении всей своей жизни. Основным документом коллекции или отдельного предмета являлась стандартная рукописная или отпечатанная типографским способом именная этикетка Арсеньева, содержавшая сведения об этнической принадлежности предмета, о способе изготовления, хозяйственном или культовом назначении. Обязательно указывалось название предмета на языке данного народа и перевод на русский, а также место и дата сбора. Более подробные описания коллекций, а также относящиеся к ним записи сказаний и поверий Арсеньев сообщал в письмах коллегам или на отдельных специальных листах [10, с. 268].

Биографы и исследователи творчества В. К. Арсеньева указывают на одно из важнейших его качеств — научный универсализм. Отдав в общей сложности 30 лет своей жизни изучению Дальнего Востока и совершив 12 крупных экспедиций, не считая многочисленных краткосрочных походов, Владимир Клавдиевич обладал серьёзными знаниями в самых разных областях. Используя в своей работе ком-

ДВГНБ

ЭР00910

плексные методы изучения, Арсеньев внёс существенный вклад в общую географию, геологию, ботанику, ихтиологию, орнитологию, энтомологию, археологию, антропологию, формируя во время экспедиций богатый предметный материал по этим направлениям. Кроме того, он составлял детальные описания местности и подробные карты маршрутов, вёл метеорологические наблюдения, изучал вопросы влияния русских переселенцев на традиционный уклад жизни коренного населения, рассматривал условия рыболовного и охотничьего промыслов и т. д. Важно подчеркнуть, что все виды научных наблюдений В. К. Арсеньев производил сам, собирая естественно-исторические коллекции, наблюдая за жизнью коренного и пришлого населения, тщательно изучая тип и характер местности [10, с. 133; 2, с. 6–8; 1, с. 68].

И всё же особое место в научных исследованиях В. К. Арсеньева занимала этнография, ставшая для него со временем приоритетной. С самого начала во всех его экспедициях в числе главных задач был сбор материалов этнографического характера [1, с. 7]. Сегодня книги, статьи, дневники и коллекции В. К. Арсеньева, содержащие разносторонние сведения о жизни коренного населения Приморья и Приамурья, являются важной источниковой базой.

В. К. Арсеньев. Хабаровск, 1913 год.

Благодаря бескорыстной и целенаправленной деятельности Арсеньева по сбору этнографических материалов, отечественные центральные и региональные музеи год от года пополнялись ценными экспонатами. Сформированные им обширные коллекции поступали в Академию наук и этнографический отдел Русского музея в Санкт-Петербурге, в Румянцевский музей в Москве и музей Казанского университета. Арсеньев неустанно расширял сеть своих научных контактов, и в результате культура тунгусо-маньчжурских этносов Дальнего Востока нашла отражение в этнографических коллекциях музеев Токио и Вашингтона. Как отмечает А. И. Тарасова, «один только перечень его коллекций, хранящихся сейчас в музеях нашей страны и за рубежом, занял бы большое число страниц» [10, с. 270]. К примеру, в период между 1914 и 1919 годом в музей Казанского университета В. К. Арсеньевым была передана коллекция шаманских принадлежностей орочей [3, с. 11]. К числу примечательнейших экспонатов Сибирского отдела Музея этнографии Российской Академии наук принадлежит этнографический комплекс «Гробница Ингину», найденный Арсеньевым во время экспедиции 1908–1910 годов [2, с. 430].

Собрание Российского этнографического музея (РЭМ), раздел «Народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока», насчитывает около 50 000 этнографических памятников, из них более 200 предметов быта орочей, нанайцев, ульчей переданы В. К. Арсеньевым. Дальневосточный исследователь был одним из тех, кто закладывал основу ценнейшего собрания РЭМ, сыграв яркую роль в комплектовании фонда крупнейшего российского музея [6]. Собранные им во время экспедиции предметы отражают самобытные черты традиционной культуры народов Нижнего Амура. Среди экспонатов — ритуальная скульптура, связанная с промысловыми обрядами, одежда из рыбьей кожи. В письме этнографу Л. Я. Штернбергу от 28 мая 1914 года, где речь идёт об отправленных им в Петербург коллекциях, Арсеньев подчёркивает ценность костюмов из рыбьей кожи, которые «быстро сходят со сцены» [2, с. 169].

Планомерно собирая, систематизируя, снабжая детальными описаниями и комментариями свои коллекции по этнографии и антропологии, В. К. Арсеньев предоставлял возможность ведущим российским учёным изучать этническую историю и культуру далёкой окраины России по достоверным источникам. Исследователь вёл обширную переписку, в числе его адресатов — руководители двух школ российских антропологов и этнографов Д. Н. Анучин и Л. Я. Штернберг, ставшие для дальневосточного исследователя наставниками, дававшие важные рекомендации по сбору полевых материалов.

«Живя здесь, в Хабаровске, и имея постоянную связь с инородцами, я считаю своей обязанностью о всяких интересных этнографических предметах, передаваемых ими, извещать музеи в Петербурге и Москве», — сообщал В. К. Арсеньев в письме Д. Н. Анучину, датированном 1913

ДВГНБ

ЭР00910

годом [8, л. 5]. Подобная мысль высказана и в письме к Л. Я. Штернбергу: «...я считаю своим долгом быть полезным музеям в Москве и Петербурге и быть полезным для Вас лично. Поэтому я зорко буду следить за всем, что здесь продается, что есть ценного, что можно приобрести случайно и т. д.» [2, с. 168]. Находясь внутри этнического пространства, учёный не только выполнял конкретные заказы Академии наук и центральных музеев, но и сам отслеживал действительно редкие, представляющие интерес для науки этнографические памятники. «На днях я вышлю Вам берестяную коробочку, увешанную медвежьими ostpenis'ами, — сообщает Арсеньев Анучину в одном из писем 1913 года. — Это уника. Почти уверен, что более достать такой не удастся. Только у старых женщин можно найти такие коробочки. Старики вымирают, а молодежь быстро ассимилирует русскими и китайцами» [8, л. 4].

Письма В. К. Арсеньева Д. Н. Анучину из фондов Российской государственной библиотеки (г. Москва).

Арсеньевские коллекции собирались во время экспедиционных походов, проходивших, как правило, в тяжёлых условиях, и можно только предполагать, каких усилий стоила транспортировка и сохранность ценных предметов. Другой серьёзной заботой являлась их доставка с Дальнего Востока в центр: экспонаты переправлялись по железной дороге в специальных ящиках, при этом не было гарантии их благополучного перемещения. В письме Штернбергу от 21 июля 1910 года Арсеньев высказывает опасения за отправленные коллекции, поскольку администрация железной дороги не понимает, «какую ценность представляют из себя эти вещи» [2, с. 163].

Важным фактором в успешных полевых сборах являлось и то, что Арсеньев находился в непосредственном контакте с коренным населением, знал их психологию, соблюдал этику по отношению к сакральной стороне жизни, что позволяло целенаправленно формировать коллекции по тем или иным направлениям этнической культуры. «Инородцы очень часто у меня бывают, — писал он в 1912 году в Петербург Л. Я. Штернбергу. — Каждый раз по приезде в Хабаровск они останавливаются у меня в доме. Связь с орочами я еще не утратил» [2, с. 166].

Не имея специального этнографического и антропологического образования, В. К. Арсеньев обладал обширными знаниями о тунгусо-манчжурских народах, занимался самообразованием и как исследователь имел достаточно серьёзный авторитет. Неслучайно в 1911 году за подготовку значительных по объёму докладов по этнографии и археологии, суммировавших итоги экспедиций 1900–1910 годов, дальневосточный исследователь был награждён малой серебряной медалью Русского географического общества, а за доставленную им этнографическую коллекцию в Русский музей (сегодня — Российский этнографический музей) — серебряной медалью этого учреждения. Но, пожалуй, главным знаком внимания к научной деятельности В. К. Арсеньева и признания его выдающихся заслуг стала

ЭР00910

организованная в Русском музее выставка собранных им этнографических и археологических коллекций, вызвавшая большой интерес общественности и даже привлёкшая внимание первых лиц государства [10, с. 132]. Выставка вошла в перечень событий проходившей тогда в Санкт-Петербурге Всемирной этнографической выставки.

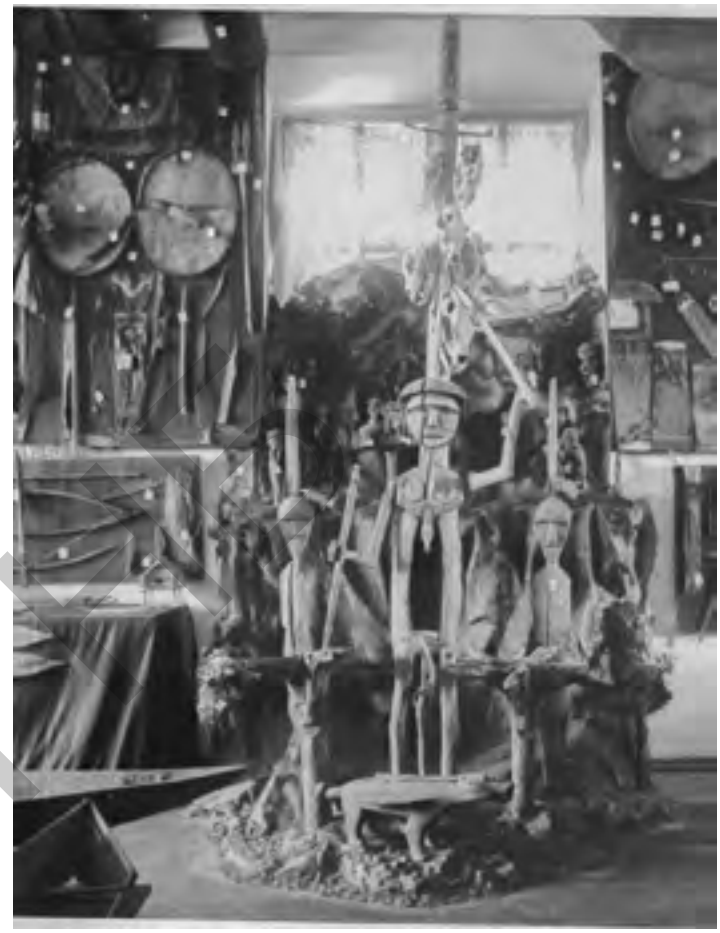
Минуло чуть более 100 лет, и арсеньевское наследие вернулось во Владивосток: в 2014 году в Музее города состоялась выставка артефактов из фондов РЭМ, где в числе 90 прибывших из Санкт-Петербурга экспонатов были представлены предметы одежды удэгейцев, орудия рыболовного промысла, атрибуты шаманского культа, собранные Арсеньевым во время экспедиций в начале XX века [7].

О востребованности В. К. Арсеньева в академических кругах, его компетентности как этнографа говорит и такой факт. В 1915 году заведующий этнографическим отделом Русского музея императора Александра III обратился к дальневосточному исследователю с просьбой «оказать любезное содействие этнографическому отделу Русского музея, который весьма нуждается в фотографиях аборигенов Приморской области, а именно: 1. Орочен — мужчин, женщин и детей (фасы и профили), 2. Орочей — мужчин, женщин и детей (фасы и профили), 3. Коряков — мужчин, женщин и детей (фасы и профили). Желательны фотографии с возможными крупными лицами, чтобы по ним скульптор мог бы вылепить типические лица, необходимые для манекенов...» [4, с. 8].

Члены этнографического кружка, организованного Арсеньевым при Хабаровском музее. 1914 год.

Неоценима роль Арсеньева как учёного-этнографа и собирателя артефактов и в судьбах краеведческих музеев Дальнего Востока. В разные годы Владимир Клавдиевич занимал должность директора Хабаровского краеведческого музея (1910–1919, 1924–1925) и заведующего этнографическим отделом Владивостокского музея (1924–1925), и в эти периоды не только значительно пополнил их коллекции, но и организовал такое важное направление, как составление каталогов, поставив работу на научную основу [10, с. 268]. Установив связи с центральными российскими и зарубежными музеями, В. К. Арсеньев включил таким образом региональные музеи в общемировое научное сообщество.

Комплекс ритуальной скульптуры, привезённый В. К. Арсеньевым в 1911 году из района реки Уленгоу. Хранится в Хабаровском краевом музее им. Н. И. Гродекова.

Центр выставочного пространства зала этнографии Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова и его гордость — уникальный комплекс охранителей шамана, включающий пять крупных предметов, главным из которых является скульптура Мангни. Этот раритет был привезён В. К. Арсеньевым в 1911 году с реки Уленгоу (приток реки Кусун). В общей сложности собрание культовой скульптуры в Гродековском музее составляет более 400 экспонатов, и серьёзный вклад в её комплектование, так же, как и в формирование других этнографических коллекций, концентрирующих предметы духовной и материальной культуры коренных народов Нижнего Амура, внёс В. К. Арсеньев. В списке арсеньевских экспонатов ритуальной скульптуры из коллекции Гродековского музея сэвэн «Ниэнку» (привезён в 1907 г. с реки Кусун), сэвэн «Кусалянку» (найден на реке Нахтоху в 1911 г.), сделанные по указанию

ЭР00910

шамана для удачного промысла. К редким предметам относится и ритуальная птица «Гаха-Куа», являющаяся частью шаманского дерева и важным атрибутом камланий (сборы 1911 г. на реке Нахтоху). Эти уникальные экспонаты принимали участие в различных выставках в России (Хабаровск, 1993, 1995) и за рубежом (Сан-Франциско, США, 1994) [9, с. 45, 55, 58, 86, 181].

Экспедиция В. К. Арсеньева. 1927 год.

Экспедиция В. К. Арсеньева. 1927 год.

К важным этнографическим источникам относится и каталог коллекции по культуре удэгейцев, составленный В. К. Арсеньевым в 1913 году (его первая публикация осуществлена лишь в 2005 г. Хабаровским краевым музеем им. Н. И. Гродекова) [3]. В него внесены 177 предметов, даны описательные статьи по разделам «Рыболовство», «Берестяные изделия», «Одежда и украшения», «Охота», «Религия», «Жилища и средства передвижения». Изучая содержание каталога, можно отметить, что практически во всех коллекциях имеются экспонаты с пометкой «От капитана Арсеньева». Среди них «Малая острога», с помощью которой «рыбу бьют с берега», «Жилы изюбриные» (река Иман, 1906), используемые для шитья обуви из рыбьей кожи, «Молоток для выделки рыбьей кожи», «Обувь из рыбьей кожи» (река Хор, 1909), «Модели речных лодок» и другое [3, с. 16, 21, 22, 25, 40].

Среди знаковых и наиболее ценных предметов в собрании Приморского краеведческого музея, носящего с 1945 года имя В. К. Арсеньева, можно выделить мемориальную коллекцию эвенкийских кожаных изделий, собранную исследователем во время его экспедиции 1917–1918 годов на реке Урми и переданную им в музейные фонды в 1921 году. В. В. Кобко, автор исследования, посвящённого арсеньевской коллекции, отмечает, что предметами этого небольшого собрания являются в широком смысле слова сумки, но у каждой своё назначение, каждая отражает тот или иной аспект жизни эвенков. Например, футляр для удочки «Чепгыч» из кожи оленя, украшенный нашитыми квадратиками из меха жёлтого и коричневого цветов. Сбоку прикреплена тесёмка для ношения и к ней мешочек из кожи с рыболовными снастями [5].

Кроме того, и Арсеньевский, и Гродековский музеи обладают редкими фотографиями из

ЭР00910

Бивуак экспедиции. Арсеньев на реке Пихце. 1928 год.

экспедиционных альбомов В. К. Арсеньева, которые с каждым годом приобретают всё большую ценность как исторический источник.

Благодаря таким исследователям, как В. К. Арсеньев, отечественная наука пополнялась новыми ценными сведениями, а коренные народы Дальнего Востока постепенно занимали достойное место на большой этнографической карте России. Есть и другой важный аспект: собирая в течение многих лет и описывая этнографические коллекции, Арсеньев закладывал бесценный ресурс, который представляет интерес не только для современных исследователей, но и для новых поколений коренных народов Нижнего Амура, заинтересованных в ретрансляции своих традиций.

Арсеньев понимал, насколько важны материальные свидетельства этнической культуры коренного населения и размышлял об этом в письме к Д. Н. Анучину в 1913 году. Учёный пишет о «нивелирующей руке европейца», которая вытесняет традиционную орнаментированную одежду приамурских народов и предполагает, что «со смертью старых женщин такие расшитые костюмы сразу сойдут со сцены и воспоминания о них можно будет найти в музеях» [8, л. 5].

Время показало, каким провидцем был Арсеньев, сколь масштабно он мыслил, не замыкаясь на сиюминутном, заботясь о сохранении подлинной истории для будущих поколений.

Список использованных источников

1. *Аргудяева, Ю. В. В. К. Арсеньев — путешественник и этнограф : русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева : материалы, коммент. / Ю. В. Аргудяева. — Владивосток : Дальневост. отд-ние Рос. акад. наук, 2007. — 271 с.*
2. *Арсеньев, В. К. Жизнь и приключения в тайге / В. К. Арсеньев. — Москва : Географгиз, 1957. — 286 с.*
3. *Арсеньев, В. К. Каталог № 51 «Орочи-удэhе» Гродековского музея (1913 г.) / В. К. Арсеньев ; Хабар. краев. краев. музей. — Хабаровск : ХККМ им. Н. И. Гродекова, 2005. — 88 с.*
4. *Бендик, Н. Н. Одиннадцать директорских лет / Н. Н. Бендик // Словесница искусств. — 2003. — № 12. — С. 8–10.*
5. *Кобко, В. В. Опыт реставрации эвенкийских сумок из мемориальной коллекции В. К. Арсеньева [Электронный ресурс] / В. В. Кобко // Приморский государственный музей имени Арсеньева : офиц. сайт. — Владивосток, 2013–2018. — Режим доступа: http://arseniev.org/about-museum/research/publications/opyt-restavracii-evenkijskix-sumok-iz-memorialnoj-kollekcii-v-k-arseneva/, свободный (дата обращения: 21.09.2018).*
6. *Коллекции по культуре народов Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] // Российский этнографический музей : офиц. сайт. — Режим доступа: http://www.ethnomuseum.ru/kollekcii-po-kulture-narodov-sibiri-vostok, свободный (дата обращения: 21. 09. 2018).*
7. *Мир удэхе глазами Арсеньева [Электронный ресурс] // Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» — Общество изучения Амурского края : офиц. сайт. — Режим доступа: http://оиак.рф/news/2014-09-01, свободный (дата обращения: 21.09.2018).*
8. *Письма В. К. Арсеньева Д. Н. Анучину // Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 10. К. 11. Ед. хр. 223–228. Л. 4, 5.*
9. *Сэвэны : каталог культовой скульптуры из собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. Г. Т. Титорева ; [науч. ред. С. В. Березницкий]. — Хабаровск : Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова, 2012. — 205 с.*
10. *Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова. — Москва : Наука, 1985. — 342 с.*
11. *Хисамутдинов, А. А. «Мне сопутствовала счастливая звезда…» : Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930 гг.) / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Дальнаука, 2005. — 254 с.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 25.09.2018 г.

Сведения об авторе: Глебова Елена Викторовна, редактор журнала «Страстной бульвар, 10» Союза театральных деятелей Российской Федерации (г. Москва), главный редактор культурно-просветительского журнала «Словесница Искусств» (г. Хабаровск), соискатель научной степени кандидата наук (Отдел Севера Института этнологии и антропологии Российской Академии наук).
Контактные данные: e-mail: elena.glebova@mail.ru; тел. 8-915-096-16-13.

ЭР00910

ПРИХОДЬКО ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОЦЕССОМ СЕНОКОСА, В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

В статье рассматривается представленная в «Словаре русских говоров Приамурья» диалектная лексика, называющая реалии, связанные с сенокосом. Данная тематическая группа слов исследуется с точки зрения эмоционального и оценочного восприятия собирательной диалектной личности — жителя Приамурья XIX–XX веков. Материал представлен в диахронном аспекте, поскольку на современном этапе говоры нивелируются и постепенно становятся устаревшей лексикой, всё менее актуальной для дальневосточников.

Ключевые слова: эмотивная лексика, фразеологизм, диалектизм, диалектная личность, устойчивые сочетания.

Keywords: emotional vocabulary, phraseme, dialectism, dialect personality, stable combinations.

ДВГНБ

Сенокóс, или покос, — косьба травы на сено для корма скоту, заготовка сена. Данный процесс вызывал много разнообразных эмоций у жителей Приамурья: положительных и негативных, был их каузатором, занимал большой отрезок жизни летом. Самое хорошее время для заготовки сена в представлении крестьян — после Петрова дня 29 июня (12 июля) и до Прокла 12 (25) июля, поскольку с Петрова дня уходит весна и наступает лето. Это пора первой прополки и наступления сенокоса. Если, по приметам, на Петров день шёл дождь, то считалось, что весь покос будет дождливым и сено сгниёт. Холодный Петров день обещал голодный год. Крестьяне с тревогой следили за погодой. Успокаивали себя тем, что сено будет плохое, но зато лошади сыты, так как овёс уродит [1, 2].

Любой сельский житель хорошо разбирался в качестве сена, умел определить его состав даже по цвету. Ср.: *всякий, кто дорос, спешит на сенокос* [8, с. 65]*, травой не страдать. Иметь в избытке заготовленное сено. Мы раньше травой не страдали. Коровы сыты были. Ой, а счас сколько травы пропало! Живность голодная стоит* [5, с. 133].

С детства детей обучали, что хорошее сено имеет зелёный цвет. Буроватый — выдаёт примесь клеверов, синеватый цвет имеет сено из осоки или сладких злаков, растущих на болотах. Крестьяне знали, что сено тёмного цвета, возможно, находилось под дождем, а желтоватый цвет говорил о том, что сенокос травы был поздним, что растения в сене — жёсткие и старые. Жители Приамурья хорошо понимали разницу в качестве сена, скошенного на заливных лугах, в болотистых местностях, а также чем отличалось островное и лесное сено. Растительность в местах покоса была разная, а значит, и сено было разным. Например, сено, скошенное на болотах, было жёстким и кислым благодаря осоке, скот ел такое сено плохо. Ср.: **БОЛÓТНОЕ СÉНО**. *Сено из травы осоки, растущей на болоте. Сено есть болотное — осока. Его скот плохо ест* [4, с. 38]. **БУСТЫ́ЛЬ**. *Крупный стебель растения. Даже корова бустыли поедала, если сено островное было* [4, с. 48].

Знание примет, особенностей сроков сенокоса, разновидностей травы для покоса, методы и способы заготовки сена — всё это прививалось старожилами Приамурья детям с юных лет. Здесь можно говорить о стремлении сельского жителя к познанию всех нюансов сенокоса, потребности в этих знаниях и передаче опыта последующим поколениям, то есть справедливым будет утверждение о проявлении гностических эмоций.

Жители Приамурья косили семьями, у каждой был свой участок для косьбы. Границы покосных земель строго соблюдались. Впереди с косой шёл, как правило, отец, скашивал в сторону траву, через три-четыре метра шёл старший сын, затем другой. Ср.: **СШИБА́ТЬ**. Экспр. *Срезать, (о траве); косить. Идёшь, сшиба́шь траву в обе стороны* [4, с. 431].

Косьба получалась *с просеками*. Траву тут же ворошили граблями. Ср.: *ката́ть грабля́ми. Сгребать граблями. И сено можно катать граблями. А потом солому граблями катали, подгребали в барабан* [4, с. 167].

Затем траву переворачивали, и она подсыхала с другой стороны. Сухое сено сгребали в *валушки*. Ср: **ВАЛУ́ШКА**. *Небольшая куча сена продолговатой формы. Сено сгарнули в одну валушку* [4, с. 52]; затем складывали в копны — высокие кучи. На другой день копны снова разваливали, чтобы подсыхали, а потом снова сгребали сено в копны и стога. Траву сушили два дня, если три-четыре — становилась жёсткой и теряла свои питательные свойства.

Сено укладывали в бабки и боровки: Ср.: **БА́БКА**. *1. Способ укладки снопов. Бабкой называют десять уложенных снопов, сверху разламывался сноп и закрывался крышей. Две бабки уже суслон. Хлеб-снопы в бабки складывали. Коноплю, когда убирают, в бабки ставят. Бабка — это 12 сложенных снопов.* **БОРОВО́К**. *Способ укладки сена. Укладывают его то в кучи, то в борово́к — длинная копна* [4, с. 39].

Дождливое лето доставляло много хлопот и неприятных переживаний: беспокойство, что сено пропадёт, нечем будет зимой кормить скотину, наступит голод. В *гноючие дожди* сено не успевало просохнуть должным образом. Под влиянием дождливой погоды от него шёл неприятный, гнилостный запах, который был результатом неполной просушки и зависел от процессов разложения (плесени и патогенных микроорганизмов). Такое сено называли воглым. Ср.: **ВО́ГЛЫЙ, ВО́БЛЫЙ**. *Сыроватый, влажный. Воглое сено не высохло и не мокрое, и нельзя ишо́ убирать. Если в стогу воблого сена больше, чем сухого, то оно может загореться* [4, с. 65].

Для сушки скошенной травы пользовались различными приспособлениями, устраиваемыми из кольев и жердей. Колья, заострённые внизу, с крестообразными поперечинами вбивались в землю, затем на них навешивалась немного подсушенная трава для проветривания. На жерди также ставили и стог сена, чтобы потом удобно его было транспортировать. Ср.: **БАЛАГА́Н**. *Помост из жердей, на который ставят стог сена. На балагане мечешь сено, когда оно влажное. Балаган де́латся из сошек и жердей. На балагане стог я поставил: теперь должен просохнуть* [4, с. 23]; **ЛА́БАЗ**. *Лабаз де́латся на сыром месте из жердей и палок, под сено делали* [4, с. 217].

Время сенокоса, несмотря на нестерпимую жару, у жителей Приамурья считалось, хотя и трудным, но всё же хорошим, даже праздничным. На покосе каждый чувствовал единение с природой, которая была великолепна в зените лета: ни с чем несравнимый приятный запах скошенной травы, буйство цветов, широкое небо, яркое солнце, жуж-

ЭР00910

жание пчёл и порхание бабочек. Абсолютно всё радовало глаз. При благоприятных стечениях обстоятельств сенокос проходил около реки, и можно было выкупаться после тяжёлого трудового дня [1]. Физический труд радовал приятным тонусом мышц, поскольку по сравнению с другими тяжёлыми крестьянскими работами (например, заготовка дров, посевная, уборка урожая), сенокос считался приятной сельской работой. Приходилось ночевать на покосе, так как луга могли быть далеко от дома. Молодые люди радовались покосу, несмотря на тяжёлый физический труд, напряжённый по срокам. Косить начинали на заре, то есть по росе, потому что чем росистее трава, тем легче косить [1]. Ср.: *роса косу точит* [3, с. 338]. В перерывах между работой пили чай. Ср.: **ПОШВЫ́РКАТЬ**. *Экспр. Выпить чай. Пошвы́ркам мале́нько чаю да снова косить* [4, с. 342].

Просохшее сено утрамбовывали, слои солили, чтобы зимой животным хватало минеральных веществ, затем *громадили сено* и *вершили*: ***грома́дить се́но***. *Делать копны, стога на сенокосе. Косили и громадили сено-то: валки в кучу собирали, а потом копны делали. Сено громадила, стожки вершила. Пойдем громадить сено* [4, с. 100]. **ВЕРШИ́ТЬ**. *Заканчивать укладку верха стога сена, скирды хлеба* [4, с. 57].

Человека, который заканчивал делать стог, называли «вершинник», или «вершельшик»: **ВЕРШИ́ННИК**. *То же, что верши́льщик. Вершинник, верхнюю часть стога делает.* **ВЕРШЕ́ЛЬЩИК**. *То же, что верши́льщик. Вершельщик — человек, который принимает сено наверху, так вершит. Вершельщик стоит на стогу, ему подают, он там раскладывает, завершает стог.* **ВЕРШИ́ЛЬЩИК**. *Человек, укладывающий верх стога. Вершильщик вершит зарóды, стога́. Вершильщики опытные были: уметь надо кончить стог. Вершильщику наверху меньше силы надо* [4, с. 57].

Наверху стога могла работать и женщина: завершая стог, требовалось скорее умение, чем физическая сила. Девочек с детства учили такой работе. От вершильщика требовались ловкость, сноровка и опыт. Не всякий человек обладал способностями вершить стог: *вершить не кажный сможет. Вершить надо, чтоб нигде ни ямки, ничё не было, забивать всё надо, де́лашь навесик, и скат де́латся из снопов. Когда завершат стог, ве́треницы положат, чтоб не сносило* [4, с. 57].

Поскольку «вершить стог» было делом ответственным, это вызывало в работнике чувство гордости и самоуважения. Окружающие также понимали, что «вывершить» стог не всякий человек сумеет. Ср.: **ВЫ́ВЕРШИТЬ**. *Закончить, завершить работу по укладке верхней части стога, скирды. Вывершить хорошенько, чтоб дошш скатывался. Травой сырой или сеном вывершивают. Вывершить стог — значит выровнять его, чтобы его дождём не пробило. Не всяк стог вывершит: это уметь надо* [4, с. 75].

Стог завершался на большой высоте (5–6 метров), что особо нравилось работникам (элемент риска, бесстрашие), стог закрывался от дождя, накрывался плёнкой. Ср.: **БАСТРО́Г**. *Одна из жердей, при помощи которых скрепляется стог сена. Бастроги́ клали сверху на стог — жердь таку́, и с двух концов затягивали под стог лопатами.* **БАСТРО́Г**. *Одна из жердей, при помощи которых скрепляется стог сена. Бастроги́ клали сверху на стог — жердь таку́, и с двух концов затягивали под стог* [4, с. 27]. **ВЕРШО́НА**. *То же, что ве́треник. Обычно на стог вершоны кладут, чтобы ветром не раздувало сено* [4, с. 59]. **ВЕ́ТОРНИЦА**. *То же, что ве́треник. Кроме сноповозов, ещё делали веторницы, такое укрепление для закрепления сухого сена* [4, с. 58]. **ВЕ́ШКА**. *Одна из палок, которыми с четырех сторон прижимается стог, чтобы сено не уносило ветром. Вешки кладут, четыре палки, четыре вешки, чтобы сено не сдувало. Стога́-то прижимались: шесть вешек больших скрепляют. Вешки и ве́треницы — это чтобы не сносило сено* [4, с. 61].

Подвешивались грузы, чтобы ветер не сорвал защиту от влаги. Вершинник испытывал чувство особой ответственности, поскольку из-за неправильно завершённого стога дело целого лета могло быть погублено. Ср.: **ЗАВЕ́РШИВАТЬ, ЗАВЁРШИВАТЬ**. *Заканчивать укладку стога сена, скирды хлеба. Всё уже́ и уже́ завершивать надо стог, чтоб дожжо́м не промочило. Стоишь вверху, принима́шь сено и завер́шивашь. Сто копён метров на шесть мечешь, а два — три человека там его завершивают. Всегда она завершивала стога. Верши́ла я, завёршивала зарóды* [4, с. 137].

Завершение стога вызывало у диалектоносителей эмоции радости и удовлетворения результатами своего тяжёлого, изнурительного труда: **ЗАВЕРШИ́ТЬ**. *Закончить укладку стога сена, скирды хлеба. Сгребли в валы траву — копны делать, потом мета́шь в зарóд. Завершишь зарóд — и домой. Когда завершат стог, ве́треницы положат, чтобы не сносило. Я люблю завершать стог, завершают красиво зарóды. Когда завершают кладь, колоски наружу, ко́мли — в середину* [4, с. 137]. Свою работу при завершении стога старожилы считали красивой: **ЗАМЕТА́ТЬ**. *1. Сложить сено в стог. Сено уже заметали и пошли на стан.* || *Сложить стог, оформить вершину стога. Иной раз заметают красиво зарóд. Стог надо замётывать, мужики замётывают. 2. Сложить солому в кучу. Граблями заметают солому, а хлеб начинают в ворох собирать* [4, с.148]. В приведённых примерах праксические эмоции сочетаются с эстетическими.

Покос начинался ранним утром, как и многие другие сельскохозяйственные работы. Ранний подъём, по убеждениям сельских жителей, обеспечивал крепкий достаток. Сонливые, ленивые люди вызывали неуважение и презрение. Их жизненные неудачи: бедность, голод, неустроен-

ЭР00910

ность — напрямую связывались с поздним пробуждением и нежеланием работать. Кто не хотел работать, тот голодал, а кто работал — у того всё было. Пробудившаяся в 5 утра хозяйка уже «заспалась», корову не подоила вовремя, не выгнала на пастбище. Вставать следовало хотя бы на час раньше. Отсюда пошли градационные устойчивые выражения: ***встава́ть в пе́рвом петухе́****. Просыпаться, вставать очень рано, с первыми петухами. Я-то вставала в первом петухе. А кого́ же оне́ наживут, если в третьем петухе встают?* ***Встава́ть (встать) во вторы́х петуха́х.*** *Просыпаться, вставать не очень рано утром. Я встал во вторых петухах.* ***Встава́ть в тре́тьем (в тре́тьих) петухе́ (петуха́х).*** *Просыпаться, вставать поздно утром. Кого же оне́ наживут, если в третьем петухе встают? Я вставал в третьих петухах* [4, с. 72].

Для сельских жителей петух исполнял роль будильника, поэтому по его пению обычно ориентировались трижды: в первый раз петушиный крик будил примерно в час ночи, во второй — в 2 часа, третий — в 4 часа утра. Нередко, собираясь в неблизкую дорогу, например на покос, приходилось вставать очень рано, «с первыми петухами». Ср.: *приклонит он часов так в 9, зато рано с петухами встаёт* [4, с. 346].

Женщины вставали, когда петух пел второй раз за ночь. Это раннее время, когда «черти в кулачки не бьют», предназначалось для дойки коров и приготовления хлеба, завтрака для семьи. Ср.: ***че́рти в кулачки́ не бьют.*** *Очень рано. Утром черти в кулачки не бьют, а они уже встают, у наших матерей уже всё готово. Ещё черти в кулачки не бьют, а уже хлеб из печи вынимают. Черти в кулачки не бьют, а мы уже работаем* [4, с. 482]. В «третьих петухах» пробуждалась вся деревня, и начинался тяжёлый трудовой день. Лучшими в деревне считались драчливые петухи. Певчего питомца называли главным хозяином двора: без его весёлого утреннего клича плохо разводился скот, корова мало давала молока или же оно становилось безвкусным. Ср. также: ***встава́ть в тех же (на тех же) глаза́х****. Просыпаться, вставать очень рано утром, не выспавшись. К солнцу уже с дрова́м приезжали: на тех же глазах вставали. Два часа уснём, и в тех же глазах встаёшь. Прибежишь с вечерки, только лягешь и в тех же глазах встаёшь, хлеб испекчи надо* [4, с. 72].

Пахота, сенокос, сбор урожая диктовали ранний подъём, поскольку требовалась и подготовка инструментария, и работалось лучше до того, как *«солнышко разгуляется»* и начнёт припекать, поэтому в страду приходилось *«вставать не до свету». То же, что вставать в первом петухе. И утром не до свету встаёшь: убо́рошна была страда* [4, с. 72]. Успех рыбной ловли и охоты также напрямую зависел от раннего пробуждения. Ср.: **на зо́рьку бежа́ть.** *Идти на рыбную ловлю или охоту с рассветом. И рыбы навалом было. Раньше утром уже на зорьку бежишь* [4, с. 29].

Сенокосу посвящены некоторые частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области: *Кабы вострая литовочка косила бы сама. / Кабы бойкий был миленок, / заменил бы он меня* [6, с. 8]. *Сербияны сено косят, / Сербияночки гребут, / Сербияны чаю просят — Сербиянки не дают* [6, с. 8].

Таким образом, процесс заготовки сена занимал большую часть лета. Это время связано у дальневосточников с трудом, с положительными эмоциями. В период сенокоса люди напряжённо трудились и с удовольствием отдыхали: купались, ловили рыбу, собирали ягоды, жгли ночные костры, пели, плясали, водили хороводы. Для многих юношей и девушек сенокосная пора становилась началом дружеских и любовных взаимоотношений [1, 7]. С сенокосом связано много примет, обычаев, поверий, знаний, которые почти полностью забыты. Тематическая группа слов, называющая предметы и реалии процесса заготовки сена, довольно обширна, но на современном этапе, к сожалению, представляет собой устаревшую лексику, информация о которой содержится в диалектных словарях и других краеведческих источниках.

Список использованных источников

1. *Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. — Москва : Молодая гвардия, 1991. — 446 с.*
2. *Грушко, Е. А. Энциклопедия русских примет / Е. А. Грушко. — Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. — 432 с.*
3. *Некрылова, А. Ф. Русский традиционный календарь: на каждый день и для каждого дома / А. Ф. Некрылова. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. — 765 с.*
4. *Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с.*
5. *Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. — 155 с.*
6. *Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области : в 2-х ч. Ч. 1 / сост. Б. В. Блохин. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. — 136 с.*
7. *Шангина, И. И. Русские девушки / И. И. Шангина. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. — 352 с.*

Материал поступил в редакцию 14.09.2018 г.

Сведения об авторе: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: 680000, г. Хабаровск, ул. П. Комарова, д. 2, кв. 21; e-mail: ulius-viktori@mail.ru; тел. (4212) 22-73-80.

ЭР00910

ШИШКИНА ВИКТОРИЯ АВЕНИРОВНА

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИЛЛЮСТРАЦИЙ ГЕННАДИЯ ПАВЛИШИНА К АМУРСКИМ СКАЗКАМ

В статье дан краткий анализ иллюстраций к нескольким сказкам коренных народов Дальнего Востока, созданных народным художником РСФСР Геннадием Дмитриевичем Павлишиным. Рассматриваются различные композиционные приёмы создания иллюстраций, способы передачи пространства и фактуры предметов, отмечаются особенности творческой манеры мастера. Из текста статьи следует, что в иллюстрациях Г. Д. Павлишиным создано авторское, художественно осмысленное пространство традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока, некоторые грани которого сейчас фактически стёрты временем. Публикация приурочена к 80-летию со дня рождения художника.

Ключевые слова: Геннадий Павлишин, Дальний Восток, Хабаровск, искусство книги, книжная графика, иллюстрация, творчество.

Keywords: Gennadii Pavlishin, The Far East, Khabarovsk, book's art, book graphics, illustration, creation.

ДВГНБ

Специальные исследования 70–80-х годов прошлого века, посвящённые книжной графике, не только отмечали расцвет этого вида искусства в нашей стране, но и проявление характерных региональных особенностей в искусстве оформления книги. Мы полностью согласны с этим наблюдением искусствоведов, так как Хабаровский край, на наш взгляд, в этом отношении не является исключением. В этот период здесь также сложилась сильная творческая группа художников. В числе тех, кто внёс значительный вклад в искусство оформления книги, особое место занимает Г. Д. Павлишин, оформивший на высоком художественном уровне более ста произведений. В рамках этой статьи мы остановимся лишь на нескольких детских книгах художника, отразивших этнографический материал, связанный с культурой коренных народов Дальнего Востока.

Мы рассмотрим их только с позиций художественно организованного пространства иллюстраций. Такая постановка в чём-то созвучна с вопросом о пространственном мире книги, который был изучен искусствоведом Ю. Я. Герчуком, отметившим, что книга «не только вещь, но и особым образом организованное пространство, в которое мы “погружаемся”, читая её». Тут же исследователь отмечает, что «пространство — это не просто метафора, но определённая психологическая художественная реальность. У него есть свои качества, которые можно изучать, — это система, построенная по известным законам» [3, с. 37]. Мы разделяем идею Ю. Я. Герчука, что организация «книжного пространства сводит в единство (как внешнее, зрительное, так и внутреннее, смысловое) все многообразные и разнородные составляющие части книги» [3, с. 39]. Более того, мы хотим сразу снять противоречие, которое, естественно, возникнет у читателя статьи, подчеркнув, что речь у нас пойдёт, главным образом, об иллюстрациях. То есть, конечно, мы понимаем, что «извлекать» их из пространственного мира книги, как целостного организма, на самом деле некорректно.

Общим местом в специальных исследованиях по искусству оформления книги, начиная с крупнейшего теоретика и художника В. А. Фаворского, ещё в прошлом веке сравнившего книгу с архитектурным памятником, в котором всё должно быть органично и взаимосвязано, определено, что книга — это целостный организм. Она отражает мир культуры прошлого и является срезом своего времени, «в ней представлен синтез различных видов искусств» (Ю. Я. Герчук), и она сама является синтетическим видом искусства.

Не вдаваясь в дискуссионный вопрос о соотношении терминов «книжная графика» и «иллюстрация», мы лишь обратим внимание на то, что, помимо «декоративной, существует *прикладная функция* иллюстрации, которая имеет значение в *композиции книги* (либо другого печатного издания), в целостном взаимодействии с *содержанием, конструкцией* и объёмно-пространственной *структурой* книги как *произведения искусства*. Вне этого взаимодействия иллюстрация теряет *художественный смысл* либо превращается в произведение станкового изобразительного искусства» [1, с. 274].

Очевидно, каждому художнику-иллюстратору, исходя из содержательной стороны текста, надо создать авторское визуальное пространство, гармонирующее и обогащающее литературное произведение. Поэтому одно и то же произведение, оформленное разными художниками, всегда даёт его новое воплощение. Практически каждый мастер изучает и творчески переосмысливает исторические и культурологические пласты иллюстрируемого им материала книги. Создавая иллюстрации, график должен не только связать их с текстом, но также учесть возрастные особенности будущего читателя или просто слушателя. В книгах для самых маленьких часто «содержание представлено иллюстрацией, а текст служит более полному выявлению содержания» [2, с. 45]. Порой только иллюстрации позволяют детям осмыслить вербальную реальность текста.

Культуру и искусство коренных народов Дальнего Востока Г. Д. Павлишин изучал не только по книгам и музейным коллекциям. Пять лет работы в лаборатории этнографии Дальневосточного отделения АН СССР, сопряжённой с постоянными экспедициями по национальным районам, способствовали развитию у него глубокой научной базы [5, с. 391]. Знание культуры и этнографии коренных народов Дальнего Востока в дальнейшем будет творчески осмыслено в книжной графике Г. Д. Павлишина и станет значимым фактором в развитии его манеры.

Предварительно отметим то характерное и главное, что изначально было присуще ему как художнику-иллюстратору. Книги, оформленные Г. Д. Павлишиным десятилетия назад, как и более поздние, всегда отмечены бережным отношением художника к рисунку и выразительности линии, точным воспроизведением каждой реалии. С обширным этнографическим материалом он обращается с деликатностью большого художника и точностью учёного.

Мастер изучил орнаментику и технику её нанесения на мягкие и твёрдые материалы в декоративно-прикладном искусстве коренных дальневосточных народов и особенную цветовую гамму, присущую каждому этносу. Он всегда уделяет большое внимание изображению орнаментальных мотивов. В иллюстрациях к нанайской сказке «Ворон, Карась, Медведь и Лиса» (1968) художник использует приём стилизации форм таёжных обитателей, сочетая его с орнаментальными мотивами нанайцев. Обобщённые силуэты героев дополнены элементами криволинейного орнамента, пластически обогащающего их фигуры. В решении обложки

ДВГНБ

ЭР00910

Народный художник РСФСР Г. Д. Павлишин (фотография предоставлена Хабаровским краевым отделением ВТОО «Союз художников России»).

Краткая биографическая справка[1]

Народный художник РСФСР, почётный гражданин города Хабаровска Геннадий Дмитриевич Павлишин — человек с мировым именем. Он плодотворно работает в области монументального, декоративно-прикладного искусства, книжной и станковой графики.

Геннадий Павлишин родился в Хабаровске в 1938 году. Окончил Владивостокское художественное училище в 1964 году, после чего несколько лет работал художником в лаборатории истории и этнографии Дальневосточного отделения Академии наук СССР. С 1965 года он активно сотрудничает с Хабаровским книжным издательством. Членом ВТОО «Союз художников СССР» стал в 1973 году.

В 1975 году на Международном конкурсе детской книги в Братиславе за оформление книги «Амурские сказки» Геннадий Дмитриевич получил приз «Золотое яблоко». Он лауреат многих международных, всесоюзных и всероссийских конкурсов. Его книги издавались в США, Греции, Франции, Японии и других странах, что принесло художнику мировую известность.

Творческие интересы Г. Д. Павлишина очень широки. Монументально-декоративное панно «Поэма о Приамурье» было создано им в 1979 году в технике флорентийской мозаики (конференц-зал Дома приёмов в Хабаровске). Около тысячи натурных графических листов, набросков и этюдов запечатлели историческую стройку века — Байкало-Амурскую магистраль. В 1985 году он получил звание «Народный художник РСФСР».

Г. Д. Павлишин многие годы работает для Русской православной церкви, создавая мозаичные иконы для храмов и совершенные по красоте киоты. Художник часто безвозмездно восполняет то, что было безвозвратно утрачено в начале прошлого века. За плодотворную деятельность по развитию церковного искусства он был удостоен от Патриарха Алексия II ордена Преподобного Андрея Рублёва III степени.

Произведения Г. Д. Павлишина находятся во многих музеях нашей страны и за рубежом.

Награды и поощрения Геннадия Дмитриевича Павлишина:

1975 — приз «Золотое яблоко» на Международном конкурсе иллюстраций детской книги в Братиславе за книгу «Амурские сказки»;

1977 — золотая медаль Международной выставки книги в Лейпциге;

1979 — Государственная премия им. Н. К. Крупской;

1979 — орден Дружбы народов;

1981 — медаль «За строительство Байкало-Амурской магистрали»;

1989 — почётная грамота Министерства культуры РСФСР;

1993 — почётный гражданин города Хабаровска;

2000 — серебряная медаль в Японии;

2000 — Патриаршая грамота за помощь в деле строительства храмов Хабаровской епархии (подписана Патриархом Алексием II);

2004 — национальная премия Японии за оформление книги Тосико Кандзава «О, мой брат олень». Впервые за 53 года проведения конкурса первое место было присуждено иностранному художнику, живущему за пределами Японии;

2005 — премия «Кодансия» (Япония);

2005 — национальная премия им. К. Минина и Д. Пожарского «Достойному гражданину — Благодарная Россия» (Москва);

2011 — почётная грамота губернатора Хабаровского края;

2013 — знак отличия «За заслуги в развитии Дальнего Востока»;

2015 — памятная медаль «Адмирал Г. И. Невельской» за вклад в военно-патриотическое воспитание российских граждан, пропаганду и сохранение на Дальнем Востоке морского исторического наследия и организацию военно-патриотического воспитания молодёжи (г. Комсомольск-на-Амуре).

книги Г. Д. Павлишин использует остроумное и выразительное решение. Герои повествования словно бы вплетены в орнаментальную композицию фона. Возможно, элемент этой иллюзорной занимательной игры форм в сознании читателя и возникает случайно, но он имеет реальное подтверждение в многочисленных образцах развитого зооморфного орнамента, украшающего различные предметы быта

1 Краткая биографическая справка составлена на основании документов Хабаровского краевого отделения ВТОО «Союз художников России».

ДВГНБ

ЭР00910

Г. Д. Павлишин. Обложка. «Ворон, Карась, Медведь и Лиса». 1968 год.

Г. Д. Павлишин. Разворот. «Ворон, Карась, Медведь и Лиса». 1968 год.

Г. Д. Павлишин. Обложка. «Два солнца. Удэгейские сказки». 1974 год.

нанайцев. В иллюстрациях орнамент замкнут в пределах плоских форм изображений, подчёркивая движение фигур сказочных героев. Разомкнутые орнаментальные рамки, с одной стороны, композиционно организуют плоскость страницы, а с другой — акцентируют её динамичность. Иллюстрации к этой книге наглядно показывают большой труд рисовальщика и творческую фантазию мастера.

Рассматривая детские книги, оформленные Г. Д. Павлишиным в разные годы, можно заметить, что он каждый раз старается по-новому организовать художественное пространство иллюстраций. Для графика нет однажды найденных — эффектных, но ставших уже клишированными подходов. На обложке книги «Два солнца. Удэгейские сказки» (1974) художник совместил два приёма изображения предметного мира: первый близок реальной передаче действительности (трактовка пространства, соотношение света и тени), а второй — несёт выраженные черты стилизации, свойственной орнаментальному искусству удэгейцев. Зимний пейзаж, на фоне которого мчатся в санях люди в национальных костюмах, исполнен в реалистической манере. Между тем изображения лисы на переднем плане и солнца, напоминающие вышитую мастерицами круглую салфетку, предельно стилизованы. Несмотря на качественное исполнение всех изображений, невольно возникает эффект двойственности. Оба объекта просто «выпадают» из композиции, создавая вокруг себя пространство отчуждения, так как разрушают своей плоскостностью и стилизацией пространство фона. Это противоречие не снимают ни орнаментальная полоса обрамляющей рамки, ни орнамент, включённый в шрифтовую композицию названия книги. Фрагментарное использование приёма стилизации, возможно, продиктовано тем, что иллюстрируется сказка, то есть в некотором роде происходит совмещение реального и удивительного, необычного. Тем не менее использованный приём внутренне противоречив, и это напряжение не снимается другими иллюстрациями в книге, так как за исключением сказки «Мэяхи» герои остальных решены в реалистической манере.

Подчёркнуто зрелищны иллюстрации к нанайской сказке «Мэргэн и его друзья» (1976). Г. Д. Павлишин творчески подходит к интерпретации пространства в книге, максимально используя декоративное начало орнамента. Орнаментальная структура помогает визуальной организации и связи форм всех изображённых объектов, подчиняя единству все элементы. Орнамент свидетельствует об этнической принадлежности литературного материала, усиливая ощущение волшебного и красочного мира. Орнаментальному решению подчинено оформление обложки, в которой мастер использует плоскостно-силуэтное решение фигур героев сказки. Сочетание активных открытых цветов и сдержанных оттенков позволило художнику создать эффект выделения

ЭР00910

Г. Д. Павлишин. Обложка. «Мэргэн и его друзья». 1976 год.

главных героев повествования. Двухмерное пространство иллюстраций идеально совпадает со спецификой плоскостного начала орнамента. Конечно, это совсем не мешает дополнительным смысловым измерениям прочтения сказки «Мэргэн и его друзья».

Во-первых, рисунки художника не просто эффектное оформление книги. Они разворачивают перед нами новый пласт в содержании текста и обогащают его. В силуэтах некоторых крон деревьев прочитываются стилизованные изображения родовых деревьев нанайцев, напоминая нам о «чешуйчатых» спинках женских свадебных халатов. В миниатюрных силуэтных изображениях орнаментальных рамок внимательный взрослый читатель и ребёнок также найдут много примечательного. Это — рисунки обитателей дальневосточной тайги. Такими они представлены на вырезанных силуэтах (берёста, рыбья кожа, бумага, текстиль) нанайских мастериц, а также стилизованные изображения личин и бронзовых подвесок с национальных халатов. Рамка не только объединяет в единое целое все изображения, но и вносит дополнительное художественное и смысловое начало.

Во-вторых, хорошо известно, что временное измерение также является неотъемлемой частью чтения, и это отмечают исследователи искусства книги. Даже читая детскую книгу, мы одновременно находимся в своём реальном времени и в вымышленном, условно говоря, в «сказочном». Интересно, что это нам подсказывает и сам художник. В визуальное пространство иллюстрации он вводит изображения сикачи-алянских петроглифов, невольно вовлекая читателя в воспоминания о мифологическом происхождении древних рисунков. Характерно, что мастер даёт неглубокое удаление, не копируя пространство реального берега и скрадывая условную «глубину» искусной графической проработкой деталей. Локальные зоны цвета также подчёркивают плоскостное начало. Неолитические изображения на глыбах задают особую временную перспективу читаемому тексту.

Герои книги помещены Г. Д. Павлишиным в плоскостные орнаментальные поля, где всё подчинено их ритму. Художник не только воплощает в иллюстрациях сюжетную линию сказки, но и запечатлённое в ней ощущение декоративного мира, созданного им самим на синтезе преображённой реальности и декоративно-прикладного искусства. Орнаментальные мотивы в иллюстрациях аккомпанируют тексту, включаясь в сферы предметного, пространственного и смыслового восприятия книги. Решение иллюстраций выдержано мастером в едином ключе. Оно в какой-то мере продолжает прочтение нанайской сказки, выводя читателя на качественно иной уровень восприятия и понимания содержания. Таким образом, художественно

Г. Д. Павлишин. Разворот. «Мэргэн и его друзья». 1976 год.

Г. Д. Павлишин. Обложка. «Пудин и Лягушка». 1986 год.

ДВГНБ

ЭР00910

организуя пространство иллюстраций, мастер обогащает текст новыми смыслами.

В нанайской сказке «Пудин и Лягушка» (1986) орнамент и фактурные эффекты, которых художник достигает тонкой проработкой деталей, играют не менее важную роль в оформлении. Сразу отметим, что график использовал в книге два типа иллюстраций. Замкнутые иллюстрации — это изображения, окружённые рамкой, а открытые компонуются художником непосредственно на белом фоне страницы. Композицию замкнутого типа можно видеть в оформлении обложки книги. На декоративной рамке, обрамляющей рисунок, с доскональной точностью воспроизведён орнамент нанайцев на ткани, и он убедительно «поддерживает» тему рукоделия, созданную мастером. Сложной профессиональной задачей, решённой художником, стало то, что он в иллюстрациях замкнутого типа воссоздал пространство традиционного быта и занятий нанайцев. Дело в том, что в иллюстрациях замкнутого типа художниками-иллюстраторами часто используется перспектива, активно «разрушающая» плоскость книжной страницы. Г. Д. Павлишин смог этого избежать, сделав пространство неглубоким. В дальнейшем этот приём будет разработан мастером ещё детальнее и виртуозно раскрыт в «Амурских сказках». Еще одна задача, разрешённая им с большим художественным тактом, — орнамент, играющий заметную роль в оформлении книги. Без сомнения, орнамент обогащает изобразительное начало иллюстраций и делает их пластически выразительнее. Мы отметим сейчас то, что очевидно для профессионалов декоративно-прикладного искусства. Орнамент тяготеет к плоскости и всегда подчёркивает именно плоскостное начало, то есть он препятствует пространственной иллюзии.

Г. Д. Павлишин. Иллюстрация. «Пудин и Лягушка». 1986 год.

Достаточно беглого взгляда на обложку книги «Пудин и Лягушка», чтобы отметить, что орнаментальные мотивы «живут» на халатах, рукоделии, берестяной коробке и т. д. Именно «живут», так как во всём подчёркивают движение форм. Сделано это художником настолько мастерски, что сближенные в композиции обложки орнаментированные предметы гармонируют друг с другом. В замкнутых иллюстрациях нанайской сказки Г. Д. Павлишин с этнографической достоверностью воспроизводит уклад и бытовые особенности жизни этноса. Он реконструирует культурное пространство, фрагменты которого сейчас можно увидеть в редких ансамблевых музейных экспозициях.

Текст книги «Пудин и Лягушка» дополнен небольшими открытыми иллюстрациями, на которых по принципу натюрморта составлены композиции из домашней утвари нанайцев, щедро украшенной орнаментом. Искусно созданные рисунки, с точно воспроизведённой цветовой гаммой и пропорциями, настолько естественны и хороши, что кажутся только что изъятыми из реального пространства. Характерно, что Ю. Я. Герчук также отмечает, что «открытые» изображения «кажутся более непосредственно и тесно связанными с текстом, включёнными, влитыми в него» [3, с. 67]. Пожалуй, они даже излишне активны, мощно отвлекают на себя внимание читателя высоким качеством исполнения. К открытым иллюстрациям Г. Д. Павлишина постоянно хочется возвращаться. Перед нами тот самый случай, когда высокохудожественная работа мастера-графика в какой-то мере отвлекает читателя от текста.

В этой ситуации вспоминается дискуссионный вопрос, зародившийся в художественной критике ещё в прошлом веке, посвящённый соотношению иллюстрации и текста в книге. Ю. Н. Тынянов обратил внимание на противоречия, которые остро проявляются в процессе синтеза текста и изображения и глубоко проанализировал их [6, с. 311]. Ситуация эта отмечена и Ю. Я. Герчуком, по мнению которого, внутренняя «противоречивость синтеза предстаёт в форме открытого диалога двух художников разных видов искусства (а нередко и разного времени, мироощущения, стиля), в форме осознанного противопоставления двух связанных, но, в сущности, самостоятельных произведений» [3, с. 129]. Огрубляя сущность теории вопроса, скажем о том, насколько органичны для книги иллюстрации, отвлекающие читателя от текста и создающие паузы в чтении.

Мы хотим всё же подчеркнуть, что небольшие открытые композиции Г. Д. Павлишина играют значительную роль в восприятии и обогащённом понимании литературного содержания сказки. Рисунок и качество исполнения предметов и старинной утвари нанайцев безупречны. Они интересны для рассмотрения людьми любого возраста. Убедительность воспроизведения давно ушедшего быта и каких-либо подробностей жизни

АРТНЕ

ЭР00910

нанайцев создаёт у читателей потребность всё внимательно рассмотреть и не раз потом вернуться к рисункам, выполненным художником. Отметим, иллюстрации такого профессионального уровня просто исключают возможность простого скольжения по поверхности сюжета. Таким образом, Г. Д. Павлишин мастерски активизирует эстетическое сознание читателя. Характерно, что не только текст вносит временное начало в книгу, но поддерживается оно также художником-графиком. Мы не считаем, что открытые иллюстрации Г. Д. Павлишина разрушают синтетическое единство книги. Этот художественный приём мастер будет также успешно использовать при оформлении других произведений. Аксиоматичность идеи теоретиков о книге, как едином организме, в котором содержание и иллюстративное оформление должны быть слиты воедино, позволяет нам утверждать, что Г. Д. Павлишин выступает талантливым соавтором текста.

Г. Д. Павлишин. Разворот. «Железная птица. Нанайская сказка». 1982 год.

Г. Д. Павлишин. Разворот. «Железная птица. Нанайская сказка». 1982 год.

Книга «Железная птица. Нанайская сказка» (1982) оформлена художником открытыми изображениями, начиная с обложки. Этот художественный приём сохранён Г. Д. Павлишиным на протяжении всей книги. В иллюстрациях к этому произведению мастер создаёт замечательные своей динамичностью и композиционной свободой изображения. Книга, наполненная выразительными и убедительными этнографическими реалиями, получилась в художественном плане органичной. Особенно следует отметить изображение природных мотивов. Их можно долго рассматривать, восхищаясь красотой и гармонией линий, выразительностью цветовых переходов, постоянно открывая для себя какие-то новые детали. Созданный художником мир природы — живой, наполненный подлинными растениями и обитателями тайги, сохраняет сейчас уже редкую красоту дальневосточной природы, нетронутой человеком. В иллюстрациях проявляются анималистические качества графика Г. Д. Павлишина и его острая наблюдательность. Они пронизаны чуткостью и вниманием ко всему живому.

Г. Д. Павлишин. Обложка. «Гарпамди — меткий стрелок». 1990 год.

Поиски нового решения прослеживаются в оформлении книги нанайского писателя Андрея Пассара «Гарпамди — меткий стрелок» (1990). Художник уже в динамичном композиционном решении обложки задаёт тон полной приключений истории главного героя. Гарпамди, стоя, словно в лодке, на плывущей калуге, «приглашает» читателя познакомиться

ЭР00910

Г. Д. Павлишин. Разворот. «Гарпамди — меткий стрелок». 1990 год.

с историей, полной чудесных событий. Можно сказать, что в иллюстрациях книги доминирует реалистический подход. В одной из них художник эффектно обыгрывает совмещение планов. В небе над берегом реки с небольшим нанайским стойбищем изображена гигантская птица. Панорама пейзажа выдержана в реалистической манере, а изображение птицы несёт черты стилизации. Её распахнутые орнаментированные крылья обрезает рамка, замыкающая рисунок. Приём фрагментирования усиливает эффект её гигантских размеров. Стилизация и орнамент в изображении птицы подчёркивают волшебное начало истории, случившейся некогда и словно в этом самом месте на берегу реки. Художнику удалось деликатно сохранить целость визуального ряда в решении книги, корректно совместив реалистический подход с элементами стилизации в её оформлении. Нанайская орнаментика нашла подчинённое место в органичном союзе с реалистичными иллюстрациями и содержанием текста. Композиции с изображением пейзажей написаны акварелью «по сырому» с дальнейшей тонкой прописью мелких деталей. Цвет прозрачен и богат переходами в точных пространственных и тоновых отношениях. Цветовое решение гармонирует настроению в сюжетных поворотах сказки.

Охватывая взглядом то, что было сделано художником в процессе оформления детских сказок, отражающих культурное пространство Дальнего Востока, можно заметить то, с какой полнотой, точностью и качеством оно воспроизведено в иллюстрациях Г. Д. Павлишина. Здесь для нас возникает ещё один важный поворот в развитии темы. Исследователи искусства книги давно отмечают широкое использование художниками-графиками самого разнообразного материала в процессе создания иллюстрационного ряда. Это явление получило название «цитирование». В процессе «цитирования» тот или «иной изобразительный материал входит в оформительский комплекс, выстроенный художником, подчиняется ему, но лишь в известной мере, сохраняя при этом свою автономию, своё “иное” происхождение» [4, с. 67]. Искусствовед Э. Кузнецов далее отмечает, что всякий материал «должен обладать своим собственным» самостоятельным существованием, прежде чем станет цитатой [4, с. 68]. Нам не очень близок сам термин «цитирование», встречающийся в специальной литературе, поскольку в нём невольно прочитывается некое механическое, нетворческое начало. Полагаем, нам всё же следует остановиться на этом явлении применительно к книжной графике Г. Д. Павлишина.

Отметим, что только с первого взгляда включение в художественное пространство книги каких-либо реалий может показаться простым. Здесь мало умения хорошо рисовать, чувствовать пропорции и цвет, так как графиком создаётся не копия и не обмерный рисунок, а художественный образ. Его следует органично связать и с текстом, и с плоскостью книжного листа. Богатейший этнографический материал, с которым творчески работает художник, действительно существовал и в настоящее время сохранился лишь фрагментарно. Г. Д. Павлишин, создавая художественно организованное пространство амурских сказок, опирается на глубокое знание традиционного декоративно-прикладного искусства. Орнамент, который является маркером-определителем искусства каждого этноса, обыгрывается мастером в оформлении книг постоянно. Наиболее ярко и полновесно это представлено в неоднократно издававшейся книге «Амурские сказки». Так, например, в иллюстрациях к сказкам северных народов изображения подчинены раппортной прямолинейно-геометрической структуре орнамента, который можно видеть, например, на гравированных изделиях из кости. Особый отличный от амурской орнаментики растительный орнамент художник использует в оформлении условного фона тундры, а в изображении животных — стилизацию силуэтных национальных детских кукол или мозаик на изделиях из кожи и меха. Необычайно сложная и выразительная спирально-ленточная орнаментика Амура также с большим мастерством введена в иллюстрации книги «Амурские сказки». Единство стилевого решения проявляется в оригинальном оформлении заставок и концовок каждой сказки.

Из иллюстраций Г. Д. Павлишина мы можем узнать, как выглядели нанайская невеста, удэгейский охотник или шаман в своём ритуальном облачении. С необычайной

ЭР00910

точностью прорисованы халаты из рыбьей кожи, обувь амурского типа, разнообразные головные уборы и украшения. С большим тщанием художник воспроизводит традиционное убранство жилища, обращая внимание на разнообразную утварь, изготовленную из разных природных материалов. Следует отметить основательно разработанные Г. Д. Павлишиным способы передачи фактуры. Выявляя её, он не только точно берёт цвет и тон вещи, но также использует разнообразные по толщине, направлению и цвету линии, позволяющие сразу же понять, из какого материала сделан предмет. Интерес к линии у мастера особый. Она помогает ему достичь выразительности силуэтов, ювелирной точности в воспроизведении орнамента и подчеркнуть особенности формы. Конечно, подкупает умение Геннадия Дмитриевича не растворяться в скрупулёзности мелочей, а передавать главное в художественном обобщении, избегая убогой одномерности натурализма. Мы подчёркиваем, что речь идёт о выработанных самим художником условностях и приёмах в трактовке пространственной глубины листа, линии, играющей ведущую роль в передаче фактуры и творческом переосмыслении роли цвета в композиции. Это говорит о том, что художник не просто «цитирует», а творит художественно организованное пространство иллюстрации, не только опираясь на знание культуры коренных народов Дальнего Востока, но и художественно осмысливая и эстетически преобразуя это знание.

Особое место в иллюстрациях Павлишина занимает изображение дальневосточной природы. Это не сочинённые в мастерской условные фоны, а качественно исполненные изображения, порой отличающиеся достоверностью конкретных мест. Особенности больших цветовых отношений в пейзаже подсказаны практикой многолетнего внимательного изучения дальневосточного ландшафта. Отсюда — передача особенностей освещения в тайге и залитых солнцем горных кряжей, берегов спокойных и строптивых рек в различное время суток и время года. Художник следует тонкому нюансированию переходов при письме неба. Оно у него всегда разное — прозрачное или насыщенное влагой тяжёлых грозовых туч, проблескивающее в просвете таёжных дебрей или расцвеченное жаром заката. В особенностях изображения ландшафта, растительного мира и эндемиков, мира животных, рыб и птиц — для художника нет мелочей. Их для Геннадия Дмитриевича не существует, так как и в чём-то порой незаметном с первого взгляда отражается красота Дальнего Востока.

Итак, Г. Д. Павлишин в малом пространстве иллюстраций, созданных к амурским сказкам, раскрыл мир художественной культуры дальневосточных народов. Авторская иллюстрация, как известно, не обладает значимостью фотодокумента. Именно в этом мы видим её ценность, как произведения графического искусства. Полагаем, что нельзя снижать значение многолетнего творческого труда мастера до интересного, познавательного и блистательно исполненного графического рассказа. Г. Д. Павлишин выстроил целостную авторскую модель художественного мира, в которой он достиг убедительной соразмерности изобразительной конкретности и должной меры условности, свойственной книжной графике. Многое из того, что можно видеть в иллюстрациях к сказкам, имеет ценность не только художественную, но и историческую. Качественно исполненные графические композиции позволили Г. Д. Павлишину с необычайной убедительностью буквально возродить исторически ушедшее пространство — для нас, живущих уже в новом культурном измерении

Список использованных источников

1. *Власов, В. Г. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 8 т. Т. 3 / В. Г. Власов. — Санкт-Петербург : ЛИТА, 2000. — 848 с.*
2. *Галкин, С. И. Оформление книги: от искусства до художественного конструирования / С. И. Галкин // Вестн. Моск. ун-та. Сер., 10. Журналистика. — 2010. — № 3. — С. 43–60.*
3. *Герчук, Ю. Я. Художественная структура книги / Ю. Я. Герчук. — Москва : Книга, 1984. — 208 с.*
4. *Кузнецов, Э. Цитата в оформлении книги: Искусство книги 1972–1980 / Э. Кузнецов. — Вып. 10. — Москва, 1987. — С. 67–74.*
5. *Мастера кисти и резца : сб. док. Гос. арх. Хабар. края об истории изобразит. искусства Хабар. края. — Хабаровск : Изд. дом «Частная коллекция», 2007. — 448 с.*
6. *Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 574 с.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 14.08.2018 г.

Сведения об авторе: Шишкина Виктория Авенировна, искусствовед, член Союза художников России, доктор педагогических наук, профессор кафедры изобразительного искусства Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: shish15@yandex.ru; тел. 8-909-876-59-67.

ЭР00910

ЧЭНЬ ШУСЯНЬ (陈淑贤)

ОДИН ПИСАТЕЛЬ, ДВА ПОКОЛЕНИЯ, ТРИ КНИГИ

В настоящем материале представлен краткий очерк о русском писателе, Нобелевском лауреате А. И. Солженицыне (1918–2008) через впечатления о сделанных автором статьи переводах трёх книг: «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» и «Литературная коллекция». Материал приурочен к 100-летию со дня рождения писателя.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», «Литературная коллекция».

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, “The Oak and the Calf”, “Between Two Millstones”, “Literary collection”.

ДВГНБ

Один писатель — это не кто иной, как Александр Исаевич Солженицын, великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии в области литературы 1970 года…

Карл Рагнар Гиров 10 декабря 1970 года во время представления нового лауреата Нобелевской премии в области литературы, сказал: «…Солженицын принадлежит к первым поколениям советских русских писателей, выросших в новой форме государственного правления, поэтому он неотделим от среды и времени, в котором он родился... Солженицын сам сказал, что он не может лицезреть жизнь, где угодно, но на своей родной земле. Его книги не только могут, они уже живут по всему миру. Сейчас, возможно, их тиражи больше, чем когда-либо прежде, но в будущем, вероятно, они будут востребованы ещё больше, чем теперь. Их жизненная сила рождается, не в последнюю очередь, из чувства, что корень авторского бытия — его страна и его судьба. И в этом Солженицын также — необыкновенная русская традиция» [7].

Когда его «Один день Ивана Денисовича» впервые был опубликован [журнал «Новый мир», 1962 г.], он сразу был признан и в своей стране, и по всему миру. Стало ясно, что новый крупный писатель вышел на сцену. Газета «Правда» писала: «Рассказ Солженицына напоминает по своей художественной силе Толстого. Необычайно талантливый автор пришёл в нашу литературу!» [7].

Александр Исаевич — человек с большим чувством любви к Родине, природе, семье, родственникам, друзьям. Он всегда тревожился за судьбу своей страны.

В очерках изгнания «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» [впервые опубликованы в журнале «Новый мир» в период с 1998-го по 2003 г.] Солженицын специально выделил тему любви к Родине в отдельную главу, назвав её «Русская боль». В ней подчёркнута мысль о том, как сам писатель, живя на чужбине, душой стремится к своей отчизне. Однажды в Канаде, когда он ожидал поезда, написал такие строки: «...я часа два гулял на высокой видовой площадке между стоящими серебристыми вагонами Канадской Тихоокеанской и морским портом, откуда уходят корабли, — да наверное же и во Владивосток... Я бродил как по хребту своей собственной жизни: отъезжая на восток, различить: поплыву ли когда-нибудь на запад, через самый Крайний Запад — и на наш Дальний Восток?» [4, 1998 г., № 11, с. 128].

Ещё одно воспоминание из очерков: «…один эмигрант, из Швеции, прислал, с сертификатом экспертизы, в раме, крупный левитановский эскиз “Дорожки”: заброшенная полевая дорожка, шире тропки, — через прясельный вход по низкому травяному месту, в пасмурный день. И тоже — никого. И тоже — ах, Россия! А вот ещё кто-то прислал по почте видовую открытку: в солнечном утре малый пролесок, через не видный нам ручей внизу высокие досчатые лавы с одним поручнем — так и зовут: перейди через нас, вот сюда, на лужайку. И тоже — ни фигурки, но, может быть, перейдя, кого-то и встретишь дальше? И сколько же таких чудных местечек в России — где я не бывал, и никогда не буду? Сладкая тоска» [4, 1999 г., № 2, с. 106–107]. Вот как тоскует писатель по Родине!

Александр Исаевич очень уважал и любил свою супругу Наталию Дмитриевну. Высоко ценил её редкий талант и мудрость. В книге он подчеркнул: «Нет, ни электронная наборная машина с большой памятью и ни своя ретивость и усидчивость не привели бы к цели без достойной жены. Не решусь сказать, у какого русского писателя была рядом такая сотруженица и столь тонкий чуткий критик и советник. Сам я в жизни не встречал человека с таким ярким редакторским талантом, как моя жена, незаменимо посланная мне в моём замкнутом уединении, когда не может хватить одной авторской головы и примелькавшегося восприятия» [5, с. 117].

Как отец, он очень любил и заботился о детях, как учитель — строго относился к ним. Он так написал об этом: «А вот, затеваю я с двумя старшими и занятия по математике... Есть у нас и доска, прибитая к стенке домика, мел, ежедневные тетради и контрольные работы, всё, что полагается... После урока сразу — купанье» [4, 1999 г., № 2, с. 99, 100].

«Мысль о детях — успокоительна и как-то поддерживает меня. Ночью, когда не сплю, и отталкиваю мысли бередящие, — думаю о сыновьях, — хорошо!» [4, 1998 г., № 11, с. 143].

Разумеется, Александр Исаевич беспокоится о своих родственниках, с верностью относится к друзьям. Всегда готов был делить радость и горе с ними, оказать им посильную помощь, если кто-нибудь из них столкнулся с трудностями, он тут же протягивал им руку.

Существует такая версия: Александр Исаевич, как пророк, который заранее знает, что будет. Об этом сам он говорил так: «Иногда у нас возникают бессвязные предвидения будущего, и порой оказываются они исключительно верны. Произвольно у меня бывали иногда такие; впрочем, потом начинаешь действовать в этом направлении, так что спутывается предвидение с результатом. В связи с намеченной жизнью в Америке возникло у меня такое видение (но уже и желание, и намерение): возвращаться в Россию не через Европу (не в Москву, которая ослаблено разделила эти страшные годы России, да и я не московский житель) — а через Тихий океан и Владивосток, тоже не с парадного хода, как и в Штаты въехал, — и потом долго, долго ехать по России, всюду заезжая, знакомясь, — это и будет *вернуться в Россию*» [4, 1998 г., № 11, с. 127–128]. На практике эти видения осуществились точь-в-точь.

ЭР00910

Два поколения

Моя семья — круглые русисты. Муж был языковедом, я и наш сын — литераторы. В середине 1980-х годов в наши руки случайно попала книга А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» — очерки литературной жизни. Такое название сразу бросилось в глаза. Одним духом прочитали её, были очень взволнованы и потрясены. Совсем не представляя себе, какая может быть перспектива издания её, какая предстоит ей судьба, и всё же решились переводить эту оригинальную книгу. Откуда взялась такая смелость? Наверное, сама книга привлекла нас своей необычностью, непохожестью на популярные произведения известных писателей того времени. Это дало нашей семье толчок к началу переводческой работы. Мы работали, как говорится, от зари до зари, и в один прекрасный день мы поставили последнюю точку на бумаге переведённого текста. Как радовались мы, словно камень свалился с плеч! Ведь в процессе работы нам пришлось преодолеть немало трудностей. Представьте, тогда мы даже не знали, что означает сокращённое слово «зек», не говоря уж о других необычных выражениях в тексте Солженицына.

Обложка книги «Бодался телёнок с дубом». Издательство «Искусство эпохи», КНР, г. Чанчунь, февраль 1998 года.

Как бы ни было нам тяжело, всё-таки книга была переведена, и мы с нетерпением ожидали её выхода в свет. Можно сказать, лёд расколот, путь проложен, навигация открыта. Но куда? В какую сторону направление? Будет ли ветер попутным?

Ни одно из издательств не проявило смелости взяться за её печать. «Телёнок» начал свой «Великий поход», который продлился почти на десять лет. Наконец-то, в феврале 1998 года весенняя ласточка прилетела: издательство «Искусство эпохи» в г. Чанчуне решилось издать книгу, заручившись серьёзной поддержкой со стороны Китайского агентства по авторским правам.

К большому сожалению, когда книга увидела свет, моего мужа уже не стало. Пусть он на том свете разделит с нами радость, пусть душа его успокоится!

В ходе перевода книги «Бодался телёнок с дубом» накопились кое-какие материалы о жизни и творчестве Александра Исаевича, у нашего сына родилась идея: чтобы ближе познакомить китайских читателей с этим автором, надо написать книгу по «горячим следам». Он стал собирать для этого необходимые материалы, читать журналы и книги, которые удавалось найти в то время. Монография «Изгнанник, вернувшийся на Родину, Солженицын» вышла в свет в 1996 году и вызвала горячий отклик читателей, которых очень заинтересовал легендарный герой монографии, его трагическая судьба, перипетии с вручением ему Нобелевской премии, его произведения, написанные в слишком опасной для автора атмосфере.

Обложки книги Чжан Сяочан «Изгнанник, вернувшийся на Родину. Солженицын». Монография. КНР, Издательство «Чанчунь», г. Чанчунь, декабрь1996 года и январь 2001 года (второе издание вышло в серии «Популярная для школьников литература»).

И чем больше мы читали книги Солженицына, чем глубже погружались в его творчество и сложную жиз-

ДВГНБ

ЭР00910

ненную судьбу, тем больше проникались к нему уважением. Возникла мечта взять у него интервью. И вот летом 1998 года мы с сыном получили шанс побывать в Фонде Солженицына в г. Москве, но не знали его точного адреса. Знали только, что это где-то на Тверской улице. Это похоже на поиск иголки в стоге сена. Почти целый день ходили по Тверской улице, расспрашивали встречных, но они лишь качали головами, извиняясь, пожимали плечами. Утомлённые жаркой погодой и долгим хождением, мы чуть не потеряли последние капли надежды, и вдруг перед нашими глазами засверкало здание... Это была награда за наше терпение и упорство!

Скромная симпатичная радушная девушка — секретарь Фонда, встретила нас тепло. Выслушала нашу просьбу об интервью с Александром Исаевичем, обещала непременно передать ему наши письменные вопросы. Мы были в восторге, на душе стало легко, будто не было ни жары, ни нашего долгого хождения по Москве. Осталось дождаться телефонного звонка. И он прозвучал… Звонила сама Наталия Дмитриевна. Она назначила нам время встречи, предупредила, извинившись, что очень жаль, но состояние здоровья не позволяет Александру Исаевичу самому лично дать нам интервью, поэтому ответить на наши вопросы он поручил ей.

В назначенное время мы с сыном пришли на встречу с глубокоуважаемой Наталией Дмитриевной. В самом начале беседы она отметила, что ответы будут точны и мы должны быть уверены, что Александр Исаевич ответил бы точно также. В конце интервью она сказала: «Александр Исаевич, узнав, что вы собрались несколько дней побыть в Красноярске и посетить там известного писателя Астафьева, просил вас передать ему искренний привет и наилучшие пожелания!» (Мы выполнили просьбу Солженицына. А ещё мы взяли интервью у Виктора Петровича, сидя за деревянным столиком под тенью густой кроны высокого дерева во дворе его дома в родном селе Овсянке. Астафьев, простодушно улыбаясь, вспоминал: «Мы с Александром Исаевичем сидели здесь же — за этим столом, и беседовали по душам. Это было тогда, когда он вернулся на Родину после двадцатилетнего изгнания, и следовал в Москву через Красноярск».)

Интервью, взятое нами у Солженицына, было опубликовано на китайском языке в журнале «Город в цвету» (№ 3, 2000 г.), а интервью с Астафьевым — в том же году и в том же журнале, но в № 4. Оба эти интервью были опубликованы на русском языке в моей книге «Голос России в Китае», изданной в Хабаровске в 2007 году Издательским домом «Частная коллекция».

При встрече с Наталией Дмитриевной мы проявили интерес к переводу новой книги А. И. Солженицына «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов». Она ответила: «Пока написаны только отдельные главы, они опубликованы в журнале “Новый мир”. Если у вас при переводе появятся какие-нибудь трудности, мы постараемся помочь».

В конце встречи мы выразили огромную благодарность и за интервью, ведь для нас это было редчайшей удачей, и за обещание поддержки в нашей будущей работе.

«Телёнок…», монография и интервью увидели свет. Это была счастливая удача, мы были воодушевлены и тут же взялись за перевод «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов». Дела с «Зёрнышком…» пошли не в пример с «Телёнком». Пословица гласит: «От каждой неудачи делается человек умнее».

На этот раз мы начали с издательства. Выбрали одно из ведущих издательств в г. Шанхае «Shanghai Joint Publishing Co., Ltd.», оно быстро вступило в контакт с агентами по авторским правам Солженицына и заключило договор, затем и с нами был подписан договор. Всё как положено. Теперь мы с уверенностью стали переводить, вложив в «выращивание» «Зёрнышка…» всю свою душу.

В процессе переводческой работы пришлось столкнуться с трудностями, но почти все они были преодолены во многом благодаря тому, что нынешняя эпоха стала более открытой, социальная ситуация и политические события более и менее прозрачны, и автору в своей книге не было необходимости специально скрывать её подлинный смысл. Это в книге «Телёнок…» таких загадок была уйма! Работать было проще ещё и потому, что у нас за прошедшие годы накопились и опыт, и знания — теоретические и практические…

С апреля 1993 года мы с мужем по приглашению работали в Главной редакции радиовещания РГРК «Голос России» г. Хабаровска, где и жили. После кончины моего супруга я осталась в Хабаровске одна и продолжала работать. Реальная жизнь того времени приносила неожиданную пользу мне в переводческой практике. Например, в книге «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» автор коснулся путча, произошедшего 19–21 августа 1991 года тогда ещё в СССР (кстати, слово «путч» я впервые услышала по радио). Перед моими глазами сразу всплывают воспоминания: Москва, на площади перед парламентом стоят танки, стволы их пушек высоко подняты в небо, а на танках сидят улыбающиеся и миловидные солдаты. Разве они могут стрелять в своих сограждан под таким ясным августовским небом? Мы с мужем долго стояли рядом и смотрели на грозные танки и добрых солдат.

Такие же реальные картины возникают в моём сознании, когда читаю страницы «Зёрнышка…», где писатель с тоской вспоминает, как праздновали Пасху на Родине, как красили яйца. Нас с мужем в этот главный религиозный праздник христианства, когда верующие отмечают день воскресения Иисуса Христа из мёртвых, угощали и крашеными яйцами, и творожной пасхой, и куличами. Эпизод на улице: в праздничный день Пасхи иду по хабаровской улице, и вдруг незнакомая мне встречная женщина обнимает меня, три раза целует со словами: «Христос воскрес!» Я

ДВГНБ

ЭР00910

не ожидала, но сразу ответила: «Воистину воскрес!» Она улыбнулась и пошла дальше. В тот миг мне тоже радостно стало на душе. Я ещё раз убедилась, что знать праздничные приветствия очень важно…

Надо признаться, что успешное выполнение сложной переводческой работы без помощи со стороны коллег никак невозможно.

Солженицын, живя в Америке, много путешествовал, в том числе и по разным странам и знаменитым историческим и природным местам, любовался и описывал увиденное в своих произведениях, перечислял разнообразные памятники и достопримечательности, вплоть до такой тонкости, как название мостика.

Филологи и лингвисты, изучающие литературу разных стран, всегда оказывали нам помощь, если возникали вопросы по уточнению того или иного знакового места, описанного автором. Играет большую роль в нашем деле и современная компьютерная техника, Интернет. В книге «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» автор — человек большой эрудиции — использовал одну латинскую пословицу. Мы не могли найти её перевод ни в одном словаре. Не помогли и знакомые литераторы, как говорится: «И Богу молились — не спас». Вообще иностранные пословицы нелегко понять и, тем более, равноценно перевести. А эта оказалась латинской! Куда уж сложнее задание придумать! Долго мучились мы с этой пословицей, но знали: абсолютно безвыходных положений не бывает. Терпение и труд всё перетрут. Мы обыскали, казалось, весь Интернет. Искали не абы как, не надеясь на авось, а планомерно и терпеливо, использовали разные приёмы, то прямо, то зигзагами идя в обход, то по аналогии и косвенным признакам. Наконец, нашли! Оказалось, на дамском браслете были выгравированы слова латинской пословицы «Пока бьётся сердце, будет и надежда!»…

В течение двадцати лет изгнания Александр Исаевич написал ещё одну книгу — «Литературная коллекция» (очерки памяти о писателях). Отдельными главами она была опубликована в журнале «Новый мир» (1997–2004). Любопытство подтолкнуло нас к чтению и этих очерков. Они очень разнообразны и интересны, хотелось бы заняться переводом и этой, уже третьей в нашей переводческой практике, книги Солженицына.

Три — цифра счастливая. Недаром говорят: «Бог троицу любит». Для своевременного и благополучного завершения этой работы мы пригласили в помощники опытного специалиста, который жил и работал много лет в бывшем СССР, перевести несколько очерков о писателях. Его работа будет украшением всей книги!

Никакие наши усилия, ни помощь коллег, ни универсальный Интернет не привели бы нас к конечной цели без достойной работы коллектива редакции издательства «Shanghai Joint Publishing Co., Ltd.» — без его вклада мы остались бы на бобах. Мы очень признательны и безмерно благодарны сотрудникам издательства за проделанный ими процесс работы: от заключения договора об авторских правах до издания книги.

Три книги

История первая: «Бодался телёнок с дубом (Очерки литературной жизни)».

Русский писатель Замятин однажды так выразился о трудностях писательского труда: «Залитые восковыми слезами листы древней книги». О труде переводчиков я бы сказала так: «На страницах переведённых текстов этих книг видны следы слёз, пролитых переводчиками».

Для характеристики работы с произведением «Бодался телёнок с дубом» у нас, переводчиков, непроизвольно родилось сравнение: «Хождение по мукам». Это касается не только процесса перевода, издания книги, но и судьбы самого автора.

Когда мы приступали к переводу книги, нам не была известна социальная атмосфера в СССР, тот напряжённый фон, на котором эта книга была написана автором. Как позже объяснил Солженицын, подзаголовок «Очерки литературной жизни» совсем не точен, так как в то время у него совсем не было литературной жизни. Это действительно было именно так: то его поднимали на пьедестал, то сбрасывали, то он шёл ко дну, то всплывал на поверхность. Это всё происходило не от его литературных успехов или неудач, всё зависело от политических настроений на самой верхушке власти. Когда с разрешения Хрущёва была опубликована книга Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в мгновение ока этот бывший «зек» превратился в фаворита, скромный школьный учитель вдруг стал известным писателем. Однако это не было сенсацией в области литературного процесса, скорее это был результат борьбы и конфликтов между противоположными силами правящей верхушки страны: кто кого!

Сам писатель это прекрасно понимал и в книге «Бодался телёнок с дубом» писал об этом так: «Как глубоководная рыба, привыкшая к постоянному многоатмосферному внешнему давлению, всплыв на поверхность, гибнет от недостатка давления, оттого что слишком стало легко и она не может приспособиться, так и я...» [1, с. 59].

Безусловно, он не только не может, но и не хочет приспосабливаться, смириться с ситуацией, потому что не желает быть чьей-то пешкой в политической игре. Выход оставался один — встать на борьбу с политическим режимом власти. «Бодался телёнок с дубом»: хрупкий телёнок перед крепким высоким дубом — борьба, но борьба автора с властью куда суровее! Власть принимает крайние меры — изгнать Солженицына за границу.

ЭР00910

Понятно, на фоне давления власти автор не мог написать свою книгу так, как ему этого хотелось, он был вынужден выражать свои мысли с помощью иносказаний, намёками, подтекстами.

Впервые в процессе перевода мы столкнулись с таким скрытым подтекстом, это было как в густом тумане. Выручил нас многолетний переводческий опыт, глубокие знания языковеда и литератора помогли преодолеть всевозможные трудности на пути к пониманию скрытого смысла, и мы успешно выполнили поставленную перед собой задачу. Но, как показали дальнейшие события, эти трудности как капля воды в море, неизмеримо больше пришлось преодолеть препятствий с изданием «Телёнка…».

Обложки книг «Бодался телёнок с дубом», изданных издательствами «Массы» (январь, 2000 год) и Ассоциации литературно-художественных работников (январь, 2011 год), г. Пекин.

Завершив переводческую работу, казалось бы, расправляй плечи, но гора не свалилась с наших плеч, наоборот, новая тяжесть навалилась на нас — поиск издательства. Наш «Телёнок…» начал своё почти десятилетнее хождение по мукам. Переступив порог одного издательства, где «Телёнка…», может быть, даже и поласкали, его вскоре вежливо выпроваживали за дверь. И так год за годом. Бычье упрямство «Телёнка…» заставляло его двигаться через огонь и воду. Но он не падал духом. И вот долгожданный свет в конце туннеля: весной 1998 года издательство «Искусство эпохи» в г. Чанчуне не выталкивает «Телёнка…» за порог, а выпускает его в свет. «Искусство эпохи» впервые издаёт книгу А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» на китайском языке. Наконец, «Телёнок» с высоко поднятой головой вышел к читателю! После этого первого издания последовали и другие — книга была дважды издана в Пекине (в 2000-м и 2011 годах).

***

История вторая: «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов (Очерки изгнания)».

Ключевые слова здесь «Соль земли». Они относятся и к судьбе автора книги, и к её содержанию. Название очерков очень яркое, образное и многозначное, а текст удивительно динамичен и увлекателен.

В книге «Бодался телёнок с дубом» — телёнок — образ автора, дуб — власти. Телёнок с упорством бодает дуб — образ очень динамичный. В книге «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» — зёрнышко — образ автора, жерновые камни — образы мира Восточного (СССР) и Западного.

В книге автор не раз писал: «Вязкое чувство, состояние растерянности: как жить на Западе? Жернов КГБ никогда не уставал меня молоть, я привык, а тут вплотную к нему подблизился и стал подмалывать (и уже не первый раз) жернов западный… Славно, отлично мололи совместно Восточный и Западный жернова!» [4, 1999 г., № 2, с. 88, 89].

Восток и Запад старательно вращают свои жернова, чтобы смолоть зёрнышко. Но вопреки ожиданиям «мельников», в результате получилась не мука. Автор стал солью земли, где метафора соли означает необходимость принимать в мире созидательное участие. Солженицына изгнали на Запад, а дух и мысли остаются на Родине и оттуда распространяются в другие страны. Выступления и деятельность этого писателя, лауреата Нобелевской премии, вызвали тревогу и ненависть и на Востоке, и на Западе. Два противоположных по идеологии и политической системе великана совместно мололи, давили, душили его.

Со стороны Востока (бывшего СССР) власть приняла крайние меры — лишила Солженицына гражданства, изгнала его за границу. КГБ преследовал его и его родных, забирал произведения, спрятанные им у друзей. Союз советских писателей исключил его из своих рядов, поднял волну критики против него. Массмедиа запретили любые его публикации и даже статьи в его защиту.

Со стороны Запада: главы некоторых государств и правительств, среди них короли, князья и президенты, в своё время

ЭР00910

относившиеся с симпатией к Солженицыну, приглашавшие его к себе в гости, искали с ним встреч, разумеется, у каждого были свои намерения и планы, но, получая даже вежливый отказ, метали молнии, направленные остриём в Солженицына. Западные массмедиа, получив от него в первые дни пребывания на Западе нелестную оценку своей работы, отнеслись к нему настороженно, если не негативно. В первый день после прибытия в Германию Солженицын резко отказался выступить с речью перед представителями прессы. Он написал об этом в книге «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов»: «Так — с первого шага мы с западной "медиа" не сдружились. Не поняли друг друга», «…по улицам они [корреспонденты] нас сопровождают и бесцеремонно подсовывают к моему рту длинные свои микрофонные палки: записать, о чём я разговариваю со спутниками… Меня взрывает: я требую, чтобы они прекратили и отвязались: "Да вы хуже гебистов!" Отношения мои с прессой всё портятся и портятся» [4, 1998 г., № 9, с. 48, 53].

Они продолжали преследовать Солженицына, снимали даже с вертолёта местность, где живёт семья и работает сам писатель, распространяли ложную информацию, сознательно вызывали на скандал. Александр Исаевич с горечью признавал: «В СССР, в большой моей Драке и вдали от западных юридических петель, я многим противникам наносил удары, не считаясь с их звучностью. А на Западе эти махи сразу подпадали под юридическую опасность» [4, 1998 г., № 11, с. 105].

На Западе даже на святой арене суда показывают фокусы: ни с того ни с сего отдали Солженицына под суд. Когда он проиграл судебный процесс, то с него взяли штраф, а когда он выиграл дело, вынужден был оплатить все расходы, связанные с судебным процессом, так как истец тут же объявил о банкротстве.

Пословица недаром гласит: «В суд ногой — в карман рукой». Соотечественники, и те, кто давно проживал на Западе, и те, кто прибыл недавно, залпом включались в борьбу с Солженицыным, не упуская шанса сыграть в свою пользу, приобрести популярность. Может быть, у некоторых из них были давние обиды, ревность, но, скорее всего, большинство из них просто не могло смириться с тем, что они долго оставались незамеченными. И вот появился легендарный писатель, тем более спорный, они стараются ухватиться за предоставленный случай, стали публиковать свои статьи с критикой на Солженицына, активно подпевая в хоре западных массмедиа, хотя и не солируя, но всё же, как им это казалось, их голоса услышат во всём мире.

Александр Исаевич напоминал: «Кохен так и формулирует читателю как уже готовую поговорку: "Скажи мне, что ты думаешь о Солженицыне, и я скажу тебе, кто ты". А ведь — подмечено! От самого появления "Ивана Денисовича" я невольно служил как бы раскалывающим лучом. Сперва по мне делились на сталинистов и кто жаждал свободы. Потом (по «Августу», «Письму Патриарху») — на либералов с интернациональными чувствами и патриотов. Теперь в Америке — по сути, тоже делю» [5, с. 159].

И в этот не очень слаженный и гармоничный хор ещё вставлен такой эпизод: «А 11-го [сентября] днём сижу, как всегда, у себя за столиком, под берёзами, близ пруда. Свой участок, огороженный сеточным забором, под два метра… В этом уединении которое лето пишу, с рассвобождённой душой. Дует ровный ветерок, скрадывающий шорохи. Глаза — в бумагу, ничего не слышу и ничего не вбираю косым зрением. И лишь случайно подняв глаза — вижу в полутора метрах от своей головы, на приподнятой тропе, — проходящего мимо рыжего пышного сильного зверя. Такая крупная собака? чья? и так беззвучно? Поворачиваю голову по ходу — и вижу за стволами берёз уже прошедшего мимо меня переднего волка: теперь он оглянулся на заднего и скалит зубы длинной морды: что, мол, отстаёшь? теперь и полностью заднего вижу: прошёл, догоняет того. Ушли... Волки прошли спокойно и совершенно беззвучно, нашей обычной хоженой тропой по участку, а стол мой — во впадине, так что прошли они ближе двух метров, на уровне моих плеч, и ничто не мешало любому из них прыгнуть к моему горлу. Бог пронёс? сыты были?.. Сижу и опоминаюсь: вот хорош бы был мой конец… съели волки! у себя же на участке за письменным столом. Никто ещё из русских писателей так жалко не кончал… Но волки не появились больше. А местечко это — я так любил! От моего врытого стола, тесно окружённого пятью стволами берёз, сидишь, как в беседке...» [5, с. 163].

Однако ничто не может остановить Солженицына, он смело идёт вперёд и творит чудеса!

Двадцать лет он писал исторический многотомный роман «Красное колесо». Чтобы собрать документальные материалы для него, автор на много месяцев закопал себя в кучу старых книг, рылся в архивах, где нашёл очень ценные данные. Исправлял, завершал ранее незаконченные произведения. Написал своеобразные очерки «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», «Литературная коллекция». Кроме этого, завершил давно начатый «Русский словарь языкового расширения». К тому же он и Наталия Дмитриевна оказали большую помощь в редактировании и издании нескольких книг воспоминаний участников революционных событий в России. Их воспоминания восполнили пробелы в истории России.

Как шла наша работа над переводом этой книги? Трудностей было достаточно. Ведь недаром же «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» называют энциклопедией. По своему содержанию, по сферам охваченных областей знаний — книга универсальная, многосторонняя, ведь автор — эрудит. В ней можно встретить суждения обо всём: об астрономии и о географии, о религии и политике, о дипломатии и об истории,

ЭР00910

о литературе и об искусстве, языковедении, архитектуре, юридических науках… Чего в ней только нет!

Автор красочно описывает природу: узкая, красивая долина, покрытая лесом, в Канаде, Гранд-каньон в Америке, лунная долина; и исторические достопримечательности, такие как древние испанские церкви, замок князя Лихтенштейнского, русские избы, покрытые соломою, и домик известного американского писателя Джека Лондона… Всего не перечислишь.

Безусловно, такое тематическое разнообразие, множество географических названий доставило нам кое-какие трудности. Но одновременно и расширило наш кругозор, и мы, а это очень важно в работе, испытывали подлинное эстетическое наслаждение. И благодаря автору, соприкасались с чудесным.

***

История третья: «Литературная коллекция (Очерки памяти о писателях)».

Ключевые слова: «Каждый очерк — это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором».

В книге «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» Солженицын признавался: «И вот, после неразгибаемых семнадцати лет над «Колесом» [роман-эпопея «Красное колесо»], когда все, сплошь все вечера отдавались обработке очередных исторических материалов, чтобы только не задержалась утренняя завтрашняя работа, — впервые проявился просвет в моих вечерах» [6, с. 153]. Теперь он мог «разрешить» себе «просто читать». «Но и “просто читать” я, оказывается, тоже не сумел: всё время тянется рука записать своё суждение, оценку, частную или общую, — о приёмах автора, о композиции, о персонажах, о взглядах его, и цитаты отдельные. А когда столько понавыписано — то и тоже не бросишь в запусти: надо ж выписки обработать и перелить в сколько-нибудь стройный порядок, в связный текст. И так складывались — по разрозненным книгам — не то чтобы литературные рецензии, нет, а просто — мои впечатления. Вот, они прибавляются, я стал называть это “Литературной коллекцией”. Может, и в следующие годы ещё наберётся» [6, с. 154].

За два десятилетия набралось несколько десятков таких очерков, первый датирован 1984 годом, последний — 2005-м. В 1997 году их начал печатать журнал «Новый мир».

Говоря об этой книге очерков, Солженицын подчёркивал: «Каждый такой очерк — это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому, — и в мысленной беседе с ним угадать, что он мог ощущать в работе, и оценить, насколько он свою задачу выполнил. (А ещё: зорко примечаю лексику автора и в заключение обычно привожу два-три десятка слов и выражений, которыми он в этой книге отметно расширил наш скудеющий языковой поток.)» [2, с. 195].

Попробую коротко обобщить её художественные отличительные черты: разнообразный подбор писателей, жанров, стилей произведений.

Среди писателей — прозаики, поэты, драматурги разных веков. Жанровое разнообразие: роман, повесть, рассказы, эпос, лирика, драма. Среди произведений есть классические повести — «Степь» и «Попрыгунья» Чехова, гротеск — «Петербург» Белого, антиутопия — «Мы» Замятина, дилогия — «Жизнь и судьба» Гроссмана, малоизвестный отрезок истории — «Царица смуты» Бородина, драматическая трилогия А. К. Толстого. Что касается поэтов — от Лермонтова до Бродского и Липкина.

Переводить эти очерки было очень трудно. Чтобы понять и точно перевести фразу, даже отдельные слова в ней, те цитаты, что приводил Александр Исаевич, надо было найти, и прочитать те книги. Некоторые из них мы не только не читали раньше, но даже и не слышали, например, романы «Отверзи ми двери» Феликса Светова, «Солнце мёртвых» Ивана Шмелёва. Не зная анализируемых автором текстов, невозможно определить и контекст цитируемых мест. В больших произведениях было очень сложно отыскать нужные цитаты.

Трудность перевода была ещё и в необходимости уловить совсем разные оттенки отношений Солженицына к избранным им для «Коллекции» писателям и их произведениям. Например, о «Петербурге» Белого он пишет: «Талант необузданный, болезненно неуравновешенный. И над “Петербургом” он работал, по-моему, лихорадочно, волнуясь и крайне спеша увлечь читателя в невиданные формы» [3, с. 196].

Подобные оттенки выражены в названиях некоторых очерков. С детства уважая и любя великого поэта, свою путеводную звезду — Лермонтова, Солженицын дал очерку название «Мой Лермонтов», а очерк, посвящённый 90-летию со дня рождения глубокоуважаемого друга А. Т. Твардовского, назвал «Богатырь». Или вот такое многозначительное и привлекательное название: «Окунаясь в Чехова». Этот очерк охватывает 32 повести и рассказа, и каждому произведению Солженицын даёт свою оригинальную оценку. Он не только читал их, но и глубоко погружался в тексты чеховских книг, сумев таким образом войти в душевное соприкосновение с Чеховым.

Работая над переводами очерков «Литературной коллекции», мы старались передать многообразие стиля Солженицына при анализе творчества собранных и представленных читателям избранных им авторов, о каждом рассказать по-своему, отметив их индивидуальность и литературные тонкости. Несмотря на сложность восприятия, очерки имеют не только эстетическое, но и поучительное значение.

ДВГНБ

ЭР00910

В представленных Солженицыным произведениях есть очень мудрые, блестящие, удачные сравнения, даже афоризмы. Приведём для примера несколько из них.

«Ошибка ценнее истины, истина успокаивает, ошибка беспокоит» (Е. Замятин).

«Толпа — не она ли есть самое вечное изо всего вечного? Толпа сама по себе, как ртуть, перетекает из одного времени в другое — нестрадательна и неуничтожима» (Л. Бородин).

«Глаза человека — колодцы, проницающие в тот мир, где души» (Е. Замятин).

«Лицо старика походило на избу, как соломенная крыша, падали волосы» (Б. Пильняк).

«На полушубке клочья шерсти обвисают, как на линяющем псе» (А. Чехов).

«Коричневые губы (старухи) шевелятся берестой на огне» (Е. Замятин).

«…Старик с бумажно-белыми руками, с костяным лысым черепом и лицом, словно барельеф, отпечатанный на металле, словно в его венах и артериях тёк снег, а не кровь» (В. Гроссман, «Судьба комиссара Крымова»).

Вот три книги, написанные одним и тем же автором, но они совсем не похожи друг на друга. И каждая — чудо художественного совершенства!

Список использованных источников

1. *Солженицын, А. И. Бодался телёнок с дубом : очерки лит. жизни / А. Солженицын. — Paris : YMCA-press, Cop. 1975. — 629 с.*
2. *Солженицын, А. «Голый год» Бориса Пильняка. Из «Литературной коллекции» / А. Солженицын // Новый мир. — 1997. — № 1. — С. 195–203.*
3. *Солженицын, А. «Петербург» Андрея Белого. Из «Литературной коллекции» / А. Солженицын // Новый мир. — 1997. — № 7. — С. 191–196.*
4. *Солженицын, А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) / А. Солженицын // Новый мир. — 1998. — № 9. — С. 47–125 ; № 11. — С. 93–153 ; 1999. — № 2. — С. 67–140.*
5. *Солженицын, А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть вторая (1979–1982) / А. Солженицын // Новый мир. — 2000. — № 9. — С. 112–183.*
6. *Солженицын, А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть третья (1982–1987) / А. Солженицын // Новый мир. — 2000. — № 12. — С. 97–156.*
7. *Aleksandr Isayevich Solzhenitsyn. Award ceremony speech. Presentation Speech by Karl Ragnar Gierow, of the Swedish Academy, on December 10, 1970 // Nobel Prize. — URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/1970/press.html.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 20.03.2018 г.

Сведения об авторе:
Чэнь Шусянь (陈淑贤), профессор Нанькайского университета (КНР, г. Тяньцзинь). Окончила Институт иностранных языков в г. Харбине в 1954 году. Работала переводчиком и преподавателем в вузах. Читала лекции по русской литературе студентам и аспирантам. С 1993-го по 2003 год работала переводчиком высшей категории в Главной редакции радиовещания г. Хабаровска РГРК «Голос России». Самостоятельно и совместно с другими перевела романы: «В водовороте» А. Писемского, «Истоки» Г. Коновалова, «Фантазия женщины средних лет» А. Тосса, «Хороший Сталин» В. Ерофеева; повести: «Похороните меня за плинтусом» П. Санаева, «Анюта» Б. Полевого; избранные миниатюры «Затеси» и «Ода русскому огороду» В. Астафьева, «Камешки на ладони» В. Солоухина; очерки: «Бодался телёнок с дубом», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», «Литературная коллекция» А. Солженицына и другие. Написала книгу на русском языке «Голос России в Китае». Сейчас на пенсии, проживает в г. Пекине.
Контактные данные: e-mail: skyzxq@sohu.com.

РВГНБ

БАБУРОВ ВЛАДИМИР ФИЛИППОВИЧ

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО И КАК ЕГО ПОНИМАТЬ?

(Попытка популярного размышления на тему)

Автор монографии пытается разобраться в вопросах творчества, искусства и эстетики и предлагает своё видение данной проблематики. Опираясь на изыскания учёных и философов, выкладки физиологов и психологов, а также собственный опыт, он выстраивает некую модель личности. Настоящая публикация является окончанием; начало размещено в №№ 1, 2 (21, 22) за 2017-й и № 1 (23) за 2018 год.

Ключевые слова: искусство, художник, содержание в искусстве, диалог, культура, свобода, воспитание, понимание искусства.

Keywords: art, painter, art content, dialog, culture, freedom, education, understanding of art.

ДВГНБ

Основные усилия в традиционной системе подготовки художников направлены на совершенствование изобразительной грамоты в рисунке и живописи и в овладении приемами изобразительного художественного ремесла: для живописцев — колорит, техника масляной живописи или акварели и т. д., для графиков — офорт, гравюра, ксилография и проч. Являются ли эти навыки достаточными, чтобы человек мог считать себя художником?

Что есть художник и что есть содержание в искусстве?

Что такое на самом деле умение рисовать «похоже»? Это значит изобразить натуру так, чтобы картина передавала наиболее полную информацию о внешнем виде предмета изображения, так как видит его глаз человека, как человек этот предмет знает или представляет.

Когда маленькие дети на уроке учатся писать буквы, они тоже овладевают грамотой как средством передачи информации, но только не визуальной, а письменной, но, как ни странно, человека, умеющего писать, никто не называет писателем, хотя не умеющих писать писателей нам тоже как-то мало попадалось. А вот умеющий рисовать почему-то уже художник! Диковинность для окружающих умения рисовать объясняется тем же, чем удивителен для неграмотных — умеющий читать.

Рисунок, как средство изображения, можно отнести к обычной грамоте, которой следовало бы обучать всех детей так же тщательно и последовательно, как обучают чтению и письму. Это элементарное образование, требующее от учеников не более способностей и талантов, как и любой другой предмет обучения, но по какой-то причине недооценённый системой всеобщего образования, а потому превратившийся в «диковину».

То же, что делают с детьми, как правило, случайные люди на уроке рисования в пятом классе, на практике оказывается последним камнем, закрывающим у них навсегда остатки желания хоть как-то заниматься искусством и оставляя их навсегда безграмотными в этом вопросе.

Насколько шире стали бы коммуникативные возможности человечества во всех сферах его деятельности, обладай оно грамотой и умением быстро и ясно изображать предмет разговора.

Таким образом, изображение является средством передачи визуальной информации наряду с множеством других информационных средств, изобретённых человечеством, но умение изображать ещё не делает из человека художника, так же, как умение писать ещё не делает из него писателя. А кто же тогда художники? Это не те, кто умеет писать, а те, кому есть о чём писать. Кто знает, как и каким языком писать.

А может ли человек сказать что-то интересное для других, да ещё и красиво, да ещё и ярко, не будучи сам яркой и интересной личностью?

Вот и задумайтесь, «товарищи художники». Наверное, стоит вместо бесконечных «расслаблений» и рыбалок в ожидании «Музы» заняться своей сущностью и развивать личностный потенциал. Ведь диалог художника со зрителем, как и любой диалог, интересен только как разговор достойного с достойным. А в систему художественного образования, может быть, необходимо включить, наряду с прочим, задачу формирования из студентов полноценных и ярких личностей, повышая их общекультурный и интеллектуальный уровень, а не пускать это дело на самотёк под предлогом, что «они и так умные».

Да что там говорить о высоком! Сколько проблем, вызванных отсутствием и недопониманием системного подхода, возникает даже на уровне преподавания самых основ изобразительной грамоты. Одни маститые педагоги утверждают, что рисунок «должен быть» «конструктивным», другие отстаивают, как единственно правильный, «светотеневой метод», третьи — приверженцы системы Чистякова или школы Ашбе. И за одну и ту же работу на просмотрах по рисунку одни педагоги требуют поставить «пятёрку», а другие — «неуд».

Я был свидетелем таких «баталий» на Всесоюзной конференции художественных вузов, посвящённой преподаванию рисунка. Уважаемые и заслуженные профессора разных институтов, а иногда одного и того же, с пеной у рта доказывали друг другу единственную правильность своего метода в опровержение любого другого. Хотя на самом деле каждый из методов являлся всего лишь одним из многочисленных способов изобразительной грамоты, и студенты для полноты образования обязаны были бы овладеть всеми ими.

Вооружённые куцей системой изобразительной грамоты, ограниченным набором правил формальной композиции, якобы воплощающим творческую часть обучения, и имея на руках диплом, подтверждающий малообоснованный амбициоз, такие выпускники художественных учебных заведений пополняют толпы никем не востребованных «художников», не знающих и не понимающих, как им употребить полученные знания. Но зато все научены изображать! И лишь считанные единицы из них, обладающие яркими личностными качествами, становятся действительно творческими художниками.

«Но как же так?» — скажет обескураженный читатель. Ведь в музеях мира мы восхищаемся шедеврами, именно изображающими и предметы, и природу, и события.

ДВГНБ

ЭР00910

Так что же отличает эти шедевры от миллионов других изображений, к примеру, студенческих учебных натюрмортов или фигурных постановок? Что отличает учебный рисунок студента от рисунка Леонардо да Винчи? В чём принципиальная разница между пейзажем, написанным первокурсником на пленэрной практике, и таким же по размеру и по затратам холста и красок пейзажем Винсента Ван Гога, стоящего сегодня десятки миллионов долларов? Неужели только лучшим умением изображать?

Вот тут мы не обойдёмся без нашего определения трёх составляющих содержания в искусстве.

Смысловое содержание, то есть «что изображено?», наличествует и в тех и в других случаях. А вот эстетическое и эмоционально-ассоциативное содержание в студенческих работах следует поискать.

Чтобы рисунок стал графикой и произведением искусства (т. е. художественной ценностью), в нём должна присутствовать, кроме грамотного изображения как минимум, эстетическая составляющая: гармония формы, и как максимум эмоционально-ассоциативный образ. То же относится и к студенческому этюду, где при «реалистической передаче натуры» зачастую отсутствуют и эстетика формы, и главная часть содержания живописи — выраженный в цвете эмоционально-чувственный образ. Но всё это в системе советской «реалистической» школы презрительно именовалось «формализмом» и, естественно, выпадало из сферы художественного образования.

Не «правдивость» изображения делает рисунок или этюд шедевром, а то, что присутствует в рисунке кроме изображения! Не умение изображать делает художника, а то, как он владеет формой изображения как самодостаточным выразительным средством. Не за то нам нравится слушать пение птиц, что они поют забавные тексты, а за то, что нас восхищает само пение.

Учить изобразительному искусству с умения изображать предметы — всё равно, что учить вокалистов в консерватории с разучивания текстов песен. Как вокалист учится петь на формальных голосовых упражнениях, так и художник должен научиться владеть формой как таковой, а потом уже, если его талант окажется достойным, может использовать в своих работах изображение натуры, если выразительных возможностей самой формы окажется недостаточно для воплощения его творческого самовыражения. А умение «изображать», по идее, должно быть заурядным качеством любого образованного человека, но отнюдь не абсолютной самоцелью человека, претендующего называться художником.

В наши дни человечество настолько развило свои коммуникативные возможности и расширило представление об окружающем мире, что творчески выразить это в рамках только традиционных средств и возможностей изобразительного искусства практически стало уже нереально.

Искусство сейчас обращается к совершенно новым способам и возможностям художественного языка, иногда обходясь вообще нетрадиционными и неизобразительными средствами. Упрямство адептов только изобразительных форм искусства своей ограниченностью автоматически выводит их из активного игрового поля современного и будущего искусства.

Если художнику есть что выражать, то чем выражать или каким способом выражать, становится в наши дни личным делом данного автора. Проблема остаётся лишь в том, найдётся ли конкретный для данного произведения зритель, способный участвовать в предложенном художником диалоге.

Сложнейшая по своей интеллектуальной и эмоционально-образной насыщенности жизнь современного человечества ставит задачу пересмотра и расширения наших взглядов на творческий процесс вообще. Традиционное представление о творчестве, как о средстве «реалистического отражения действительности», уже ни в коей степени не может отвечать всему спектру сложнейших духовных запросов современного сообщества.

Как оказывается, творческий процесс далеко не однозначен. Попытки проанализировать эту («святая святых») область аналитическим умом дают любопытные результаты. Будучи слушателем факультета повышения квалификации при Московском высшем художественно-промышленном училище (бывшее Строгановское), я, к счастью, оказался на интереснейшей лекции по исследованию творческого процесса математическими методами кандидата математических наук, доцента МГУ Либермана. Среди прочих его остроумнейших рассуждений мне особенно интересным показался предложенный им оригинальный вывод о четырёх уровнях творчества, который, на мой взгляд, очень убедительно раскрывает логику творческого процесса.

Либерман разделяет творчество на качественно отличающиеся уровни по мере их сложности и значимости.

Первый уровень: решение типовой задачи типовым методом. Примером этому может служить любое произведение классического искусства, выполненное по классическим канонам, в том числе и наш «любимый» академизм.

Второй уровень: решение нетиповой задачи типовым методом. Сюда можно было бы отнести, к примеру, живопись импрессионистов, которые в традиционных пейзажах стали изображать не натуру как таковую, а впечатление от неё.

Третий уровень: решение нетиповых задач нетиповым методом. Иллюстрацией этому могли бы служить многие образцы современного авангарда, применяющего как традиционные, так и совершенно неожиданные решения в самых разнообразных и неожиданных вариациях.

И, наконец, четвёртый уровень. Либерман отнёс его к собственно творчеству — это создание метода. Только

ДВГНБ

ЭР00910

единицам в истории человечества удалось обогатить его культуру созданием нового метода. К таковым можно было бы отнести и метод объёмно-пространственной перспективы итальянца Джотто, и метод планетарной перспективы Петрова-Водкина, и экспрессивный абстракционизм Кандинского, и супрематизм Малевича. А также кубизм, сюрреализм, методы перформанса и инсталляций в современном искусстве и т. д.

Создатели метода и есть, по-настоящему, тот авангард, за которым движется всё человечество. Внутри каждого метода могут работать тысячи и тысячи последователей разной степени гениальности, обогащая человечество своими шедеврами, но метод кому-то первому надо создать.

Вот такие интересные выводы об искусстве сделал аналитический ум математика. Казалось бы, зачем поверять «алгеброй гармонию»? Художник творит интуитивно — как птица поёт. Известен классический, но, как выяснилось, не совсем корректный пример «талантливого» Моцарта и якобы «бесталанного» аналитика Сальери. Безусловно, творить и воспринимать искусство нужно, прежде всего, «душой», так как именно сюда и обращено искусство. Но где были бы и Моцарт и Сальери, если бы они не овладели музыкальной грамотой, не знали бы теории музыки, не тратили большую часть жизни на утомительные и выматывающие упражнения?

Знание не убивает творчество. Знание — его трамплин, а незнание есть глупость. Чем лучше профессионально подготовлен художник, чем яснее он представляет механику творческого процесса, чем выше его общечеловеческая и профессиональная эрудиция и культура, тем с более высокой точки начнётся его творчество и тем более глубинным, содержательным и эстетически значимым будет его произведение.

Безграничное многообразие человеческих индивидуальностей в современном мире определяет и безграничность способов творческого самовыражения и, соответственно, возможностей искусства.

Нашим многострадальным искусствоведам остаётся только втискивать это безграничное многообразие в рамки всевозможных «измов», направлений и течений. Но это их хлеб, пусть питаются.

Культура личности

Полноценный и законченный разговор об искусстве невозможен без такой его важнейшей составляющей, как личностная характеристика художника, и того, кому адресуется произведение. Одним из основных качеств, определяющих личность в социально развитом обществе, является уровень её культуры.

Культура в психологическом смысле — социально адаптированный способ выражения и удовлетворения эмоций. Она понадобилась человечеству для того, чтобы соизмерять свои эмоциональные потребности с необходимостью считаться с другими людьми. Неконтролируемое выражение и удовлетворение эмоций вне учёта мнения окружающих, а также неумение и нежелание адекватно воспринимать эмоциональные проявления других людей есть — **бескультурье**.

Для того чтобы иметь возможность сосуществовать с себе подобными, человеку приходится сдерживать и окультуривать свои эмоции, направляя их выражение в приемлемые для общества формы. Всё это, конечно, в той или иной степени ограничивает личностную свободу, но взамен человек получает доступ к благам цивилизации. Договорившись о приемлемых для общества правилах, казалось бы, ограничивающих свободу каждого, человечество приобретает свободу жить в обществе.

В психологическом смысле **полная свобода** — это ничем не ограниченное удовлетворение эмоций. Субъективно именно такое состояние ощущается как **безграничное счастье**, которое на подсознательном уровне, безусловно, является привлекательным для любого человека. Поскольку условия существования в социуме ограничивают необузданные проявления эмоционального, то и полная свобода в этом аспекте заведомо недостижима.

Доступная для реальной жизни в обществе индивидуальная свобода обеспечивается только **выполнением обусловленных социумом правил**. Нарушение личностью общественных правил ведёт к ограничению её свободы.

Попробуйте ездить в автомобиле, нарушая правила, то есть, не считаясь с другими людьми. Рано или поздно вы попадёте в аварию, потеряете здоровье, лишитесь прав на управление автомобилем, а то и попадёте в места не столь отдалённые, где уж, точно, ваша свобода будет весьма ограничена. А выполняя, казалось бы, ограничивающие вашу личную свободу правила, вы спокойно и свободно доезжаете из точки А в точку Б, получая гораздо большую свободу передвижения, чем свободу нарушать правила в угоду собственному самодурству.

Конечно, всякое ограничение свободы воспринимается на эмоциональном уровне болезненно, ведь наши эмоции — продукт громадного многотысячелетнего опыта жизни в условиях, где общество не было достаточно организованно, чтобы регламентировать личную свободу каждого. Неизбывное, основанное на инстинктивных мотивациях желание свободы, плохо осознаваемое здравым смыслом, а потому и плохо формулируемое, и ведёт ко всей этой неразберихе с определением «Что есть свобода?».

Многочисленные дискуссии по этому поводу — от анархистских утопий о некой «абсолютной» свободе до коммунистического определения свободы как «осознанной

ДВГНБ

ЭР00910

необходимости» (чьей и перед кем?) — до сих пор не дают конкретного и ясно понимаемого ответа.

Полная свобода, так горячо отстаиваемая некоторыми её адептами, — **иллюзия**. Человек, даже пребывая в абсолютном одиночестве в диком лесу, никогда не бывает полностью свободен. Он несвободен от внешних условий: климата, непогоды, чувства голода, внешних опасностей, болезней, необходимости бороться за выживание и т. д. Конечно же, необходимость сосуществовать с другими людьми ещё более налагает ответственность за желание быть свободным.

Ответственность за свободу и есть основной критерий, определяющий возможность пользоваться её благами. Многочисленные «борцы за свободу», требуя как можно более полных свобод, обычно именно об этом забывают. Даже самые уважаемые из их числа, к примеру, диссиденты советского периода, не учитывают, что «сарафан свободы» шьётся не для всех разом, а индивидуально — для каждого. Нельзя дать равную свободу и Валерии Новодворской, и приговорённому к пожизненному заключению насильнику-людоеду. И если Валерия Новодворская (советский диссидент и правозащитник, умерла в 2014 г.) с её уровнем культуры и гражданской ответственности совершенно справедливо негодовала по поводу тех ограничений, которые она претерпела от диктаторского советского режима, распространять её индивидуально обусловленное представление о свободе поголовно на всё население России было бы абсурдно. Ведь, к сожалению, в нашем обществе есть немало людей, чью свободу следовало бы ограничивать до самых жёстких пределов.

Все досужие истеричные вопли о свободе — чаще всего проявление социальной ущербности недопонимающих, чего они требуют, отдельных личностей либо спекулятивный приём оппозиционных политиков, желающих привлечь к себе симпатии большинства электората, поманив их розовым пряником иллюзорной свободы, которую, придя к власти, они тут же под разными предлогами у них и отбирают. История показывает, что чем больше криков о свободе, тем более чудовищной диктатурой это оборачивается. Вспомним хотя бы Парижскую коммуну с её гильотиной или большевиков с их фальшивыми лозунгами «свободы, равенства, братства», создавших самую чудовищную систему подавления личности.

Люди с неразвитой культурой, как правило, тяготеют к ничем не ограниченному выплеску своих бушующих и мало симпатичных для окружающих эмоций. Ведь зачастую это единственный доступный для их убогого самосознания способ получения хоть какого-то удовольствия от жизни. Для таких людей публично провозглашённый лозунг «Свобода!» открывает путь к необузданному и дикому проявлению животных инстинктов. При этом с помощью алкоголя или других отключающих сознание средств они стараются освободиться даже от тех недоразвитых зачатков контролирующего самосознания, которые общество успело-таки вложить в их жалкие мозги. Ведь их самосознание тревожит ещё и собственная несостоятельность, и неудачливость в жизни, а алкоголь освобождает от обидного осознания своей никчёмности. Феномен «всегда правой» толпы, к которой тяготеют «народные массы», освобождает их от остатков индивидуальной ответственности за своё «свободное» поведение, открывая всё самое звериное и дикое в человеке. И, естественно, захватив власть при помощи необузданного «народного» хамства, «ревнители свобод» тут же самым жесточайшим образом дают понять недавним «гегемонам», «кто в доме хозяин», а «гегемон» в очередной раз получает «мордой об косяк».

Внешние признаки низкой культуры наряду с разнузданным поведением и тягой к спиртному — несдержанная сексуальность и агрессивность, как основные проявления глубинной генетической памяти.

Речь людей, не обременённых культурой, перенасыщена ненормативной лексикой, основное смысловое содержание которой — бесконечные вариации грубо-непристойных сексуальных выражений, отражающих факт доминирования в их подсознании агрессивно-сексуального комплекса. Правда, ненормативная лексика прорывается и у культурных людей в состоянии сильного душевного волнения или аффекта в моменты, когда контролирующая функция сознания ослабевает.

Феномен ненормативной лексики любопытно проявил себя среди оппозиционно настроенной интеллигенции советского периода. Люди, обладающие достаточно высокой культурой, пользовались матерщиной, может быть, подсознательно, как протестной формой общения против официального языка, тем самым дистанцируясь от не принимаемой ими идеологии власти. Это породило в среде неформального интеллигентского андеграунда даже некоторую моду на нецензурную речь.

В психологическом аспекте культура как способ сосуществования в социуме необязательно обусловлена образованием, дипломами, эрудицией и прочими атрибутами высокой цивилизации. Всё зависит от уровня той конкретной среды обитания, которая успела сложиться в устойчивую, гармонизированную социальную структуру. Жизнь даёт примеры достаточной для условий среды культуры поведения людей, живущих в глухих, отдалённых от урбанизации местах, не получивших иногда даже минимального образования. Несмотря на ограниченный личностный диапазон, они, тем не менее, в рамках своего существования гармонично вписываются в традиции окружающего социума.

Чем шире и разнообразнее пространство обитания человека, тем более высоки требования к диапазону его личности. Человек, обладающий широким личностным диа-

ДВГНБ

ЭР00910

пазоном, легко адаптируется к любым новым и непривычным для него условиям жизни. Вспомним того джентльмена, который в любой компании свой человек.

Конкретный человек за свою недолгую жизнь на основании личного опыта не может успеть выработать весь необходимый для гармоничного существования в развитом социуме комплекс культурных понятий и навыков. Помочь ему может только опыт культуры, наработанный человечеством за его историю, хранителем которого являются, наряду с традициями, искусство и литература. Без минимального приобщения к искусству, не прочитав обязательной стопки книг именно классической литературы, то есть, не усвоив необходимого накопленного в классической литературе минимума «культурных правил» данного социума и способов корректного проявления своей эмоциональности, человек ни в малейшей степени не может претендовать на достойное место в современном культурном обществе. Даже при внешних атрибутах жизненного успеха он в своих проявлениях останется хамом и быдлом, а значит, будет для окружающих неприятным и нежелательным партнёром.

Тем, кого моя категоричность оскорбляет, могу в утешение предложить только одно: если не хочешь быть быдлом — не будь им, то есть поднимай уровень своей культуры.

Родителям, сознательно относящимся к воспитанию своих детей, следует знать, что если целенаправленно не воспитывать личность, иными словами, не приобщать ребёнка к общечеловеческим культурным ценностям, — вырастет кормовой овощ, а то и вредный сорняк.

Может быть, формирование зрелой, гармоничной личности из каждого гражданина и могло бы стать достойной «национальной идеей новой России»?

Культура творчества

Широкий диапазон развитой личности, конечно же, не ограничен только поведенческой культурой. Яркая личность гармонизирует и, соответственно, эстетизирует все проявления своей богатой эмоциональности. Испытывая общую для всех людей потребность эмоционального самовыражения, культурный человек облекает это самовыражение в самую приемлемую для общества и своего уровня культуры форму — через творческое самовыражение.

Искусство, таким образом, становится **непременным атрибутом высокой культуры**. Чем выше собственная эмоциональная культура человека, тем корректнее и опосредованнее он проявляет эмоции, используя для этого широчайшие возможности художественной формы. Высокая и окультуренная эмоциональность, наподобие высокоразвитого музыкального слуха, способна улавливать тончайшие нюансы и оттенки эмоций, обогащая наши впечатления от жизни. Ведь субъективно мы воспринимаем нашу жизнь только через ощущения. Чем длиннее жизнь, тем больше ощущений.

Развивая свою эмоциональность и культуру, человек резко увеличивает способность ощущать жизнь во всех нюансах её проявлений. Он получает способность видеть и воспринимать те обогащающие действительность детали и подробности, мимо которых грубо чувствующий пройдёт мимо, не заметив их. Таким образом, проживая такую же по продолжительности жизнь, человек по ощущениям от неё субъективно живёт как бы две или три жизни по сравнению с другими — менее развитыми в культурном отношении людьми. Уже ради этого одного стоит повышать свой культурный уровень.

В то время как люди с неокультуренными, хотя и сильными эмоциями (отсюда — с пониженным порогом восприятия) способны воспринимать и чувствовать только самые острые, яркие и грубые из них, так же грубо их чувства проявляются и в поступках, и в отношении к творчеству.

Поскольку искусство отражает все проявления личности, в нём в равной степени может воплощаться полный спектр её качеств. Как в поведении необузданная эмоциональность неприятна окружающим, так и в творчестве её проявление не отвечает хорошему вкусу. Чрезмерное и откровенное выплёскивание малокультурной эмоциональности в поведении и искусстве есть **пошлость**.

Этим во многом объясняется феномен индийского кино, адресованного многомиллионному индийскому крестьянству. В нём чувственно окрашенные эпизоды, такие, например, как сцены объяснения в любви, эмоционально преувеличены. Ведь чтобы достучаться до эмоций индийского крестьянина, не знающего ничего, кроме тяжёлой работы, необходим удар по ним «тяжёлой дубиной». В то же время у людей с более тонкими и воспитанными эмоциями индийское кино из-за превышения «болевого порога» вызывает рвотный рефлекс.

Было бы оскорбительно предлагать в качестве десерта гурману, определяющему на вкус до шестидесяти разновидностей сыров и способного назвать по букету, где, в каком году и из какого сорта винограда изготовлено то или иное вино, незамысловатые конфеты «подушечка», названные в народе «Дунькина радость».

Известен случай с Паганини, который упал в обморок от звуков гармошки: его утончённый слух не выдержал насилия над ним «этого варварского инструмента».

Культура эмоций, таким образом, — это **способность воспринимать нюансы, основанная на повышенном пороге развитого чувственного восприятия**.

Обычно проявления высокого творчества, как и гурманские деликатесы, находятся чаще всего за порогом восприятия, а значит, непонятны и неприятны людям с

ДВГНБ

ЭР00910

«простым», неразвитым вкусом. Вспомните те же сухие вина, устрицы или сыр рокфор.

Коммунистический лозунг недавнего прошлого «Искусство должно служить народу» (в вульгарной версии — «Искусство должно быть всем понятно») вооружил общество агрессивно-отрицающей реакцией на всё выходящее за рамки понимания самой отсталой и неразвитой части нашего населения.

Категоричное неприятие тех или иных проявлений творчества есть лишь свидетельство низкой эстетической культуры опровергателя. Конечно, каждый человек имеет право на личностные, субъективные вкусовые пристрастия, обусловленные индивидуальной, присущей только ему одному эмоциональностью и его собственным уровнем эрудиции и интеллекта. Именно по этим пристрастиям мы выбираем среди множества шедевров мирового искусства два-три наиболее сильно «цепляющих» конкретно нас за живое. А другому человеку «ляжет на душу» что-то своё. Но агрессивно распространять личные предпочтения как критерий на всё искусство — значит узурпировать аналогичные права других людей на восприятие своих, присущих их индивидуальности и уровню культуры форм творчества.

Объективным же критерием оценки художественного произведения может служить только профессионализм его исполнения, воплощённый в гармонии формы, эстетической культуре выражения эмоций и целостной передаче смыслового содержания, то есть в грамотном сочетании всех трёх слагаемых художественного содержания: **смыслового, эмоционально- ассоциативного и эстетического**.

Низкий уровень профессионализма в искусстве, как правило, сопровождается ещё и безвкусной дисгармоничной формой. Этим часто грешат многие, хотя, может быть, иногда и талантливые, но слабо наделённые культурой, самодеятельные художники, артисты и музыканты. К сожалению, в современной российской культуре (особенно на телевидении) это явление приобрело повальный характер. Более того, в массовой и самодеятельной культуре, которую наше неразборчивое общество поглощает с удовольствием не меньшим, чем «Дунькину радость», зачастую настолько снижен критерий профессионализма, что многие примеры её могли бы быть охарактеризованы аналогией: «Факир Вася Пупкин лежит на полу и не падает».

Эстетический вкус, как и потребление деликатесной пищи, требует развитости вкусовых ощущений и нуждается в соответствующем воспитании и культуре. Формирование способности полноценно воспринимать не только искусство, но и всё громадное богатство эстетических проявлений окружающей нас действительности, нуждается в необходимом для этого уровне образованности, эрудиции и тренированности эмоционального восприятия. Отсюда прямая рекомендация людям, не приемлющим непонятных им форм искусства: **«Хочешь “понимать” искусство — дорасти до его понимания»**.

Материал поступил в редакцию 16.12.2016 г.

Сведения об авторе: Бабуров Владимир Филиппович, ювелир, эмальер, график, скульптор, член Союза художников России (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: baburov.vf@mail.ru; тел. 8-962-501-09-40.

ДВГИИ

ТРИНЕЕВА ИННА МИХАЙЛОВНА

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЖАЗА (1950–1970-е гг.)

В материале освещён период развития джаза в СССР в 1950-е – 1970-е годы, выявлены характерные его особенности. Автор прослеживает историю становления наиболее ярких джаз-бандов, приводит краткие сведения из биографии выдающихся композиторов и музыкантов, останавливается на периодических печатных изданиях, публиковавших статьи о джазе.

Ключевые слова: СССР, джаз, Э. Рознер, В. Людвиковский, А. Блехман, О. Лундстрем, Ю. Саульский, джаз-клуб «Д-58», И. Вайнштейн, «Ленинградский диксиленд», Г. Гаранян, А. Кролл, журнал «Джазовый квадрат», Е. Барбан.

Keywords: the USSR, jazz, E. Rozner, V. Liudvikovskii, A. Blekhman, O. Lundstrem, IU. Saulskii, Jazzclub “D-58”, I. Vainshtein, “Leningrad Dixieland”, G. Garanian, A. Kroll, Jazz Square Magazine, E. Barban.

ДВГНБ

ЭР00910

Джаз, как огромный мир, заключающий в себе колоссальное многообразие звучаний — от самых первых блюзов до диксиленда, чарльстона, свинга, буги-вуги, горячего бопа, холодного бопа, мамбо и т. д. Всё это джаз, и я люблю его за то, что он представляет собой совершенно особый род эмоционального выражения, за то, что он никогда не бывает окончательно печальным или окончательно весёлым… Я люблю джаз и за его юмор. Он действительно играет нотами.

Л. Бернстайн[1], американский композитор, пианист.

История джаза во всём мире не была ровной, спокойной и безмятежной. Но ни в одной другой стране не было столько нападок на джаз, как в СССР. Вокруг этого музыкального направления шли не просто споры — шла идейная борьба. В 1940-е годы джазовая музыка ассоциировалась у советских критиков с «идолопоклонством перед Западом». Большинство оркестров были распущены, а репертуар оставшихся немногочисленных коллективов строго контролировался и дозировался: исключались произведения многих зарубежных композиторов и репрессированных авторов, а бэнд-лидерам вменялось в обязанность включение в свои программы произведений советских авторов. Время административного «разгибания саксофонов» продлилось до 1955 года.

Тяжёлые времена в истории нашей страны отозвались в судьбах миллионов талантливых, успешных и знаменитых людей. Не избежал жестокой участи и выдающийся джазовый музыкант, композитор и аранжировщик Эдди Рознер (1910–1976), чья жизнь была полна взлётов и падений и чьё имя сегодня практически забыто. По идеологическим причинам его вычеркнули из истории российского джаза, записи выступлений размагнитили, и произошло это дважды — в конце 1940-х и в начале 1970-х годов. Но между этими периодами были годы настоящего звёздного успеха, когда джазовые композиции маэстро вызывали бурные овации, а песни на стихи Ю. Цейтлина, М. Пляцковского, В. Масса, М. Червинского и Е. Долматовского становились шлягерами! Одарённый от природы и получивший классическое образование (в шесть лет поступил в Берлинскую консерваторию Штерна по классу скрипки, в 10 лет — в Берлинскую высшую школу, которую окончил с золотой медалью и выбрал главной любовью в своей жизни джаз, а скрипке предпочёл трубу). Тем, кому довелось слушать Эдди Рознера, говорили, что его труба звучала как скрипка. В 19 лет на всемирном конкурсе молодой джазмен получил вторую премию. Говорили, что именно тогда король джаза Л. Армстронг назвал обладателя второй трубы мира «белым Армстронгом» и вручил серебристую трубу с гравировкой «Eddie Rosner from New York».

Эдди Рознер был талантливым артистом, умеющим завоёвывать публику своим мастерством, обаянием, улыбчивостью, жизнерадостностью. Рознер-музыкант, по словам мэтра российской эстрады Ю. Саульского, обладал истинной джазовой базой, вкусом[2]. Инструментальные композиции, по большей части принадлежащие перу Юрия Бельзацкого и Эдди Рознера, отличает великолепный свинг и выдающийся талант Рознера как солиста-трубача. Большим успехом пользовались у слушателей хиты программы: «Караван» Хуана Тизола и Дюка Эллингтона, «Сент-Луис Блюз» Уильяма Хэнди, «Серенада» Тоселли, «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса, песни самого Рознера — «Тиха вода» и «Ковбойская песня», «Мандолина, гитара и бас» Альберта Гарриса.

Всё шло прекрасно до 18 августа 1946 года, когда газета «Известия» опубликовала статью Е. Грошевой «Пошлость на эстраде». С этой публикации началась травля оркестров, исполнявших лёгкий свинг и джаз. Запись Государственного джаз-оркестра БССР для Рознера «Прощай, любовь» оказалась последней. После этого маэстро принимает решение вернуться в Польшу. Однако делать это ему пришлось нелегально, и 28 ноября 1946 года он был задержан Львовским управлением НКГБ. Особым совещанием НКВД СССР Эдди Рознер был обвинён в измене Родине и приговорён по статье 58-10 к десяти годам лагерей. Отправлен он был на Колыму, правда, по дороге туда на четыре года был задержан в Хабаровске, где тогда располагалось Главное управление лагеря. Всё время, будучи в заключении, он писал ходатайства о пересмотре дела, но безрезультатно. После выхода из заключения (после смерти Сталина был освобождён 22 мая 1954 г.) неутомимый Рознер вновь организует оркестр, из прежнего состава которого остались лишь вокалист Павел Гофман и скрипач Луи Маркович. В 1957 году на советских экранах появляется комедия «Карнавальная ночь», озвученная оркестром Э. Рознера.

В 1960-е годы в оркестре играли музыканты, которые затем составят славу российского джаза: мультиинструменталист Д. Голощёкин, трубач К. Носов, саксофонист Г. Гольштейн. Великолепные аранжировки для бэнда писали В. Долгов и А. Мажуков, который, по словам маэстро, аранжировал не хуже американцев. Сам Эдди Рознер был в курсе того, что творилось в мировом джазе, стремился включать в программы лучшие образцы настоящего джаза, за что его неоднократно упрекали в прессе, обвиняя в пренебрежении советским репертуаром. В это же время была

1 Бернстайн Л. Музыка — всем. — М., 1978 г. — С. 153–154, 155.

2 Из интервью журналу "Jazz forum", 1989 г.

ЭР00910

записана единственная пластинка с участием польской вокалистки Катажины Воверы.

В 1973 году Рознер эмигрирует в Западный Берлин, но пожить на родине ему оставалось недолго. Карьера музыканта в Германии не складывалась: артист был уже не молод, никому не был известен, работу по специальности найти не мог. Какое-то время работал конферансье в театре, метрдотелем в гостинице. 8 августа 1976 года музыканта не стало. В память о прекрасном трубаче, бэнд-лидере, композиторе и талантливом режиссёре своих программ в 1993 году в Москве, в концертном зале «Россия», прошло замечательное шоу «В компании Эдди Рознера». В этом же 1993 году вышла в свет книга Ю. Цейтлина «Взлёты и падения великого трубача Э. Рознера». О джазовом виртуозе, настоящем шоумене, человеке со сложным авантюрным характером и непростой судьбой рассказывает документальный роман Д. Драгилева, вышедший в 2011 году, — «Эдди Рознер: Шмаляем джаз, холера ясна!».

Россия впитывала джаз, как и всё новое в западном искусстве. Одна из особенностей русской культуры — в синтезировании лучших мировых образцов с опорой на глубокие исконные традиции.

Надо отметить, что джазовая стилистика 1940-х годов определялась ориентацией на американский джаз. Лучшие джазовые коллективы Л. Утёсова, Б. Ренского, Н. Минха, Э. Рознера, В. Сапожнина существенно повысили мастерство аранжировки и исполнения, ориентируясь как на джазовую классику, так и на достижения американских оркестров, таких как оркестр Г. Миллера. Исполнители демонстрировали хорошее владение джазовой артикуляцией, аранжировщики более изобретательно строили оркестровые аккорды, звучание оркестра вплотную приблизилось к стилю «свинг». Влияние американского джаза отразилось и на репертуаре. Появление в сороковые годы на советских экранах американского музыкального фильма «Серенада солнечной долины» (муз. Г. Уоррена, Д. Гарланда, Г. Миллера) и других музыкальных фильмов, произведений Д. Гершвина, К. Портера повлияло на репертуар советских оркестров.

В 1950-е – 1970-е годы произошло окончательное размежевание джаза и популярной, развлекательной музыки. В 1948 году пианист и композитор А. Цфасман был приглашён работать музыкальным руководителем театра «Эрмитаж», где собрал большой оркестр, как тогда его называли «симфоджаз». Большие оркестры тогда уже начали менять стиль исполнения. На смену коротким танцевальным пьесам приходят композиции со сложной ритмической структурой. Это время характеризуется появлением новых джазовых стилей (би-боп, кул, хард-боп и др.), освоение которых в России шло постепенно.

Оркестр Л. Утёсова с 1948 года стал называться Государственным эстрадным оркестром РСФСР. Многие джазовые коллективы также получили статус государственных: Государственный джаз-оркестр Союза ССР под управлением В. Кнушевицкого, джаз-оркестр Всесоюзного радиокомитета и другие джазовые коллективы чаще звучат на грампластинках, по радио, на фестивалях или в специальных джаз-клубах, нежели на массовой эстраде.

В 1950-е годы сохраняется традиция инструментального джазового музицирования. По-прежнему популярны фантазии на темы советских песен, например, «Юбилейная фантазия» В. Людвиковского к 25-летию оркестра Л. Утёсова. В неё вошли песни, исполненные эстрадным артистом за четверть века. Кроме того, наряду с этими произведениями в репертуаре появились новые аранжировки музыкальной классики и советских композиторов, например, марш из оперы «Любовь к трём апельсинам» С. Прокофьева.

Первая половина 1950-х годов характеризуется симфонизацией оркестров. В моду начинают входить небольшие ансамбли из струнных, духовых (преимущественно деревянных) и ритм-секции (ударные, контрабас, гитара, фортепиано, аккордеон). Оркестры часто выступают на академических площадках.

В эти годы достойную конкуренцию оркестру Л. Утёсова в отношении театрализации составил оркестр А. Блехмана, созданный на базе Ленинградского театра миниатюр. В 1953–1960-х годах оркестр подготовил и показал несколько программ, в которых использовались различные направления театрализации. Так, программа 1953 года «По разным адресам» представляла собой театрально-музыкальное ревю. Театральная часть состояла из девяти сцен-интермедий, среди которых были и фельетон, и куплеты пародии. Музыкальная часть состояла из двух инструментальных пьес («Праздничный марш И. Жака и «Не все сразу» М. Валоваца).

В 1950–1960-е годы в среде эстрадных музыкантов происходит дальнейшее и всё более глубокое освоение стилистики джаза. Джазовое исполнительство развивается по двум направлениям: в больших оркестрах (биг-бэнд) и малых ансамблях. Ведущими коллективами становятся оркестры О. Лундстрема и Ю. Саульского.

Расцвет инструментального джазового музицирования наступает в 1960-е годы благодаря оркестру Олега Лундстрема. Маэстро родился в Чите в 1916 году, его отец Л. Ф. Лундстрем, обрусевший швед, был учителем физики. В семье всегда любили музыку и детей приобщали к ней. Первое знакомство с джазом у О. Лундстрема произошло в 1932 году, когда подросток купил пластинку с записью оркестра Д. Эллингтона «Дорогой старый Юг». Олег Леонидович впоследствии вспоминал: «Эта пластинка сыграла

ДВГНБ

ЭР00910

роль детонатора. Она буквально перевернула всю мою жизнь. Я открыл для себя незнакомую ранее музыкальную вселенную» [12, с. 309]. В Харбинском политехническом институте, где он получал образование, было немало друзей, желающих играть полюбившуюся музыку. Музыканты учились исполнять с пластинок популярные джазовые пьесы, делали аранжировки советских песен, прежде всего, И. Дунаевского, хотя впоследствии О. Лундстрем вспоминал, что ему было непонятно, почему мелодии Д. Гершвина идеально подходят для джаза, а песни советских композиторов — нет. Большинство участников первого оркестра Лундстрема не были профессионалами, они получили техническое образование, однако были так увлечены джазом, что твёрдо решили заниматься только этой музыкой. Постепенно коллектив стал знаменитым: работал в танцевальных залах Шанхая, гастролировал в Гонконге, на Цейлоне. Руководителя оркестра — О. Лундстрема — стали называть «джазовым королём Дальнего Востока». В период учёбы в Казанской государственной консерватории музыкантам удавалось выступать в Казани, записываться на радио, приобретая репутацию лучшего свингового оркестра. Особенно высоко были оценены двенадцать татарских народных песен, которые Олег Лундстрем с блеском аранжировал «под джаз». О маэстро и его биг-бэнде узнали в Москве. В 1956 году джазмены прибыли в столицу в прежнем составе и стали оркестром Росконцерта. Программы выступлений строились как двухчастные. Продолжая отечественную традицию, в первой части оркестр часто исполнял фантазии и парафразы на темы популярных отечественных песен. Второе отделение с инструментальной программой состояло из классических джазовых пьес (из репертуара биг-бэндов Каунта Бэйси и Гленна Миллера, Дюка Эллингтона), а также произведений, написанных участниками коллектива и самим маэстро. Это были «Фантазия о Москве», «Фантазия на темы песен Цфасмана», «Весна идёт» — джазовая миниатюра на основе песни И. Дунаевского. В музыкальных сюитах и фантазиях — произведениях крупной формы — музыканты-солисты могли показать своё мастерство. Это был настоящий инструментальный джаз! А молодые джазмены, которые затем составят цвет российского джаза, — И. Якушенко, А. Кролл, Г. Гаранян — сочиняли свои произведения изобретательно и с большим вкусом. Олег Лундстрем раскрывал талантливых вокалистов, которые исполняли эстрадные песни. В оркестре в разное время пели Майя Кристалинская, Гюли Чохели, Валерий Ободзинский, Ирина Отиева. И хотя песенный материал был безупречен, в центре внимания всегда был биг-бэнд и его солисты-инструменталисты.

Бэнд не звучал бы так профессионально, если бы не творчество одного из лучших аранжировщиков — Виталия Долгова. Критик Г. Долотказин писал о работе мастера: «Стиль В. Долгова не повторяет традиционной трактовки большого оркестра, разделённого на секции (трубы, тромбоны, саксофоны), между которыми постоянно ведутся диалоги и переклички. В. Долгову более свойственен принцип сквозного развития материала. В каждом отдельном эпизоде пьесы он находит характерную оркестровую ткань, оригинальные тембровые сочетания. В. Долгов часто пользуется приёмами полифонии, наложениями пластов оркестровых звучностей. Всё это придаёт его аранжировкам стройность и цельность» [12, с. 318–319]. Ярчайший талант молодого музыканта не мог остаться незамеченным. В середине 1960-х годов В. Долгов получает приглашение в оркестр Эдди Рознера и уезжает в Москву. Позднее он играет в биг-бэнде Вадима Людвиковского, а затем долгие годы его уникальный творческий почерк во многом определял лицо оркестра Олега Лундстрема, в репертуаре которого звучат и собственные композиции В. Долгова: «Оливер», «Любви дороги», «В наше время»... Одна за другой выходят грампластинки оркестра. Все аранжировки на виниловых дисках — Виталия Долгова.

Первая оттепель в СССР (1957–1962 гг.) принесла заметные плоды в культурном обмене между странами. Летом 1957 года в Москве проходил VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, приподнявший «железный занавес» и впустивший в страну западные джазовые коллективы, повлиявшие на формирование нового поколения советских джазменов. Позднее российским музыкантам и почитателям джазовой музыки посчастливится услышать прославленные американские коллективы: оркестр Б. Гудмена (1962), септет Э. Хайнза (1966) и т. д.

В конце 1950-х годов под патронажем комсомола (а власть постоянно контролировала вкусы, настроения и движения молодёжи) при дворцах и домах культуры стали возникать различные клубы по интересам. В больших городах появились джаз-клубы (первый в стране джаз-клуб «Д-58» был организован в Ленинграде в 1958 году); здесь музыканты проводили лекции, прослушивали грамзаписи и организовывали концерты джазовых ансамблей. Джазовую музыку можно было послушать на танцевальных вечерах и в учебных заведениях.

Особенно популярны были джаз-клубы в молодёжных кафе, открывшиеся под эгидой комсомола после 1961 года: «Аэлита», «Синяя птица», «Молодёжное» (Москва), «Белые ночи», «Буратино» (Ленинград), кафе «Квадрат» (Новосибирск). Одним из первых официально зарегистрированных и имевшим своё помещение и юридический адрес можно назвать Куйбышевский джаз-клуб. Первым его президентом был В. Коннов, под эгидой этого клуба с 1966 года в Куйбышеве проводятся джазовые фестивали.

ЭР00910

Середина 1950-х и 1960-х годов характеризуется расширением количества джазовых коллективов как в Москве, так и в других крупных городах. В столице работает пять джаз-клубов, в Ленинграде — три, в Воронеже, Казани, Свердловске, Ташкенте — по одному. Восстанавливаются и вновь организуются джазовые коллективы в Молдавии («Букурия» Ш. Аранова), Грузии (под руководством Г. Габескирия), Абхазии (А. Горбатых), Азербайджане (Р. Гаджиев). Интенсивность концертно-фестивальной и клубно-концертной жизни отечественного джаза подтверждается хроникой фестивалей, которые проводились в разных регионах России и ближнего зарубежья. Музыканты, принимавшие участие в клубных выступлениях, как правило, имели далеко не музыкальные специальности. Они получали образование в технических и гуманитарных вузах, музыкой занимались в свободное от учёбы или работы время. «Дети оттепели» представляли собой небольшие составы музыкантов, их называли ансамблями, в сущности, это были комбо — состав до девяти человек. Это был, можно сказать, романтический период в истории советского джаза. Развивало его так называемое «поколение физиков», их ещё называют «шестидесятники». Они играли и слушали джаз. Это была музыка, их своеобразное «джазовое пространство», образ жизни, некий социальный протест против тоталитарного общества. Ведь джаз — это всегда свобода от тисков и догматов. Студентам, рабочим, инженерам разных специальностей отсутствие опыта и музыкального образования заменяла самозабвенная любовь к джазу. Необходимо также отметить тенденцию к полному отказу от развлекательных номеров и исполнению инструментальной джазовой музыки («Ленинградский диксиленд», трио В. Ганелина), что дало возможность говорить о становлении джаза как инструментально-концертного жанра.

Превращение джаза в самостоятельный инструментальный жанр происходит в 1960–1970-е годы. Ведущую роль в этом сыграли ленинградские коллективы: джаз-оркестр И. Вайнштейна, «Ленинградский диксиленд», «Гамма-джаз», трио В. Мысовского, секстет и большой оркестр мюзик-холла О. Куценко, ансамбль А. Вапирова. В концертную практику возвращается форма джазовой лекции-концерта. В связи с массовой популяризацией джаза и возросшим к нему интересом, стало возможным проводить серии абонементных концертов. Причём не только в Ленинграде и в Москве (трио Л. Чижика, джаз-ансамбль «Арсенал» А. Козлова), но и в других городах: Ярославле, Риге, Калининграде, Донецке.

Надо отметить, что самое примечательное — это претворение в джазе национально-фольклорных элементов, что продемонстрировал в начале 1950-х годов оркестр О. Лундстрема во время гастролей в Москве. В программе коллектива были пьесы «Мечты» А. Манасыпова и «Татарская самба» А. Ключарева. Линия «национализации» становится одной из наиболее интересных и значимых в развитии советского джаза. В репертуаре ансамблей и больших оркестров появляются такие сочинения, как «Ноктюрны» К. Караева, фортепианный концерт В. Купревича, «Барыня» Н. Минха, «Мелания» И. Якушенко, ряд пьес М. Кажлаева. А в середине 1960-х годов отчётливо прослеживается тенденция фольклоризации джаза. Джазовые музыканты используют интонации и ритмы фольклора, что приводит к небывалому успеху. Произведением, демонстрирующим новый уровень использования фольклора в джазе, считается пьеса А. Товмасяна «Господин Великий Новгород». В основной теме слышатся отголоски знаменного распева, сочетающиеся с интонациями блюза. В пьесе использовались характерные для русской народной песни подголоски, имитировался колокольный звон. Она получила колоссальный успех. Кстати сказать, сам Андрей Товмасян с удивлением относился к тому успеху, который имел его «Новгород», и даже показывал всем основные народные темы в этой пьесе (отголоски распева, колокольный звон), гармонию которых он использовал. Но так уже бывало в истории музыки. Так, Римский-Корсаков писал в своём дневнике, что он в одной своей пьесе использовал находки Ф. Листа, но в результате получилась совершенно оригинальная музыка. Многие известные музыканты называли А. Товмасяна одним из лучших трубачей Европы, хотя инструмент музыкант освоил самостоятельно, изучая манеру игры, движения известных трубачей мира. Он где-то раздобыл кинопроектор «Украина» и смотрел дома джазовые фильмы (где он их доставал, никто не знал). Так маэстро постигал тонкости игры на одном из сложных инструментов, но беглое чтение нот он так и не освоил. Это, конечно, вредило музыканту, но позволяло работать в биг-бэндах. А. Товмасян редко записывался, потому что боялся, что его музыку будут использовать другие (да, история джаза знает такие примеры, это не новость!). В результате всего пережитого (два года в тюрьме за коммерческую деятельность) А. Товмасян стал инвалидом и на долгие годы исчез из музыки. Только с 2001 года музыкант, к удивлению любителей и знатоков джаза, изредка стал появляться на публике, в московских джаз-клубах. А. Товмасяном написана книга «Воспоминания», охватывающая огромный период его жизни: от детства, приобщения к джазу, пути к славе в 1960-е годы, времени затворничества и болезни…

Линию экспериментального джаза с обращением к фольклорным источникам — русским, армянским, курдским — поддерживает и трио Е. Геворгяна. Событием московского фестиваля 1968 года явилась пьеса И. Бриля «Ах, не растёт трава зимою», основанная на русском фольклоре, в исполнении фортепианного трио И. Бриля, а также исполненная квартетом А. Козлова обработка русской песни «Вот на

ДВГНБ

ЭР00910

пути село большое». Ансамбль В. Людвиковского (создан в 1966 г.) исполнял музыкальную картинку «Дорога в Суздаль», построенную на использовании традиций русской музыки и приёмов джазового музицирования.

В 1960-е годы одним из самых стильных биг-бэндов страны был Концертный эстрадный ансамбль Всесоюзного радио и телевидения под управлением В. Людвиковского. Руководитель оркестра был образованным опытным пианистом, композитором и дирижёром. С 1966 по 1972 год в состав коллектива входили будущие прославленные джазмены Г. Гаранян, Г. Гольштейн, А. Зубов, трубач К. Носов, тромбонист К. Бахолдин и контрабасист А. Сатановский, исполнитель на ударных инструментах А. Гореткин, пианист Б. Фрумкин. Высококлассные музыканты чаще всего работали в студии, хотя иногда и принимали участие в джазовых фестивалях Москвы, Праги, Варшавы. Причём В. Людвиковский до того, как создал собственный коллектив, в течение десяти лет работал у Л. Утёсова: в 1948–1958 годах он выполнял там обязанности музыкального руководителя и играл на пианино. Потом Людвиковский ушёл из оркестра и занимался композиторством. В 1966 году он созрел для того, чтобы создать свой собственный коллектив под эгидой Гостелерадио, который очень быстро стал популярным. Но оркестр просуществовал недолго, из-за скандалов коллектив был разогнан, и на его обломках возник другой, ставший впоследствии не менее знаменитым, — «Мелодия» (создан 28 марта 1973 г.), возглавил который бывший музыкант оркестра Людвиковского Георгий Гаранян. Что касается экс-руководителя, то он целиком посвятил себя композиторскому творчеству и создал много самобытных сочинений, которые исполнялись (записывались на пластинки) иностранными дирижёрами и оркестрами.

Большим пропагандистом джазовой музыки на филармонической эстраде был Ю. Саульский, композитор, разносторонне образованный музыковед, который создал необычный по составу коллектив — «ВИО-66» с вокальной группой (октетом). И хотя сам жанр вокального джаза восходил к традиции американских вокальных ансамблей, версии известных джазовых тем в оркестре Саульского всегда были самостоятельными и звучали по-новому. Коллективу приходилось смешивать в концертах джазовую программу, которую советская публика мало понимала, с развлекательно-популярной частью. И постепенно «ВИО-66» перешёл на обычную песенно-инструментальную программу. В оркестре работали такие музыканты, как А. Козлов, М. Цуриченко, Ю. Чугунов и А. Мажуков. «ВИО-66» просуществовал всего пять лет.

В Ленинграде был знаменит оркестр И. Вайнштейна. Организованный ещё в 1946 году как танцевальный коллектив, с годами бэнд стал выступать с концертами инструментального джаза. Большую часть его репертуара составляла настоящая джазовая музыка в инструментовках ведущих солистов оркестра. Признанным лидером коллектива стал Геннадий Гольштейн, он же выполнял функции концертмейстера оркестра. Популярность бэнда росла стремительно. Люди приходили не только танцевать, но и слушать музыку. Билеты раскупались сразу же после открытия кассы. Это был период взлёта. В 1959 году на фирме «Мелодия» вышла первая пластинка биг-бэнда. В обход существующих тогда правил, чтобы записать на пластинку американскую музыку, приходилось изменять названия и авторов композиций. Так, например, Стэн Кентон (Stan Kenton) стал Станиславом Канецким, а «American Patrol» — «Дозорным».

В 1962 году после выступления оркестра И. Вайнштейна на пленуме Союза композиторов СССР последовала разгромная статья в газете «Правда». Дальше всё пошло по советской системе, и оркестр был вынужден уйти в подполье. Однако он очень скоро возродился при поддержке А. Петрова, Л. Утёсова, А. Эшпая, А. Колкера и руководителей Ленконцерта. Тогда же, в начале 1960-х годов, судьба свела оркестр с музыковедом В. Б. Фейертагом, вместе с которым был организован целый цикл лекций-концертов о джазе.

Оркестр продолжал жить своей жизнью, менялись музыканты (в оркестр пришли саксофонист Всеволод Левенштейн и тромбонист-виртуоз Александр Морозов), за взлётами следовали закономерные падения. К концу 1960-х годов коллектив считался «самым свинговым биг-бэндом» в России. Музыканты самого высокого класса составляли его костяк, но центром оркестра всегда был квинтет Г. Гольштейна — К. Носова. В 1968 году оркестр перешёл на гастрольный режим работы, который продолжался до 1975 года. Сотни городов от Мурманска до Дальнего Востока, Украина, Белоруссия, Грузия, Крым, Прибалтика и Средняя Азия восторженно принимали музыкантов.

В 1963 году в Туле свою первую программу показал Приокский эстрадный оркестр, руководимый пианистом, композитором, аранжировщиком и бэнд-лидером А. Кроллом. Анатолий Кролл принадлежит к поколению музыкантов, пришедших в советский джаз в начале 1960-х годов. По окончании в 1959 году музыкального училища в Челябинске (класс фортепиано) Кролл пробует себя как пианист и руководитель эстрадных ансамблей в филармониях и концертных объединениях Челябинска, Ульяновска, где исполнялся, как правило, цфасмановский репертуар. Наиболее уникальным фактом этого периода является дебют семнадцатилетнего А. Кролла в качестве дирижёра-репетитора с Государственным эстрадным оркестром Узбекистана (1960–1962 гг.). Хотя коллектив не был джазовым, молодой руководитель объединил музыкантов, интересовавшихся джазом, и проводил с ними репетиции, более походившие на учебный джазовый курс.

ЭР00910

В оркестре он обнаружил нескольких способных музыкантов, тяготевших к джазовой импровизации. В это время проявляется педагогический дар А. Кролла, он решает довести этих ребят до высокого уровня и начинает заниматься с ними в свободное от репетиций время. Ударника обучает «сбивкам», басиста — умению слитно исполнять фразы с лёгким акцентом на вторую и четвёртую доли. Сам играет на рояле, но при случае берёт бас или садится за ударную установку, показывая, как надо выполнять тот или другой приём. В 1963 году в Тульской филармонии Анатолий Ошерович решил собрать большой оркестр, который серьёзно занимался современной эстрадой и джазом. За семь лет молодёжный джаз-оркестр превратился в настоящую джазовую лабораторию, в некую кузницу джазовых кадров, а имя А. Кролла стало брендом и наилучшей рекомендацией для любого музыканта, работавшего когда-либо в оркестре под управлением А. Кролла. Исполнительский уровень молодых джазменов более чем скромный, желание же играть джаз значительно опережало их возможности. Учиться приходилось всему: специфическому джазовому штриху, фразировке, умению играть синкопы, владению всем арсеналом джазовых тембров. Именно в этом оркестре по-настоящему раскрылось дарование А. Кролла как композитора, аранжировщика, дирижёра и педагога. Стихийно возникшая джазовая школа являлась в ту пору редкостью, поскольку специальных учебных заведений ещё не существовало, а тульский оркестр А. Кролла был открыт для всех, кто стремился серьёзно познать джаз. Среди оркестрантов появились одарённые солисты-импровизаторы. Именно здесь, в оркестре А. Кролла, открылись нашему джазу новые имена. Ни в одном из советских коллективов не было такого созвездия блестящих музыкантов-импровизаторов. В качестве учебного материала А. Кролл пользовался партитурами джазовой классики — Каунта Бэйси, Вуди Германа, выбирая их, как эталон оркестрового свинга. Правда, вскоре появились и свои сочинения, например, большая фантазия на тему старой эстрадной песенки «Рио-Рита» (полное название «For You, Rio Rita» — «Для тебя, Рио-Рита»). Эта мелодия звучала как фокстрот 1920-х годов, потом «а ля Бэйси», далее — в стиле «прогрессив». Если разобраться, в сущности, это была попытка втиснуть в рамки одной пьесы этапы истории джаза, то, к чему А. Кролл вернулся через пятнадцать лет в своей «Антологии биг-бэнда».

Через оркестр А. Кролла прошли десятки музыкантов. Работать у него означало пройти джазовую академию. Огромное значение для Кролла имела ритмика. В своем биг-бэнде он использует сложнейшие рисунки, ярко проявляется его пристрастие к латиноамериканским ритмам: он изучает кубинские, мексиканские, бразильские записи, прислушивается к исполнителям на ударных из Азербайджана, Узбекистана. В оркестре часто выступает как солист не только на рояле, но и на бонгах. «Современник», который в 1980-е годы получил название «Московский концертный оркестр», постоянно участвует в музыкальных фестивалях и смотрах, в эстрадных и джазовых программах, исполняет музыку Н. Минха, А. Мажукова, И. Бриля, Л. Чижика. Оркестр практически работает как экспериментальная лаборатория, занимающаяся новыми работами джазовых композиторов.

Особо отметим понимание Кроллом аранжировки, одним из принципов которой было отношение к ладу. А. Кролла интересовала ладовая самобытность и сюжетность, программность музыки. Он тяготел к музыке, в которой преобладает конкретное образное начало. Образность во всём — в интонации, гармонии, тембре. Партитуры А. Кролла узнаешь по нескольким тактам, колориту, манере музыкальной речи. Одной сыгранности музыкантов здесь мало. Дело не в том, чтобы тщательно выучить партитуру, надо ещё добиться от исполнителей внутреннего единства, преданности общей музыкальной идее. А это даётся не сразу. Почерк А. Кролла глубоко индивидуален. Это лёгкое, звонкое и в то же время плотное звучание, обилие контрапунктов. Музыкальная ткань, звуковая фактура, ритм, импровизация солистов — всё это создаёт, как говорят джазисты, «саунд», то есть неповторимое звучание оркестра «Современник» Анатолия Кролла (бывший оркестр Эдди Рознера), который он возглавлял в течение двадцати лет.

В 1960–1970-е годы в СССР появилось немало популярных коллективов, которые были созданы профессиональными музыкантами. Их возглавляли пианист Борис Рычков, трубач Герман Лукьянов, пианист Михаил Кулль, тенор-саксофонист, впоследствии педагог и автор первого джазового учебника «Гармония в джазе» Юрий Чугунов, альт-саксофонист, позднее создатель оркестра «Саксофоны Санкт-Петербурга» Геннадий Гольштейн, пианист, аранжировщик, дирижёр, позже руководитель мемориального оркестра им. О. Лундстрема Борис Фрумкин, гитарист Алексей Кузнецов. Кроме того, что эти музыканты — высочайшие профессионалы, всех их можно назвать талантливыми композиторами, писавшими музыку для своих коллективов, для популярных кинофильмов и спектаклей. В отличие от своих предшественников, которые заложили фундамент советского джаза, эти музыканты уже владели навыками импровизации. Так, «Ленинградский диксиленд» В. Королёва привлекал зрителей старыми проверенными временем ритмами: «Сент-Луи блюз», «Блюз Савой» и т. д. — или удивлял слушателей джазовыми интерпретациями народных песен «Светит месяц», «Вечерний звон» и других. Не остались без внимания джазменов и популярные советские песни. По-новому зазвучало произведение композитора В. Соловьёва-Седого «Вечерняя песня» в исполнении ансамбля пианиста М. Кулля; песню А. Фларковского «Стань таким» интерпретировали в джазовом

ДВГНБ

ЭР00910

стиле музыканты трио пианиста И. Бриля; Л. Гарин предложил слушателям известную песню Т. Хренникова «Колыбельная Светланы» в джазовой обработке. Композиции на темы известных и популярных мелодий представляли музыканты Д. Голощёкина — мультиинструменталиста и безупречного интерпретатора джазовой классики. Музыканты ансамбля джазовой музыки Давида Голощёкина исполняли произведения классиков джаза (Дюк Эллингтон, Дж. Гершвин) и джазовые версии известных советских песен (например, «Осень» А. Петрова). Уровень исполнительства здесь выходил на первый план, но все ансамбли работали в рамках мэйнстрима, то есть основного джазового направления.

К середине 1950-х годов, после долгих порицаний со стороны номенклатурного музыковедения, в академической литературе начинают появляться тексты, авторы которых ставили основной целью не очернить, а напротив, выказать поддержку жанру. Весьма показательно в этом плане изменение редакционной политики журнала «Советская музыка». Если в послевоенное время издание неоднократно демонстрировало негативное отношение к культуре джаза, то уже с 1955 года на его страницах появляются статьи В. Конен «Легенда и правда о джазе» (Советская музыка, № 9, 1955), Н. Минха «Размышления о джазе» (Советская музыка, № 2, 1958), рассматривающих импровизационную музыку без уничижения, как эстетически самодостаточное явление. В дальнейшем «Эстрада и цирк», «Культура и жизнь», а также издаваемый многомиллионными тиражами молодёжный журнал «Смена» напечатали статьи Л. Переверзева, Ю. Саульского, Ю. Дмитриева. Сам факт выхода в официальной советской периодике публикаций, посвящённых тематическим концертным выступлениям и фестивалям, свидетельствовал о начале джазовой оттепели. Тем не менее культурную амнистию, обретённую джазовой музыкой в 1950–1960-е годы, не следует идеализировать. Значительный объём статей тематически сводился к популярным историческим очеркам и журналистскому описанию концертных выступлений. Цензура была снята в первую очередь с репортажей о фестивалях, в то время как возможность более серьёзного музыковедческого и социокультурного рассмотрения жанра продолжала оставаться под запретом. Такие музыковеды, как В. Конен, Л. Переверзев, способные провести теоретический анализ афроамериканской музыки, вынуждены были публиковать в официальной печати тексты, которые соответствовали общепринятым идеологическим нормам. Однако то, что не могло быть высказано в рамках музыковедения, получало широкую огласку в неофициальной печати.

В 1966 году появился машинописный журнал «Джазовый квадрат» — первое периодическое издание о джазе на русском языке. Журнал издавался в Ленинграде первоначально под эгидой одноимённого джаз-клуба и распространялся среди джазовых критиков и музыкантов. Материалы «Квадрата» были уникальной возможностью знакомиться с миром отечественного и зарубежного джаза в эпоху острого дефицита джазовой информации. В журнале печатались ведущие российские джазовые критики и музыковеды, публиковались аналитические и теоретические статьи, рецензии на джазовые грамзаписи, списки лучших музыкантов в соответствующих инструментальных категориях. Его редактором был известный джазовый критик и теоретик Ефим Барбан, автор первой советской книги о фри-джазе «Черная музыка, белая свобода». Много лет он вёл музыкальные программы на Би-би-си. В последние годы опубликовал книги «Джазовые опыты», «Джазовые диалоги», «Контакты», двухтомник «Джазовые портреты», «Джазовый словарь». Последняя была выпущена в 2014 году петербургским издательством «Композитор». Словарь содержит джазовые термины и включает в себя статьи, посвященные разным аспектам джазовой теории, истории, стилистики, субкультуры, базовым элементам джаза… Но вернёмся на полвека назад. Благодаря «Квадрату» удалось задокументировать и сохранить огромный (двадцатилетний) пласт истории российского джаза, который пришёлся на пик его развития и популярности. Журнал заложил основы отечественного джазового музыкознания и серьёзной джазовой критики. Благодаря неформальному статусу издание не подвергалось цензуре. Эта немаловажная особенность позволяла его авторам работать с тематическими пластами, выходящими за пределы проблем, обсуждаемых в официальном советском музыковедении.

Что характерно для становления нового периода советского джаза в эти годы? Отношение к джазу как к серьёзному виду музыкального искусства, глубокое изучение основ джазовой музыки, пристальное внимание к более современным течениям джаза, возрастающий интерес к фольклору народов нашей страны, овладение профессиональным мастерством игры на инструментах, постижение искусства ансамблевой игры в большом оркестре. И, наконец, самое важное — молодые музыканты пришли к проникновению в тайны сложнейшего искусства импровизации. В стране к этому времени более десяти лет работали джаз-клубы, молодёжные кафе, во многих больших городах (Воронеж, Куйбышев, Днепропетровск, Ярославль, Рига, Хабаровск, Новосибирск) проводились конкурсы и фестивали джазовой музыки. К концу 1970-х годов под эгидой филармонии в разных городах страны работают около 30 джазовых коллективов. Появление джаза на филармонических площадках вызвало новую волну массового интереса к нему, а главное — сложилась аудитория, способная понимать серьёзный инструментальный джаз и любившая сложную музыку.

ИВГИ

ЭР00910

Список использованных источников

1. Барбан, Е. Джазовые портреты : сто очерков о музыкантах джаза / Е. Барбан. — Санкт-Петербург : Композитор, 2006. — 301 с.
2. Баташев, А. Н. Советский джаз : исторический очерк / А. Н. Баташев. — Москва : Музыка, 1972. — 175 с.
3. Бородина, Г. История джаза: основные стили, выдающиеся исполнители / Г. Бородина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : ИД «Классика», 2014. — 344 с.
4. Верменич, Ю. Джаз : История. Стили. Мастера / Ю. Верменич. — Санкт-Петербург [и др.] : Лань : Планета музыки, 2007. — 607 с.
5. Верменич, Ю. И весь этот джаз / Ю. Верменич. — Воронеж : Инфа, 2002. — 376 с.
6. Джаз в России : крат. энцикл. справ. / [сост. Фейертаг В. Б.]. — Санкт-Петербург : Скифия, 2009. — 497 с.
7. Золотая труба : Жизнь и творчество Эдди Рознера / Магад. обл. универс. науч. б-ка им. А. С. Пушкина ; [сост. Л. Д. Роньжина]. — Магадан, 1998. — 23 с.
8. Искусствоведение в контексте других наук в России и за рубежом: параллели и взаимодействия : сб. материалов Междунар. науч. конф. 14–19 апр. 2014 г. / ред.-сост. Я. И. Сушкова-Ирина, Г. Р. Консон. — Москва : Нобель-Пресс, 2014. — 710 с.
9. Петров, А. Анатолий Кролл — дирижёр, композитор, наставник / А. Петров // Джазовые силуэты : попул. изд. — Москва : Музыка, 1996. — С. 64.
10. Российский джаз : в 2 т. Т. 1 / под ред. К. Мошкова, А. Филипьевой. — Санкт-Петербург : Лань : Планета музыки, 2013. — 604 с.
11. Рыбакова, Е. Л. Развитие музыкального искусства эстрады в современной России : традиции, перспективы исследования / Е. Л. Рыбакова. — Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2006. — 280 с.
12. Советский джаз : Проблемы. События. Мастера : [сб. ст.] / сост. и ред. А. Медведев, О. Медведева. — Москва : Сов. композитор, 1987. — 591 с.
13. Фейертаг, В. Б. История джазового исполнительства в России / В. Б. Фейертаг. — Санкт-Петербург : Скифия, 2010. — 295 с.

Материал поступил в редакцию 06.09.2018 г.

Сведения об авторе: Тринеева Инна Михайловна, главный библиотекарь группы нотных изданий и музыкальной звукозаписи отдела «Центр комплексного библиотечного обслуживания» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: innatrineeva@bk.ru.

ДВГНБ

ЭР00910

СЫРВАЧЕВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА

ОПЕРА НА ХАБАРОВСКОЙ СЦЕНЕ В КОНЦЕ 1920-Х ГОДОВ

В статье рассмотрены художественно-эстетический и организационный аспекты деятельности оперных трупп с 1927 по 1929 годы в Хабаровске. Выявлены некоторые принципы подбора репертуара. Проанализированы материалы местной прессы об опере, опубликованные в конце 1920-х годов. На основе критических отзывов восстановлены особенности исполнительского прочтения отдельных оперных партий ведущими певцами-солистами, охарактеризована постановочная работа руководителей коллективов.

Ключевые слова: Дальний Восток России, советская музыкальная культура, советская музыкальная критика, музыкальный театр провинции, русская и западноевропейская опера, Г. С. Рейнард-Шаевич, Е. В. Холщевников, Л. В. Каннабих.

Keywords: Russian Far East, soviet musical culture, soviet music critic, province music theater, russian and western european opera, G. S. Reinard-SHaevich, E. V. KHolshchevnikov, L. V. Kannabikh.

ДВГНБ

Насыщенная событиями история музыкального театра Хабаровска связана прежде всего с жанром музыкальной комедии. По ряду причин именно весёлая оперетта утвердилась на сцене столицы Дальневосточного края (ранее — области), оставив в стороне жанры «высокого искусства» — оперу и балет. Однако последние вписаны в отдельные немаловажные страницы истории музыкально-театральной жизни города. Одна из этих страниц относится к начальному периоду развития советского музыкального театра на Дальнем Востоке России и ознаменована тесным контактом хабаровской публики с оперой в конце 1920-х годов.

Изучение условий бытования оперного жанра в Хабаровске в течение первых двух оперных сезонов — 1927–1928 и 1928–1929 годов (зимнего и летнего периодов) — представляет значительный исследовательский интерес и является целью данной статьи. Круг задач включает в себя установление артистического состава, хронологии выступлений, изучение западноевропейского и русского репертуара, содержания публикаций местной прессы по вопросам оперного театра, особенностей реакции хабаровской театральной публики.

Материалы прессы для изучения советской музыкальной культуры 1920-х годов имеют существенное значение. Посредством высказываний от имени «широких масс» большевистской прессой (в масштабах всего государства) формировался образ «новой аудитории». Формулирование требований «нового потребителя» входило в задачи так называемых рабкоров [38]. И хотя в Хабаровске публикации по музыкальному театру выходили из-под пера не рабочих корреспондентов, но более или менее компетентных критиков (выступавших под псевдонимами), все они пестрят следующими формулировками: «рабочий и мелкий служащий должен иметь возможность», «плохо то, что рабочий этой оперы не видел», «опера должна стать близкой рабочему зрителю», «содержание опер — не для теперешнего рабочего зрителя», «приспособить театр к запросам рабочего зрителя», «для максимального осуществления тех ответственных заданий, какие ставит перед ним [провинциальным театром — Авт.] партия и рабочий класс» и т. п. Подобные «требования рабочей аудитории», возглашаемые со страниц газеты «Тихоокеанская звезда» (далее — ТОЗ), имели несомненное воздействие на сценическую практику.

Динамика функционирования оперного жанра на хабаровской сцене 1920-х годов такова: в течение первой половины и середине 1920-х годов он был представлен здесь единичными спектаклями гастролировавших артистов; в 1925 году Краевое театральное объединение (КрайТЕО) запланировало формирование оперной труппы на сезон 1925–1926 годов [42], но только в 1927 году идею удалось реализовать практически.

В зимнем сезоне 1927–1928 годов оперная труппа выступала на хабаровской сцене в течение шести месяцев (с октября по март). Одновременно с ней работала комическая опера (оперетта), а в марте-апреле 1927 года выступал украинский национальный коллектив. Жанровая специфика опереточных и украинских музыкальных спектаклей была хорошо знакома хабаровчанам и по предшествующим театральным сезонам, благодаря чему хабаровская публика в определённой степени оказалась подготовленной к восприятию оперы. С другой стороны, одновременное пребывание в провинциальном городе двух коллективов (выступали попеременно) способствовало конкуренции не только между артистами и постановщиками этих коллективов, но и между самими жанрами — серьёзным и лёгким.

Изначально администрация театра выделила 8 вакансий «добавочных артистов для оперных постановок» [50], планируя дополнить ими труппу оперетты, а пофамильный список включал в себя уже 11 имён [51]. Информация по формированию обеих трупп вышла в газете ТОЗ в преддверии зимнего сезона. В ней сообщалось, что набор артистов производился «вернувшимся из центра» директором Хабаровского гортеатра Н. Н. Тумановым. Указан артистический состав двух коллективов (в некоторых случаях названо предыдущее место работы), постановщики, репертуар. В составе оперной труппы: сопрано Петипа (лирико-колоратурное, Тифлисская опера), Штейнберг (лирико-драматическое, Киевская опера), Кастальская (драматическое), Зенгина (лирическое), меццо-сопрано Ростопович / Растропович (Мариинский театр, Сибгосопера), Топоркова, Залесская, баритоны Алексашин («служивший в лучших оперных труппах»), Герасимов (МХАТ), Круглов, тенора Лебедев («служивший в лучших оперных труппах»), Знаменский (московский театр «Аквариум»), Каннабих / Коннабих (Свердловская опера), бас Холщевников (Тифлисская и Киевская оперы, Сибгосопера). Руководителями спектаклей были дирижёр Трауберг и режиссёр Алексашин. Вероятное увеличение стоимости билетов связано с тем, что «приглашенные труппы обойдутся очень дорого», при этом сам сезон обещает быть весьма интересным [36].

Первоначально заявленный репертуар включал в себя 14 опер: «Кармен», «Травиата», «Фауст», «Риголетто», «Демон», «Севильский цирюльник», «Трильби», «Евгений Онегин», «Царская невеста», «Паяцы», «Пиковая дама», «Аида», «Орлиный бунт», «Сказки Гофмана». Однако на деле постановок оказалось больше (15). В публиковавшихся на протяжении сезона анонсах появились новые названия («Лакме», «Борис Годунов», «Черевички», «Мазепа»), в то время как некоторые оперы показаны не были («Аида», «Сказки Гофмана», «Орлиный бунт»). Почти все постановки получили оценку в периодической печати (за исключением

ДВГНБ

ЭР00910

«Евгения Онегина» и «Лакме»), а некоторые удостоились внимания критики дважды («Фауст», «Трильби»).

Главную вину за неудовлетворённость зрителя постановкой «Кармен», открывавшей 15–16 октября сезон, критик возложил на «специфические условия, в которые вообще поставлена опера в нашем утлом и крохотном, с позволенья сказать, театре» и «режиссёрскую немощность». В числе неблагоприятных условий были названы: «крохотная сцена, зал без акустики, куцое место для оркестра, поздний набор труппы и получение оперной оркестровки только накануне <…> спектакля» [34]. В целом динамика критических отзывов об исполнительской стороне спектаклей отражает процесс постепенного возрастания качества коллективного музицирования — от разобщённости к гармонии на основе чувства ансамбля. Таковы положительные отзывы на постановки опер Рубинштейна, Россини: «С музыкальной стороной спектакля оперный коллектив, дирижёр и хормейстер справились, несомненно, удачно. Работа дирижёра и оркестра, мужской хор, до сих пор отличавшийся неслаженностью и в «Демоне» прекрасно проведший «Ноченьку», заслуживают всяческих похвал» [23]; «оркестр показал сыгранность, дирижёр — темп» [27].

Имела место положительная оценка игры оперных артистов: «…образ Кармен, мятущейся, уверенной в себе, удался» [25]; «…в опере [«Паяцы» — Авт.] места, художественно наиболее ценные, в театре были поданы выпукло, художественно, выразительно и сильно» [24]. Однако в целом режиссура оперных постановок, как и недостаточность актёрской проработки ролей, продолжала вызывать нарекания авторов газетной хроники на протяжении первых месяцев сезона. Так, в спектакле «Фауст» Е. В. Холщевников (Мефистофель) оказался «почти единственным актёром, не только певшим свою партию, но и игравшим» [29], а в «Риголетто» рецензента не убедила «легкомысленная игра вместо попытки создать легкомысленный образ» [26]. В «Травиате», по словам рецензента, «отсутствовал режиссёр» [28], «Демон» оставил всё то же «впечатление режиссёрской немощности», при этом упомянуты «неизменно удачные декорации Николаева» [23]. К концу календарного года «лучшим спектаклем оперного коллектива» была объявлена «Пиковая дама» [18], отличившаяся «тщательностью постановки», хотя здесь режиссёру в укор была поставлена интермедия, которую надлежало заменить на «своё советское слово» [20].

Опера А. И. Юрасовского «Трильби» на сюжет одноимённой драмы Г. Ге, как новое произведение советской культуры, стала объектом внимания дважды — в рецензии и хронике. Юрасовский назван талантливым композитором, новатором в области музыкального искусства, а его опера — отличающейся своеобразием, построенной по образцу лучших классических итальянских произведений и «выделяющейся из общей массы». Главный герой этой «музыкальной мелодрамы, насыщенной психологизмом и идеализмом» — «талантливый музыкант и болезненный ревнивец» Свенгали. Следовательно, «Трильби», хотя и имевшая успех на хабаровской сцене, «не может быть нами принята, как нечто чуждое по своему устремлению для советского театра». По мнению рецензента, «социальная значимость “Трильби” <…> отрицательна». С точки зрения исполнения оперы рецензент отметил «глубоко драматическую игру и прекрасное вокальное исполнение партии артистом Холщевниковым. Тип Свенгали, болезненного и талантливого пианиста, человека изломанного любовью и ревностью, удался вполне. Артист вел за собой весь ансамбль» [19]. Второй спектакль «Трильби» прошёл «при измененном составе участвующих», но «без особого успеха». Об исполнении главных партий критик написал: «Молодая артистка Тамарова (Трильби), обладая сравнительно небольшими голосовыми данными, <…> в вокальном отношении свои партии провела удовлетворительно. Знаменский (Б. [Билли — Авт.]), сильный в вокальном отношении, не сумел дать убедительной игры» [47].

Спектакль «Царская невеста» был назван «гвоздём сезона». «Режиссёру Алексашину, коллективу артистов и дирижёру Траубергу удалось дать прекрасное оформление и исполнение. Стиль этой русской оперы был уловлен и выдержан до конца». Рецензент акцентировал внимание на интересе к Н. А. Римскому-Корсакову не только как к музыканту, но и «революционеру в музыке»: «Текст многих опер композитора подвергался цензуре, а сам композитор увольнялся из Санкт-Петербургской консерватории за “свободомыслие”». Интерпретация автором содержания рецензируемого спектакля соответствует духу времени: «Это опера, рисующая быт и нравы времен Ивана Грозного, является зеркалом, в котором мы видим навсегда ушедшую от нас уродливую жизнь, давно ушедшее бытовое прошлое». Участие в спектакле многих артистов получило высокую оценку: «Растропович [(Любаша) — Авт.] провела свою партию, насыщая каждую фразу, каждое слово драматизмом, вкладывая и в пение, и в игру огромную чуткость и верную трактовку. Петипа [(Марфа) — Авт.], обладая чистым колоратурным сопрано и хорошей дикцией, проявила большой музыкальный такт». Среди исполнителей мужских ролей рецензент выделил Знаменского (Лыков), Алексашина (Грязной), Е. В. Холщевникова (Собакин) и других артистов [21].

В рецензии на постановку «Бориса Годунова» М. П. Мусоргский представлен «беспощадным врагом напомаженного искусства в стиле “Фауста” или “Травиаты”». Редакция Н. А. Римского-Корсакова была охарактеризована как искажающая авторский замысел: «…“вчерашний” “Борис” состоит в весьма отдаленном родстве с подлинным творе-

ЭР00910

нием Мусоргского и в отношении идеологической трактовки темы представляет собою весьма относительную "ценность"». Рецензент выразил сожаление, что лишь в Ленинграде на текущий момент зритель имеет возможность познакомиться с иной версией оперы: «"Борис Годунов" впервые за 60 лет своего существования предстанет, наконец, во всем величии подлинно-революционной оперы». Трудности для постановки оперы в редакции П. А. Ламма на провинциальной сцене были обусловлены не только отсутствием партитуры и клавира оперы, но и возможностями сцены: «Грандиозная музыкально-драматическая картина Мусоргского требует исключительного режиссёрского мастерства, главным образом, в постановке массовых сцен, о чем хабаровскому гортеатру с его примитивной технической оборудованностью и мечтать зазорно». К хабаровской постановке у рецензента имелись замечания идеологического характера: «Сцена в корчме излишне перегружается комическими моментами. Не надо забывать, что оперный реализм — реализм относительный. А главное — неправилен самый упор на безобидную "идиллию" бродяжничества; было бы куда интереснее дать в этой благодарной сцене жуткую картину пьяной Руси, характерную для смутного времени, как накипь, неизбежную среди взбаламученного моря мятежных страстей». С музыкально-исполнительской стороны критик положительно отметил Е. В. Холщевникова в роли Бориса — «музыканта большой вокальной и сценической культуры», Л. В. Каннабиха (Шуйский) и «героизм» оркестра под управлением Трауберга, преодолевшего «непосильные трудности сложной партитуры "Бориса"» [8].

Хроника на январского «Фауста» «в новой оркестровке, с изменённым составом исполнителей и вставным номером — фантастическим балетом "Вальпургиева ночь", поставленным в Хабаровске впервые», отводит этому спектаклю «одно из первых мест сезона» [17]. В то же время «Черевички» Чайковского критик отнёс к разряду «не лучших» его опер по причине участия в ней «в достаточном количестве чертей, ведьм и прочей фантастики». Соответственно, «центр тяжести "Черевичек" нужно было перенести на постановку». Критик с негодованием заключил, что «остается только прослезиться и радоваться братской дружбе царской России и Украины» [49].

Постановка «Мазепы» стала поводом для новых нападок на оперное наследие Чайковского ввиду его идеологического несоответствия запросам времени: «Не у Пушкина и Чайковского можем мы искать отображения тех больших движений, участником которых был Мазепа. Чистое оперное сведение исторических событий к индивидуальным трагедиям теперь кажется особенно фальшивым и неприятным». Отдавая должное музыкальным достоинствам произведения, представляющим «безусловную ценность», автор хроники посоветовал постановщикам сделать купюры. В целом, по мнению критика, коллектив с задачей справился, и «опера получилась удовлетворительно», чему способствовали «отдельные в постановочном смысле хорошие сцены и оркестр, добросовестно проведший всю оперу». И вновь положительное впечатление на автора заметки произвела игра артиста Е. В. Холщевникова: «Сцена заговора у Кочубея сделана очень тщательно и в постановочном отношении, и в музыкальном. Холщевников дал сильный проникновенный образ Кочубея» [44].

На закрытие зимнего театрального сезона была анонсирована обширная «прощальная» программа, включавшая в себя сцены из «Бориса Годунова», «Мазепы», «Паяцев» и оперетт — «Марицы» и «Баядерки» [13].

Предлагая читателю сомнительные идеологизированные суждения о композиторах, рецензенты проявляли ограниченность своих музыкально-исторических представлений: «Верди в свое время, в первой половине XIX века, в сущности, оказался родоначальником итальянского оперного искусства. До него Италия питалась произведениями французского театра» [28]; «Чайковский — певец вчерашнего дня, певец ушедших уютных и грустных сумерек, буржуазных радостей и печалей» [20].

Между закрытием сезона 1927–1928 годов и открытием нового сезона 1928–1929 годов в газете велось активное обсуждение театрального будущего города и края. О первоначальных планах администрации Хабаровского окружного отдела народного образования (ОкрОНО) и дирекции театра сообщалось: «В оперно-опереточную труппу войдут почти полностью артисты нынешней оперной и опереточной труппы. Хор, балет и оркестр будут <…> расширены. Ведутся переговоры о пополнении труппы новыми солистами. <…> Продолжительность зимнего сезона определена в пять с половиной месяцев» [32]. Эта информация стала ответом на корреспонденцию «Не делаем ли мы ошибку, распуская оперную труппу»: «После бесплодных в продолжение пяти лет усилий краевой центр в этом году впервые смог организовать оперный коллектив и доставить его сюда, что потребовало больших материальных затрат». С целью его сохранения предложено организовать летние гастроли в соседних культурных центрах. «Между тем, — пишет автор, — по имеющимся сведениям, в результате недоговоренности с Владивостоком, проявляющим в театральных вопросах недопустимое местничество, оперный коллектив стоит перед перспективой распада» [45]. О заключении договора об обмене труппами в зимнем сезоне 1928–1929 годов с Владивостокским ОкрОНО читатель вскоре был извещён [12].

В корреспонденции «Повторяются ошибки прошлого сезона» выражена обеспокоенность состоянием театрального дела в связи со сменой управляющих ведомств:

ДВГНБ

ЭР00910

«Дело от КрайОНО перешло к ОкрОНО, последний же передал целиком формирование Дальпосредрабису, который, во-первых, распустил всю труппу <…>, то есть тем самым уничтожил с таким трудом налаженный ансамбль и ядро труппы, поднявшее на себе сезон; во-вторых, для набора труппы командируется т. Теплов, который едет в Москву (!?) набирать новую оперную труппу в мае месяце, когда на бирже в Москве хороших певцов нет» [30]. В публикации «Комплектование оперы на будущий сезон» приведены сведения по артистическому составу труппы и репертуару. «В число премьер оперы включены: “Хованщина”, “Русалка”, “Дубровский”, “Садко”, “Аида”, “Тоска”, “Сказки Гофмана”, “Князь Игорь”. <…> Из прежнего состава оперы и оперетты приглашены артисты, пользующиеся наибольшей популярностью среди публики <…>. Открытие зимнего сезона в Хабаровске предполагается 1 октября» [16]. Согласно приведённому в этой публикации перечню фамилий в единый оперно-опереточный состав вошли три артиста из оперной труппы предшествующего сезона (Архипова, Знаменский, Холщевников), что свидетельствует о неудавшейся попытке сохранения оперного коллектива. Из восьми запланированных премьер выйдут две, позднее к ним прибавится «Мадам Баттерфляй». С точки зрения истории музыкального театра, важна информация, касающаяся вопроса формирования музыкальной труппы именно на базе Хабаровского ОкрОНО, поскольку дальневосточные коллективы были передвижными до начала 1930-х годов.

Согласно отчёту представителя Дальпосредрабиса В. М. Теплова по комплектованию труппы в Сибири и Москве, в начале июня был заключён ряд договоров на зимний сезон в Хабаровске с артистами Новосибирской оперы [35]. К концу месяца газета сообщила подробности о составе будущей труппы: «В числе приглашенных артистов драматический тенор Емельянов, драматическое сопрано Карпова, лирико-колоратурное сопрано Вронская, лирико-драматический тенор Бельский, лирическое сопрано Бельская. Дирижером приглашен <…> Шаевич [Г. С. Рейнард-Шаевич / Рейнарт-Шаевич — Авт.]» [9]. Полный список солистов оперы включал 18 человек [41].

Открыть сезон согласно плану не удалось по причине несвоевременного приезда артистов: «…ко 2 октября <…> собралось только из 86 человек — 30 артистов. Последние силы оркестра приехали только на днях. <…> время для репетиций было упущено, и дирекция сейчас затрудняется своевременно освежать репертуар. Приходится повторять каждую постановку несколько раз» [6]. Дополнительные хлопоты возникли в связи с вводом в эксплуатацию в ноябре 1928 года реконструированного здания Дворца труда — новой сценической площадки гортеатра.

Согласно регулярно публикуемым в газете анонсам, репертуар оперной труппы включал в себя следующие произведения (всего 9): премьерные спектакли «Русалка», «Аида», «Мадам Баттерфляй», а также прошедшие в прошлом сезоне оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Риголетто», «Севильский цирюльник», «Травиата», «Кармен».

Большинству спектаклей сезона 1928–1929 годов были посвящены рецензии и хроники (за исключением «Русалки», «Аиды» и «Кармен»). Своеобразным отзывом на «Аиду» стал фельетон, появившийся в печати в связи с давлением прессы на руководство театра по части репертуара: «За актом акт. Горит, мерцает / Гармонии прекрасной плоть — / ОНО [аббревиатура отдела народного образования — Авт.] с балкона созерцает / Рожденный в муках тяжких плод». Отметим антирелигиозный уклон в отдельных строках: «…И грянул бой, Аидный бой! / То вопль истошный Радамеса, / То вдруг торжественная месса, / И мощно, словно жеребцы, / Звучат попы, то бишь жрецы / (По моде тысячного года / На них ботинки “Скорохода”)…». Подспудно фельетон наталкивает на мысль об антисоциальной направленности вердиевских опер, воссоздавая ситуацию, когда одна из зрительниц спектакля, не разобрав имя эфиопской принцессы, всё же высказывает идеологически сомнительное желание: «Соседка шепчет мне с обидой: / — Куда приятней быть Изидой, / Чем машинисткой в нашем тресте! / — Не правы вы, клянусь по чести…» [46].

На постановку «Риголетто» были написаны две рецензии. Подобно музыке П. И. Чайковского, не угодившей вкусам апологетов революции и одновременно рецензентов спектаклей предшествующего сезона, музыка Дж. Верди была объявлена устаревшей, обесцененной временем. От лица массового зрителя критик возглашал: «Приноровленная ко вкусам зрителя своего времени музыка Верди, пройдя столетний этап, стала в очень большой степени банальной, обывательской, мещанской. Общеизвестные петые, перепетые и переигранные мелодии затасканы до степени мелодий дешевой халтурной эстрады. Можем ли мы в наших условиях, в условиях запросов нашего зрителя, считать постановку “Риголетто” как нечто ценное в хорошем музыкальном смысле, как то, что следует внедрять и рекомендовать в виде здорового музыкального материала? Конечно, нет» [37]. Не менее категоричен автор другой рецензии: «“Риголетто” написан в период господства мелодико-виртуозного стиля в итальянской опере, во времена “золотого века” певцов, <…> и в наше время может представлять интерес лишь при наличии у исполнителей высокоразвитой вокализации. При отсутствии этих данных опера теряет всякую ценность и становится скучной, ибо сюжет оперы, сведенный, в основном, к трагедии придворного шута, едва ли может представлять самостоятельный интерес для современного

ДВГИИ

ЭР00910

зрителя. Музыка же в целом сводится к бесконечным навязшим в ушах ариям, с прозрачным, весьма незатейливым аккомпанементом оркестра…» [3].

Высказывания в адрес композитора обусловлены идеологическими соображениями, однако замечания в адрес организаторов музыкально-театральных постановок отчасти справедливы. Автор рецензии требовал от организаторов спектаклей краткого изложения событий оперы либо в буклете, либо во вступительном слове перед началом спектакля: «В оперных театрах было одно хорошее правило — в кассе вы покупали не коротенькую программу с перечислением фамилий действующих лиц и их исполнителей, а так называемое либретто, в котором излагалось содержание оперы и передавался текст наиболее важных арий. <…> Опере не предпосылается и объяснения, что, как и почему происходит на сцене» [37]. Работа постановщиков не удовлетворила рецензентов: «Постановка оперы сделана “по-казённому”. Не чувствуется режиссёрской работы с хором, неорганизованным табуном блуждающим по сцене» [3]. К использованию в опере были предложены обычные для 1920-х годов приёмы работы с текстом оперетты, предполагавшие свободное переосмысление с целью придания произведению «злободневности»: «В постановку следовало внести больше оживления, ввести, хотя бы при помощи балета и сотрудников, моменты поясняющего характера. Режиссёр мог бы подправить анахронизмы оперы, освежить её своей творческой фантазией. Всё это недостатки постановки, которые, надо надеяться, будут устранены при повторении оперы. Ближе к нашему зрителю и современности», — лозунгом закончил автор своё напутствие постановщикам [37].

К артистам претензий почти не было: «Общее исполнение, даже принимая во внимание внезапную замену исполнителя партии Герцога (артист Бельский) артистом Каннабих, было более чем удовлетворительным. Безукоризненной исполнительницей Джильды была артистка Вронская» [37], «чистота и лёгкость в исполнении пассажей арии во второй картине заставляет предполагать о наличии у артистки [Е. В. Вронской — Авт.] прекрасных технических возможностей» [3]; «с большой экспрессией провёл партию и исполнитель Риголетто» А. А. Маршалов [37], этот «артист обладает большим голосом, что, однако, не даёт ему право чрезмерно злоупотреблять силой, почти форсировать в дуэтах с Джильдой» [3]. «В этом году опера, несомненно, обладает хорошим хоровым составом. Дирижёр Рейнард-Шаевич ведёт оперу с исключительным мастерством. Можно лишь рекомендовать ему поумерить пыл ударных инструментов оркестра, часто не соблюдающих никакого чувства меры в игре» [37].

В хронике на «Травиату» прозвучало требование «прекратить насыщать публику творениями Верди». Не спасли положения, на взгляд критика, «несуразности» «вроде того, что действующие лица одеты в современные костюмы, тогда как действие происходит в Париже в XVIII веке». С музыкально-исполнительской стороны спектакль получил положительную оценку: «Необходимо <…> отметить исключительную чуткость, с которой вёл аккомпанемент дирижёр Рейнард-Шаевич. Чисто и задушевно прозвучало вступление к 3-му действию. В скрипичном соло (Вайнштейн) хотелось бы ещё большей теплоты <…>». Из певцов критик выделил исполнителей партии Виолетты (Е. В. Вронская), Жермона-отца (В. П. Девлет) и некоторых других [4].

Опера «Евгений Онегин» в отзыве на спектакль была названа весьма «прибыльной». По мысли рецензента, несмотря на лирический характер музыки, в постановке следует обращать особое внимание на массовые сцены: «В этом отношении режиссёр оперы Багдассаров добился недурных результатов. Обе сцены бала, особенно у Лариных, не лишены оригинальности в смысле построения отдельных эпизодов. Но убожество костюмов и отчаянное неумение многих хористов вести себя на сцене весьма умаляют достижение режиссёра». Характеристики певцов-исполнителей отличаются лаконичностью и конкретностью: «…артист [Девлет (Онегин) — Авт.] в отношении вокализации (лёгкий звук, красивый тембр, прекрасное дыхание, диапазон) заслуживает самого лучшего мнения. В упрек ему можно поставить несколько небрежное держание на сцене, разбивающее общее впечатление. Бельский (Ленский) на этот раз был не совсем в голосе, это чувствовалось по тусклости низов и середины, хотя артист, как и всегда, блистал звучными и красивыми верхами. Радомская прекрасно справляется с партией Татьяны в вокальном отношении. Хотелось бы несколько большей теплоты исполнения, особенно в сцене письма. Как по внешним данным, так и в вокальном отношении не совсем удовлетворяет Ольга (Быстровская). Вертлявость на сцене далеко не обозначает резвости, а неровность и шатание звука артистки оставляет впечатление плохой вокальной школы. Холщевников, как всегда, с подобающим тактом провел роль Гремина, тепло спев арию «Любви все возрасты покорны», кстати сказать, взятую чересчур в медленном темпе в средней части. Старательно провела партию няни Топоркова, но, в то же время, артистке не мешает меньше форсировать звук и вести партию в более мягких тонах. Довольно стильный Трике — Каннабих должен, в конце концов, обратить серьезное внимание на детонирование верхов». Оркестр «… в “Онегине” показал себя с самой лучшей стороны, за исключением несколько резкого тона гобоя, особенно заметного в сцене письма. Кроме того, приходится не совсем согласиться с некоторыми чересчур медленными темпами, взятыми дирижёром». При этом состав оркестра в данном сезоне нельзя назвать сба-

ДВГНБ

ЭР00910

лансированным: «…ощущается количественный недостаток инструментов струнной группы (квартета). При наличии большого и мощного состава медных и деревянных звучность квартета в некоторых местах сильно теряется. Опытность и умение дирижёра Рейнард-Шаевича придают еще большую ценность оркестру. <…> Необходимо также умерить пыл “тимпанов” или же переставить их в другое место» [1].

Рецензия на постановку «Пиковой дамы» началась с идеологической проработки биографии и творческого наследия композитора. С каждой новой заметкой субординация по отношению к великим композиторам всё более нарушалась: «Чайковский, типичный представитель деклассированного дворянства 60-х годов, любил рыться в архивной пыли старого дворянского быта. Это видно хотя бы из той чуткости, с которой написаны композитором две его лучшие оперы с чисто дворянской идеологией: “Евгений Онегин” и “Пиковая дама”». И только после этой оговорки допускалось говорить о достоинствах музыки: «“Пиковая дама” впитала в себя все характерные элементы оперного творчества Чайковского: лиризм, сильно романтический темперамент и бьющую ключом мелодичность. Эти свойства, а также красочность самого сюжета (правда, с большими отклонениями от пушкинской “Пиковой дамы”), создали опере колоссальную популярность среди широких масс». Постановка вызвала у рецензента недоумение некоторой противоречивостью подхода к изображению места действия: «С одной стороны — наличие обычного, трафаретного реализма, с другой — условности (спальня Графини в сукнах, с одним креслом посредине). Сцена, обычно идущая у Зимней канавки, перенесена к знаменитому памятнику Петру I, который почему-то вдруг очутился у самой гранитной набережной и параллельно к ней. Мелочь, но бьющая в глаза. Недостаточно убедительна и грубовата картина видения гроба в сцене казармы». Исполнительская трактовка партий, в основном, была оценена положительно: «В партии Лизы артистка Карпова показала весь свой сценический опыт и блестящие голосовые ресурсы. Ценно то, что артистка, воспитанная, без сомнения, на старых оперных традициях, сумела найти новые краски для художественной и вокальной обрисовки героини. Исполнением даже такой запетой до одурения арии, как «Ах, истомилась я…», артистка сумела захватить слушателя. Герман — наиболее яркая фигура в опере. Толкование этой роли многообразно, но одно несомненно, что это романтически настроенный индивидуализм. Артист Емельянов, правильно в общем подошедший к роли, преподал ей чересчур много плаксивости, сантимента. С вокальной стороны исполнение партии Германа оставило в общем хорошее впечатление. Однако, обладая большим диапазоном голоса, кажется, что артист умышленно уменьшает силу середины и низов за счет иногда форсированных верхов. Определенная талантливость чувствовалась в музыкально тонком исполнении партии старухи Графини артисткой Архиповой. <…> В хорошем звучании оркестра вновь чувствовалась опытная рука, темперамент и чувство меры дирижёра Рейнард-Шаевича» [2].

В хронике на «Севильского цирюльника» критик выразил удовлетворение по поводу включения в репертуар оперы, которая «приближается к музыкальной комедии, не теряя, в то же время, чисто оперных достоинств», понравился оживлённый темп действия и то, как легко «музыкальные арии переходят в веселый речитатив». Постановка также показалась удачной: «Спектакль получился прекрасно сыгранный. Режиссёр Багдассаров показал себя с новой стороны, давши там, где надо, шарж, но не в той уродливой форме, в какой он преподносится зачастую в оперетте. Герои на этот раз не только пели, но и играли». Исполнители главных партий получили отзывы: Е. В. Вронская (Розина) проявила «богатство своих голосовых данных», В. П. Девлет (Фигаро) был «хорош», «Е. В. Холщевников в комической роли дона Базилио, учителя музыки, показал прекрасную игру и сумел при помощи голосовых средств дать ряд комических эффектов. Несколько слабее других был Альмавива — Л. В. Каннабих. Если с музыкальными ариями он справлялся прилично, то в игре его был ряд недочетов: привычка сутулиться на сцене, <…> шаблонность жестикуляции» [14].

Рецензия на постановку «Мадам Баттерфляй» полна восторженных восклицаний: премьера прошла с «небывалым триумфом», это «лучший в сезоне спектакль», «постановочная сторона <…> превзошла всякие ожидания». Исполнительница главной роли Е. В. Радомская «прекрасно сумела претворить трогательный образ Баттерфляй, придав ему обаяние со стороны чисто драматической интерпретации. <…> Красивый, подкупающий своей простотой тембр голоса артистки и прекрасная школа обеспечили полный успех и со стороны вокальной, кстати сказать, весьма трудной и ответственной. С Радомской «вполне гармонировали и остальные исполнители»: В. А. Бельский (Пинкертон), В. П. Девлет (Консул), Быстровская (Сузуки), Кузнецов (Горо). Оркестром испытание было «выдержано с честью». Из артистов оркестра, «высококвалифицированных музыкантов», были отмечены: «Войнштейн [/Вайнштейн — Авт.] — концертмейстер, Домашевич — альтист, Яковлев — виолончелист» [5].

В связи с окончанием сезона 1928–1929 годов вновь актуализировалась задача сохранения артистического состава, оставшаяся в 1920-е годы нереализованной. Об этом заявил председатель художественного совета в своём интервью сотруднику газеты: «Так как состав играющей сейчас оперно-опереточной труппы подобран хорошо, мы считаем необходимым закрепить её на Дальнем Востоке,

ЭР00910

законтрактовать главную часть её на лето, на следующий сезон. Симфонический оркестр, балет и хор можно будет использовать в летнее время для выступления в городском саду. Сад же нужно передать в ведение театра. Оставление здесь труппы позволит принять ряд мер и в смысле качественного улучшения репертуара. Нынче мы, например, не сумели поставить такой вещи, как “Орлиный бунт”, из времен пугачёвского движения» [43].

В мае было дано несколько спектаклей артистами из состава оперной труппы, работавшей в зимнем сезоне 1928–1929 годов, — «Паяцы» и показанные в один вечер фрагменты «Фауста» и «Евгения Онегина». Спектакли были исполнены артистами В. А. Бельским, В. П. Девлет, Е. В. Холщевниковым, Е. В. Радомской и Н. С. Архиповой. Критик иронизировал: «Несмотря на хороший подбор голосов, представлявших, по существу, “сливки” оперы, всё же нельзя сказать, чтобы спектакли <…> оставили вполне благоприятное впечатление. <…> Художественное оформление спектаклей никуда не годно. <…> аплодисменты вполне заслужены, ибо артисты не растерялись на голой сцене, у разбитого пианино, и сумели дать то, что от них ожидал зритель» [48]. Если в 1925 году концертное исполнение фрагментов оперы воспринималось критикой и публикой с энтузиазмом, то в конце 1920-х годов этот вариант казался уже неполноценным.

Тревожным симптомом времени стала информация «Результаты обследования оперного коллектива», опубликованная в конце сезона. Выделенная Окрпрофсоветом Владивостока комиссия постановила: «Двадцати членам коллектива, в том числе Холщевникову, Архиповой и Урвиловой, вынесены выговоры. Примечание. В коллективе театра «Золотой Рог» отмечены случаи антисемитизма, падения профдисциплины и богемы» [40].

Несмотря на то, что оперный спектакль для хабаровской публики 1920-х годов представлял собой относительно новое явление, всесоюзный диспут об опере хабаровского театрала не оставил в стороне. Спустя полгода с начала функционирования художественного совета в газете появилось объявление об организации в хабаровском гортеатре диспута «о значении оперы и нужности ее для советского зрителя» и анкетировании посетителей театра [11]. С высказанными в ходе диспута мнениями читателя газеты ТОЗ познакомил репортаж «Нужен ли нам оперный театр?». В диспуте приняли участие не только сотрудники гортеатра и другие ответственные лица, но и представители демократической аудитории. Высказались антагонисты оперного жанра: «любовные сцены из “Аиды” звучат фальшиво»; «во всех классических постановках, в том числе и оперных, нет темпа современной жизни» и т. п. Прозвучали слова поклонников оперного искусства и мнения, примиряющие противоположные точки зрения: «И всё же опера — наивысший вид искусства. Она больше всего воздействует на зрителя, так как состоит из четырёх основных элементов: вокального, словесного, драматического и инструментального»; «Опера должна быть созвучна современной эпохе! При установке на массовые народные праздники оперное искусство сыграет огромную роль». На вопрос «Нужна ли трудовой массе серьёзная музыка?» шахтёр тов. Корольков ответил утвердительно: «Змея и та любит музыку… Почему же не может любить её рабочий? <…> сделайте доступными цены на билеты, и мы, слышавшие раньше только “Барыню” и “Яблочко”, научимся понимать Бетховена». Оптимистичным оказалось мнение дирижёра оперного оркестра Рейнард-Шаевича: «Поверьте, что играть перед рабочими серьёзные вещи — наслаждение для музыканта!». С пожеланием устраивать такие дискуссии систематически автор завершил свой репортаж словами: «Бережливое отношение к музыкальной ценности оперного искусства проявилось почти во всех выступлениях. Это выдвигает перед Хабаровском проблему музыкального воспитания широких масс» [7].

Аналогичный диспут об опере развернулся в хабаровской периодической печати. Попытка взглянуть на оперный жанр с позиций современности была предпринята в проблемном выступлении «Опера». В числе причин, привлёкших «внимание всей советской общественности» к опере, упомянута очередная кампания по разоблачению — это «головановщина, то есть тот непритязательный клубок солистского кумовства, задвижения молодых сил, застоя и прочего, который был обнаружен в Московском Большом театре». Наконец советские люди «заинтересовались этим достоянием муз, которое государству влетало в копеечку, но которое старые и потрёпанные музы цепко держали в своих пальцах, не разрешая заигрывать с современностью. <…> А опера застыла в своем олимпийском величии, имя которому вампука». В понимании автора публикации, серьёзная проблема кроется в нарушении равновесия между компонентами оперного синтеза в процессе исторического развития, и теперь «драматический элемент в загоне», соответственно, «драматический уровень оперного артиста до невозможности низок». Однако такое положение, характерное и для центра, и для провинции, начинает меняться, потому что «на оперу начинают смотреть, как на средство воспитания широких масс». В условиях, пока новый оперный репертуар ещё не создан, необходимо пересмотреть подход к постановочной работе: «Пусть оперы стары, но пусть в этих операх проявляет себя режиссёр, пусть актёр действительно играет. Но и в столицах дело пока идёт по-старому. А провинция наша считает, что её дело плестись в хвосте». Автор проблемного выступления отметил значимость для

ДВГНБ

ЭР00910

города Хабаровска деятельности в нём оперной труппы: «Новая хабаровская опера <…> — явление значительное. Можно сказать, что Хабаровск только впервые приобщается к серьезной музыке. И, действительно, дело в новой опере поставлено солидно. Нечего и говорить, что хабаровский оперный театр звёзд с неба не хватает. Всё сказанное выше целиком приложимо к нему. Но то обстоятельство, что хабаровская опера обладает оркестром сравнительно большим, с хорошим дирижёром, уверенно ведущим оперу; то, что целый ряд солистов обладает приличными голосами, то, что хор звучит сильно и согласно, — делает оперу в наших условиях значительным культурным явлением» [31].

Сравнительная характеристика репертуара хабаровской оперы и столичных театров, а также оценка некоторых современных явлений в сфере музыкального театра даны критиком М. Ковским: «Даже те небольшие новые веяния, которые коснулись (очень незначительно) оперы в центре, совершенно оставили в стороне хабаровскую оперную труппу. В Москве наряду с неизбежными "Царскими невестами" всё же блеснула "Любовь к трём апельсинам" Прокофьева — вещь, нарушившая застоявшуюся трясину Большого театра, хотя бы только своей новой музыкой, своим совершенно оригинальным вещественным оформлением. Почти в то же время, как хабаровская опера дала нам традиционного "Бориса Годунова", этот же "Борис" шёл в Ленинграде в оригинальной редакции Мусоргского, очищенный от стилизации Римского-Корсакова, и это явление носило в опере революционный характер. Наконец, совсем недавно в Московском Экспериментальном театре шла "Лакме" по новому либретто». Автор даёт отрицательную оценку существующей практики исполнения старых опер с новым текстом: «Создание нового оперного репертуара — дело не лёгкое и не скорое. Перелицовка старых опер, как показал опыт, дала печальные результаты. И это, конечно, вполне оправдывает репертуар хабаровской оперы, далеко отстоящей от центра». Согласившись (с оговорками) с репертуаром оперной труппы, по отношению к оперетте автор проявил предубеждённость [15].

В проблемном выступлении «Вопросы театра на широкое обсуждение» вина за отсутствие интереса у массового зрителя возложена на театральные коллективы и их руководство: «Почему наши театры убыточны? <…> потому, что они не рассчитаны на обслуживание масс, широких масс, а рассчитаны на узкий круг отдыхающего городского зрителя, обывателя, нэпмана. <…> И опера несколько сезонов подряд дала дефицит, потому что она обслуживала узкий круг людей, не сумела выйти в массы, стать массовым искусством» [10].

Репортаж из Владивостока «Опера стала безубыточной» заставляет с социологической стороны подойти к вопросу рентабельности оперных спектаклей, сравнить уровень запросов хабаровской и владивостокской публики: «Гастроли оперы и оперетты продолжаются с прежним успехом. Наиболее удачной постановкой до последнего времени явилась опера "Чио-Чио-сан", прошедшая с битковым сбором около шести раз. Все постановки "Фауста" прошли также при переполненном зале. Несмотря на боязнь всех местных организаций того, что содержание оперы и оперетты нанесёт крупный ущерб местному бюджету, картина получилась совершенно противоположной. За всё время гастролей по настоящее время дефицит составил только около 5 тыс. рублей <…> из-за того, что большое количество мест предоставлялось профсоюзам со скидкой. Явление, чтобы опера окупала себя, довольно редкое вообще для всего Союза» [33].

Применительно к музыкально-театральным жанрам, представленным на сцене хабаровского гортеатра, были введены ограничения по радиотрансляции: «Опера, в условиях нашей современности, если и не имеет идеологической выдержки, то все же ценна с точки зрения "чистого" искусства (красивая и серьёзная музыка, выдержанный, в большинстве случаев литературный, сюжет); но передача оперетты по радио для слушания тысячной аудитории — вещь, идеологически ни с какой стороны неприемлемая» [22].

В целом функционирование оперы в Хабаровске имело ряд особенностей. Ввиду отсутствия местных кадров оперных певцов-солистов коллектив состоял из приезжих артистов. Этим объясняется наличие объективных трудностей в организации оперных сезонов в Хабаровске.

К тенденциям репертуара можно отнести ориентир на самые популярные в отечественной сценической практике произведения, партии которых были хорошо известны исполнителям. Включение некоторых опер в репертуар дальневосточной труппы продиктовано интересом к ним в столичных театральных кругах. Так, особое внимание к «Борису Годунову» связано с бурным обсуждением в печати вопроса редакций этой оперы — вопросом, получившим «политическое звучание» [39, с. 56]. В стремлении удовлетворить требованиям цензоров по обновлению оперного репертуара предпринимались попытки включения современных образцов жанра («Трильби»; неосуществлённый замысел постановки «Орлиного бунта» А. Ф. Пащенко).

В первом из двух рассмотренных сезонов в адрес оперной режиссуры была направлена жёсткая критика, что во многом объясняется крайне стеснёнными условиями сценической площадки. В связи с переходом в новое здание в следующем сезоне возможности режиссуры расширились.

Нередко критике подвергалось творческое наследие композиторов. Лирика, психологизм, раскрытие трагических аспектов бытия личности в творчестве П. И. Чайковского,

ДВГНБ

ЭР00910

Дж. Верди вызывали негативную реакцию рецензентов, наряду с применением «классового подхода» к их творчеству. Эта установка хабаровской прессы отражала позицию столичных изданий: «Новые критики воспринимали музыку Чайковского как символ того миропорядка, который сокрушила революция» [39, с. 567].

Линия показа оперных спектаклей на хабаровской сцене не прервалась на рубеже десятилетий. В зимнем сезоне 1929–1930 годов спектакли оперной труппы в Хабаровске начались с 1 января 1930 года, согласно планированию Дальпосредрабиса. Вопрос функционирования оперного жанра на хабаровской сцене в 1930-е годы требует отдельного рассмотрения.

Список использованных источников

1. *А. Евгений Онегин / А. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 20 нояб.*
2. *А. Пиковая дама / А. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 24 дек.*
3. *А. Риголетто / А. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 22 нояб.*
4. *А. Травиата / А. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 2 дек.*
5. *А. Чио-Чио-сан / А. // Тихоокеан. звезда. — 1929. — 13 янв.*
6. *Арк. Почему задержалось открытие сезона / Арк. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 1 нояб.*
7. *Арк-ский. Нужен ли нам оперный театр? / Арк-ский // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 20 дек.*
8. *Б. Зет. «Борис Годунов» на сцене Хабаровского гортеатра / Б. Зет. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 6 марта.*
9. *В конце июля из Москвы… // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 30 июня.*
10. *Вопросы театра на широкое обсуждение // Тихоокеан. звезда. — 1929. — 19 сент.*
11. *Диспут о значении оперы… // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 27 нояб.*
12. *Договор об обмене труппами // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 13 апр.*
13. *Закрытие зимнего театрального сезона. Первые гастроли харьковской труппы // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 30 марта.*
14. *И. Севильский цирюльник / И. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 24 нояб.*
15. *Ковский, М. К приезду драмы / М. Ковский // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 5 апр.*
16. *Комплектование оперы на будущий сезон // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 7 апр.*
17. *М. Фауст / М. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 31 янв.*
18. *М. С. Пиковая дама / М. С. // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 31 дек.*
19. *Мих. С. Трильби / Мих. С. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 22 янв.*
20. *Мих. Суви-й. Пиковая дама / Мих. Суви-й // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 23 дек.*
21. *Мих. Суви-й. Царская невеста / Мих. Суви-й // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 11 янв.*
22. *Н. А.-АВ. Музыка в радио / Н. А.-АВ. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 10 февр.*
23. *Н. И. Демон / Н. И. // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 29 нояб.*
24. *Н. И. Паяцы / Н. И. // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 19 нояб.*
25. *Н. И. Первый утренник в гортеатре / Н. И. // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 1 нояб.*
26. *Н. И. Риголетто / Н. И. // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 3 нояб.*
27. *Н. И. Севильский цирюльник / Н. И. // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 5 нояб.*
28. *Н. И. Травиата / Н. И. // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 23 нояб.*
29. *Н. Из. Фауст / Н. Из. // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 22 окт.*
30. *Наблюдатель. Повторяются ошибки прошлого сезона / Наблюдатель // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 6 мая.*
31. *Нифоль, К. Опера / К. Нифоль // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 13 нояб.*
32. *Опера остаётся на будущий сезон // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 29 марта.*
33. *Опера стала безубыточной // Тихоокеан. звезда. — 1929. — 8 мая.*
34. *Пенсне. Открытие зимнего сезона. Кармен / Пенсне // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 18 окт.*
35. *Подготовка к зимнему сезону // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 7 июня.*
36. *Приглашены две труппы — оперная и комопера // Тихоокеан. звезда. — 1927. — 25 сент.*
37. *П-э. Риголетто / П-э. // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 16 нояб.*
38. *Раку, М. Г. «Новый потребитель» в советской музыкальной культуре 1920-х годов: к постановке проблемы «имплицитного зрителя» / М. Г. Раку // Социология музыки: новые стратегии в гуманитарных науках : сб. ст. по материалам междунар. конф. / ред.-сост. В. Валькова, Е. Ключникова. — Москва, 2011. — С. 250–262.*
39. *Раку, М. Г. Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи / М. Г. Раку. — Москва : Новое лит. обозрение, 2014. — 720 с.*
40. *Результаты обследования оперного коллектива // Тихоокеан. звезда. — 1929. — 8 мая.*
41. *Список артистов оперы — оперетты Хабаровского театра. Опера // Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2480. Оп. 1. Д. 4 [1 октября 1928 – 20 июля 1929]. Л. 6.*
42. *Сырвачева, С. С. Музыкально-театральная жизнь Хабаровска середины 1920-х годов в зеркале прессы / С. С. Сырвачева // Диалоги о культуре и искусстве : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. изд-ва «Школа науки» (Чита, 30–31 июля 2018 года). — (в печати).*
43. *Театр в крае // Тихоокеан. звезда. — 1929. — 25 янв.*
44. *ТЕАТРАЛ. Мазепа / ТЕАТРАЛ // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 27 марта.*
45. *ТЕАТРАЛ. Не делаем ли мы ошибку, распуская оперную труппу / ТЕАТРАЛ // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 27 марта.*
46. *Травин, Г. Маленький фельетон «Аида». Дружеский шарж / Г. Травин // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 16 нояб.*
47. *Трильби // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 28 янв.*
48. *Ф. Гастроли артистов оперы / Ф. // Тихоокеан. звезда. — 1929. — 28 мая.*
49. *Черевички // Тихоокеан. звезда. — 1928. — 11 марта.*
50. *Штаты труппы, административного <…> персонала для Хабаровского городского театра при ДалькрайОНО на 1927–1928 год. Добавочные артисты для оперных постановок [пофамильный список]. Для оперы // РГИА ДВ. Ф. Р-2534. Д. 27. Л. 66 (об.) – 67.*
51. *Штаты труппы, административного, технического, монтировочного и обслуживающего персонала для Хабаровского городского театра при ДалькрайОНО на 1927–1928 год. Добавочные артисты для оперных постановок // РГИА ДВ. Ф. Р-2534. Д. 27. Л. 10 (об.).*

Материал поступил в редакцию 08.10.2018 г.

Сведения об авторе: Сырвачева Светлана Сергеевна, старший преподаватель кафедры искусствоведения, музыкально-инструментального и вокального искусства Хабаровского государственного института культуры (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: fotin_s@mail.ru.

ЭР00910

ЛОБАНОВА АЛИНА АНДРЕЕВНА

ТРАДИЦИОННОСТЬ И САМОБЫТНОСТЬ ОБРАЗА КОТА ЕГОРА В ПОВЕСТИ Н. Д. НАВОЛОЧКИНА «КАНИКУЛЫ КОТА ЕГОРА»

В статье рассматривается образ кота Егора, персонажа повести Николая Дмитриевича Наволочкина, через призму русских фольклорных и литературных традиций в изображении кота. Выделены и описаны индивидуальные, самобытные черты, воплотившиеся в персонаже. Наряду с исследованием художественных особенностей в создании образа кота Егора проводится сравнительный анализ специфических черт других образов кота в произведениях русских и зарубежных авторов.

Ключевые слова: образ, кот, коннотативная окраска, традиционное изображение, самобытность.

Keywords: figure, cat, connotative coloring, traditional image, originality.

ДВГНБ

Образ кота довольно часто встречается в мировой литературе, в каждом конкретном случае он несёт с собой определённую коннотативную окраску. В устном народном творчестве кот чаще всего является защитником дома, хранителем спокойствия ребёнка. В сборнике детских народных «Песенок» О. И. Капицы кот предстаёт в роли няньки для ребёнка: «Котик-коточек, приходи к нам на денёчек. Нам ни спать, ни лежать, а всё Машеньку качать» [4, с. 4]. Тоже значение можно обнаружить и в сборнике «Русских народных колыбельных песенок» Л. И. Александровой: «Приди, котенька-коток, Приди, серенький хвосток, Приди, котик, ночевать, Приди с Костенькой играть. Уж как я тебе, коту, За работу заплачу: Шубку новую сошью И сапожки закажу» [3, с. 8].

Ещё одной формой устного народного творчества являются сказки, в них образ кота представлен с разными отличительными чертами. Например, в сказке «Кот, дрозд и петух» петуха от хищных лап лисицы спасает кот, исполняя роль защитника своих друзей. Во множестве других сказок этот персонаж изображён хитрым и живучим зверем. Так, в «Лисушкиной свадьбе» дано такое описание кота: «Я-кот-медный лоб, Ножками топ-топ, Глазами хлоп-хлоп! На печи сижу, Востру шапку держу, Кто ко мне в хату войдёт, Тот живым не уйдёт! Убирайся, лиса, Не мозоль мне глаза!» [6, с. 64]. С помощью хитрости и грозного вида кот спасает свою жизнь и остаётся невредим. В пословицах и поговорках облик кота окрашен в негативные тона. Кот олицетворяет принуждение, связывается с недостатком и неизвестностью чего-либо, сложностью, кратковременностью счастливых дней.

Самой известной литературной сказкой с участием кота стало произведение А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», в ней кот выполняет функцию проводника и стража между сказочным и реальным миром. В сказке К. Коллоди «Приключения Пиноккио» кот предстаёт как отрицательный персонаж. Интересен образ Чеширского Кота из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Кот не характеризуется с какой-то положительной или отрицательной стороны, скорее является нейтральным персонажем, сопровождающим главную героиню по ходу сюжета. В роли помощника выступает ещё один известный кот из сказки Ш. Перро «Кот в сапогах».

В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Бегемот — многогранный и неоднозначный персонаж. Кот выступает не только в роли спутника Дьявола, но и является олицетворением силы, которая глумится над злом, исходящим от людей, их порочностью и неразумностью. Ещё один кот, олицетворяющий собой потусторонние силы, присутствует в рассказе Э. По «Чёрный кот». Здесь животное воплощает роковое предощущение страшной и неотвратимой смерти.

Итак, в литературе образ кота представлен в следующих ипостасях: 1) кот-помощник и защитник (в устном народном творчестве это русские колыбельные песенки «Приди, котенька-коток » и народные сказки, например, «Кот, дрозд и петух», «Кочеток, заяц да котик»; в литературных сказках образы Кота в сапогах, Чеширского Кота); 2) кот-злодей («Приключение Пиноккио»); 3) мистический кот («Руслан и Людмила», «Мастер и Маргарита», «Чёрный кот»). В целом, наблюдается разделение образов кота на две группы персонажей: «положительные» и «отрицательные», в таком распределении отражается двойственное отношение людей к этим животным, их загадочной природе и необычным повадкам. Образ кота репрезентирует множество черт и коннотативных оттенков: от предельно добрых до коварно-мистических.

Николай Дмитриевич Наволочкин, дальневосточный писатель (участник Великой Отечественной войны, почётный гражданин г. Хабаровска), создал совершенно неординарный образ кота в повести «Каникулы кота Егора» (1972). Это произведение наполнено светлым юмором, добротой и умными мыслями, обращёнными к читателям. Кот Егор сочетает в себе множество традиционных и сугубо индивидуальных черт.

Основу сюжета повести составляет приезд городского кота в деревню «на гостины». Это событие чрезвычайно волнует других героев повести: петуха Петю, старого пса Люкса, воробья и других животных, которые живут в деревне. Будучи сугубо городским жителем, кот Егор «очень, даже чересчур вежливый и воспитанный» [2, с. 5]; утро его проходило размеренно, он «неторопливо ел, слушал, как его похваливают, а потом, потянувшись, уходил на диван вздремнуть» [2, с. 5]. После завтрака Егор укладывался спать, в обед перекусывал с хозяевами и затем взбирался на подоконник, чтобы посмотреть, что делается на улице. На улице кот побывал всего один раз, это была получасовая прогулка, которая закончилось плачевно — он перепутал этаж и не мог найти свою дверь, после чего перепуганный гуляка на улицу не просился. Запомнилось ещё одно значительное событие из жизни Егора. Однажды мальчики со двора достали где-то белую мышку и принесли её в подарок коту Егору. Они думали, что он её быстро поймает, но ошиблись, ведь Егор не ловил мышей, а когда мышка «побежала на кота», то Егор «скаканул вбок, потом прыгнул на диван» [2, с. 9], попросту испугался. Образ воспитанного, умного кота не новый для русской культуры, сразу вспоминается учёный кот А. С. Пушкина: «…И днём и ночью кот учёный Всё ходит по цепи кругом; Идёт направо — песнь заводит, Налево — сказку говорит…» [5, с. 5]. В тексте повести Н. Д. Наволочкина Егор ходит не вокруг дуба, а вокруг ёлочки и просит её зажечься: «…Тогда из кухни пришёл Егор. Он встал на задние лапы,

ЭР00910

передние заложил за спину, точно так, как это делал мальчик, и стал ходить вокруг ёлочки. Походил он, походил, посмотрел на спящего мальчика и вдруг сказал: — Ну-ка, ёлочка, зажжись!..» [2, с. 70]. Будучи городским котом, Егор плохо перенёс поездку в деревню, это было для него настоящим испытанием, он «половину дороги орал» [2, с. 10], причём его мяуканье напоминало звуки транзисторного приёмника. В русской литературе есть образ кота, который, наоборот, ничуть не боялся поездок по городу, особенно в трамвае. Речь идёт о знаменитом Бегемоте: «…Кот оказался не только платежеспособным, но и дисциплинированным зверем. При первом же окрике кондукторши он прекратил наступление, снялся с подножки и сел на остановке, потирая гривенником усы. Но лишь кондукторша рванула веревку и трамвай тронулся, кот поступил как всякий, кого изгоняют из трамвая, но которому все-таки ехать-то надо. Пропустив мимо себя все три вагона, кот вскочил на заднюю дугу последнего, лапой вцепился в какую-то кишку, выходящую из стенки, и укатил, сэкономив, таким образом, гривенник» [1, с. 62]. Любопытно отметить, что внешнее описание этих двух персонажей очень схожее. Егор предстаёт перед читателем «большим чёрным котом, с синим бантиком на шее» [2, с. 13]. Бегемот показан «…громадным, как боров, чёрным, как сажа или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами…» [1, с. 62].

Но, если у М. А. Булгакова кот Бегемот — персонаж неоднозначный, обаятельный, но олицетворяющий собой демонические силы, то у Н. Д. Наволочкина кот Егор не имеет отрицательной коннотативной окраски. Даже в начале повести инстинкт хищника у Егора не пробуждён, впрочем, это не мешает воробью интуитивно бояться нового гостя: «…он [воробей] запыхался, был чем-то взволнован, быстренько юркнул в скворечник и уже оттуда спросил: — А он, кот этот, воробьёв ест?..» [2, с. 15]. В последующих главах кот задаётся целью поймать мышь, он считает это своей обязанностью, долгом, ведь удивить деда с бабкой талантами в виде кувырков, вставания на задние лапы у него не получается. Кот Егор приходит к выводу, что в деревне «коты ценились только тогда, когда они ловили мышей…» [2, с. 42]. Эту цель Егор выполняет на «отлично» в главе «Подвиг кота Егора», в ней герой ловит даже не мышь, он борется со зверьком, у которого «гибкая спина и белые острые зубы» [2, с. 56]. В конце сражения выясняется, что это был хорёк и крался он к курятнику, чтобы поживиться яйцами, а может, и курочкой.

Таким образом, кот в описанной ситуации выступает в роли защитника дома, его обитателей. Яркое воплощение такой ипостаси можно увидеть в русских народных сказках, одна из них называется «Кочеток, заяц да котик». В ней кочеток зовёт кота спасти его от лисицы: «…Вот и зовёт кочеток котика: Котинька-мотинька! Меня лиса тащит… Котинька, заступись! Мотинька, помоги! Котик из-под печки вылетел да вдогонку за ним. Догнал лису, шаркнул её лапой — она и покатилась, и мешок вырвался из лап…» [6, с. 64].

Хотя после такого случая кота Егора все зауважали, сам он остался собой недоволен, ведь поставленной перед собой цели он не достиг: «Опять не то, — думал он. — Когда же я поймаю настоящую мышь!» [2, с. 56]. Случай для достижения цели представился уже через некоторое время, «…он увидел, а может, просто почувствовал, как за поленницей что-то мелькнуло. В ту же секунду, совершенно не раздумывая, зачем он это делает, Егор бросился вниз. Лапы его сами схватили серенькую мышь. Егор знал — наконец-то он поймал настоящую мышь!...» [2, с. 59]. Этот пример наглядно характеризует героя, его основательность, целеустремлённость, серьёзное отношение к происходящим в жизни событиям. В главе «Галя идёт в школу» автор рассказывает о том, как девочка пошла в первый класс, а Егор преподнёс ей мышку в подарок, напутствуя её таким образом. Тему напутствия, сопровождения можно увидеть и в сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

Обитатели двора часто обращаются к Егору за советом, например, когда вылупились цыплята Пеструшки, их нужно было посчитать. Старый пёс Люкс умел считать до двух, петух Петя был необразован, поэтому обратились к коту Егору за ответом: « — Сколько будет два да ещё один? Подумал Егор, пожмурился, повилял хвостом и ответил:

— Много!

— Много, — обрадовался Петя. — Теперь у нас много цыплят!..» [2, с. 47].

Итак, образ кота, который создал Н. Д. Наволочкин, имеет положительную коннотативную окрашенность. Егору присущи традиционные черты, такие как: 1) защитник дома и своих друзей; 2) мудрый наставник; 3) хищник по своей природе. Индивидуальность образа заключается в том, что, будучи городским жителем, кот Егор проходит путь перевоплощения, он становится настоящим котом, по мере развития сюжетной линии в нём раскрываются «традиционные» черты, присущие персонажам-котам. Егор приобретает новых друзей, уже не боится дороги до деревни, в нём сосуществуют теперь два мира: «городской» и «деревенский».

ДВГГУ

Список использованных источников

1. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. — Санкт-Петербург : Лениздат, 2013. — 512 с.
2. Наволочкин, Н. Д. Каникулы кота Егора / Н. Д. Наволочкин. — Москва ; Санкт-Петербург : Речь, 2015. — 104 с.
3. Не пора ли баиньки? : [рус. нар. колыбел. песенки : для дошк. возраста / сост. Л. И. Александрова]. — Москва : Малыш, 1990. — [8] с.
4. Песенки : для дошк. возраста / собр. О. И. Капица. — [Москва] : Детгиз, 1935. — 23 с.
5. Пушкин, А. С. Руслан и Людмила / А. С. Пушкин. — Москва : Public Domain,1985 — 65 с.
6. Сказки. Кн. 1/ [сост. Ю. Г. Круглов]. — Москва : Совет. Россия, 1988. — 541 с.

Материал поступил в редакцию 20.09.2018 г.

Сведения об авторе: Лобанова Алина Андреевна, студентка 4-го курса факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: 680000, г. Хабаровск, ул. Гагарина, д. 2, кв. 93; e-mail: alina97lobanova@mail.ru; тел. (4212) 29-70-66.

ДВГНБ

ЭР00910

ТОЛЩИНА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

РОЛЬ ВУЗОВ В УКРЕПЛЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГОРОДАМИ-ПОБРАТИМАМИ — ХАБАРОВСКОМ И ХАРБИНОМ
(на примере Тихоокеанского государственного университета)

В статье рассматривается роль Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск) в деле сотрудничества и поддержания дружественных связей городов-побратимов Хабаровска и Харбина.

Ключевые слова: города-побратимы, Хабаровск, Харбин, ТОГУ, международные обменные программы.

Keywords: Twin towns, sister cities, Khabarovsk, Harbin, PNU, international exchange programs.

ДВГНБ

Согласно толковому словарю, «городами-побратимами называют населённые пункты различных стран, установившие непосредственные дружеские связи в целях укрепления сотрудничества между народами» [3]. Побратимы могут находиться либо в двух разных государствах, либо в одном, что случается реже. Статус побратимства означает взаимное признание и уважение городов-партнёров, вложение инвестиций в их развитие, укрепление культурных связей. Сотрудничество таких городов проявляется путём взаимного обмена знаниями и ресурсами в различных областях: обмена делегациями, художественными и спортивными коллективами, выставками, литературой, кинофильмами, фотографиями о жизни городов и информацией об опыте ведения городского и сельского хозяйства, туристического обмена, образовательных обменных программ и многое другое.

Вследствие своего географического положения ещё на начальном этапе истории Хабаровска наиболее тесные связи город поддерживал и продолжает поддерживать со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. На рубеже XX–XXI веков значительную роль в экономическом развитии Хабаровска стали играть именно города-побратимы, которых на сегодняшний день насчитывается шесть: Ниигата, префектура Ниигата, Япония (с 1965 г.); Портленд, штат Орегон, США (с 1988 г.); Виктория, провинция Британская Колумбия, Канада (с 1990 г.); Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай (с 1993 г.); Пучхон, провинция Кёнгидо, Южная Корея (с 2002 г.); Санья, провинция Хайнань, Китай (с 2011 г.) [1].

Хабаровск и Харбин поддерживают дружественные связи на протяжении многих лет. Это обусловлено рядом исторических, геополитических и культурных факторов. Во-первых, история Харбина тесно связана с историей нашей страны. Город начал «обживаться» русскими ещё во время строительства КВЖД. До того, как Российская империя начала прокладывать через Харбин железную дорогу, этот город представлял собой лишь небольшую деревню. Во время Октябрьской революции и Гражданской войны в России около 200 тысяч участников белого движения иммигрировали в Харбин. В этот период город принимает русский облик, особенно актуальным становится словосочетание «русский Харбин», здесь строятся православные церкви и храмы. В 1990-х годах из России в Харбин вновь стали приезжать люди, уже не имевшие отношения к строительству КВЖД и к волне эмиграции 1920-х годов. По разным данным, на 2015 год в городе проживало постоянно или временно около 2 500 – 3 000 граждан России и стран бывшего СССР [2, с. 113].

Во-вторых, из 4 300-километровой границы с Россией 3 038 километров приходится на провинцию Хэйлунцзян, названную так по приграничной реке, известной в России как Амур. Административным центром провинции является город Харбин. Основные реки — Уссури и Амур, а также озеро Ханка находятся на границе с Россией. Такое приграничное положение обуславливает развитие торговли, экономического, научного и технологического сотрудничества в целом провинции с соседствующим Хабаровским краем [5].

Первые два фактора приводят к тому, что интерес к русскому языку и культуре в целом в Харбине весьма велик. Как следствие, осуществляется изучение русского языка в вузах Харбина, и выстраивается совместное экономическое сотрудничество не только городов-побратимов, но и всей провинции Хэйлунцзян. Например, в январе 2005 года мэр Хабаровска Александр Соколов и мэр Харбина Ши Чжунсинь подписали Соглашение о создании Международного комитета по сотрудничеству между этими городами-побратимами [8]. А значит, Харбин и Хабаровск являются центрами подготовки кадров для обоих городов-побратимов.

В рамках сотрудничества немаловажную роль играет Тихоокеанский государственный университет, так как он является крупным научным и учебным центром не только города Хабаровска, но и всего Хабаровского края. ТОГУ ведёт активную международную деятельность, сотрудничая более чем со 130 зарубежными партнёрами из 15 стран мира. Наибольшее число контактов приходится на ближнее зарубежье Дальнего Востока России — страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Конечно же, среди вузов — партнёров ТОГУ есть харбинские университеты. На сегодняшний день ТОГУ сотрудничает с восемью вузами города Харбина, с такими как: Хэйлунцзянский институт иностранных языков, Хэйлунцзянский научно-технический университет, Хэйлунцзянский университет, Харбинский институт иностранных языков, Харбинский научно-технический университет, Харбинский политехнический институт, Северо-восточный сельскохозяйственный университет, Северо-восточный университет лесного хозяйства [7].

Сотрудничество с перечисленными вузами осуществляется по ряду направлений. Основным, несомненно, являются студенческие обменные программы, в рамках которых бакалавры, магистры и аспиранты имеют возможность пройти как стажировку, так и полноценное обучение в вузе-партнёре. Так, из всех харбинских вузов-партнёров ТОГУ Харбинский научно-технический университет является основным в области обменных языковых программ, участвуя в которых студенты получают возможность изучения языка принимающей стороны. Согласно данным ТОГУ, каждый год в обменных программах принимают участие от пяти до восьми человек с обеих сторон. Например, за весь 2014 год количество студентов ТОГУ — участников обменных программ с Харбинским научно-техническим университетом составило восемь

ДВГНБ

ЭР00910

человек. Количество иностранных студентов харбинского вуза, обучающихся в ТОГУ, за весенний и осенний семестры 2014 года составило по четыре человека. Однако в 2017 году число отправленных за границу студентов снизилось до пяти человек, а количество иностранных студентов — до шести. Таким образом, можно отметить, что потенциал в сфере обменных программ полностью не реализован.

Также каждый год ТОГУ информирует студентов о грантах правительства КНР на обучение в магистратуре, помогает им в оформлении документов, благодаря чему от четырёх до восьми студентов в год уезжают в Харбин для продолжения обучения, но уже не в качестве студентов ТОГУ.

В интересах экономического развития особое внимание уделяется совместной подготовке российских и китайских студентов по программам бакалавриата по направлениям «Экономика» — в Харбинском политехническом институте; «Менеджмент» — в Северо-восточном сельскохозяйственном университете; «Лингвистика (русский язык)» — в Хэйлунцзянском научно-техническом университете. По договору о взаимном сотрудничестве с Северо-восточным сельскохозяйственным университетом планируется совместное создание Центра русского языка и культуры в СВСХУ и Центра китайского языка в ТОГУ[1].

Ежегодно организуются научно-образовательные визиты китайских студентов в университеты России в целях создания платформы для проведения исследований, наблюдений, обсуждений, укрепления взаимопонимания между регионами. Так, 13 июня 2017 года Тихоокеанский государственный университет в рамках реализации проекта «Летний обменный лагерь молодых учёных — Малый спутник Харбинского политехнического университета (ХПУ) XII» посетила делегация студентов и преподавателей из семи университетов КНР [7]. Все вышеуказанное способствует подготовке новых рабочих кадров, отвечающих потребностям современного информационного общества.

Сотрудничество также осуществляется и в других сферах. Так, с вузами-партнёрами заключены договоры, в которых указаны направления сотрудничества в области проведения совместных исследований, лекций, семинаров, симпозиумов. Можно особенно выделить Северо-восточный сельскохозяйственный университет, по договору с которым происходит расширение сотрудничества в области образования и культуры, укрепление роли СВСХУ в преподавании русского языка и культуры в регионе и усиление международного воздействия на университетскую корпоративную культуру в СВСХУ. В рамках данного направления сотрудничества с СВСХУ с 2014 года работает летняя школа русского языка, организатором которой выступает Управление международной деятельности ТОГУ.

Для поддержания взаимовыгодного сотрудничества и планирования новых совместных проектов регулярно осуществляются визиты и встречи представителей вузов-партнёров. Так, 19 июня 2017 года делегация Тихоокеанского государственного университета во главе с ректором, профессором Сергеем Иванченко, находившаяся в Харбине (КНР), посетила два ведущих китайских вуза-партнёра — Харбинский политехнический университет и Хэйлунцзянский университет. Во время встречи обсуждались направления дальнейшего сотрудничества, «в том числе по космическому мониторингу и дистанционному зондированию Земли, робототехнике, материаловедению, экологии, строительству, по китайскому участию в развитии ТОСЭР и особых экономических зон на Дальнем Востоке, а также вузовских технопарков. Рассматривался вопрос и по расширению молодёжных образовательных (в том числе связанных с внедрением сетевых технологий обучения на английском языке), культурных и спортивных обменов, проведению летних школ и студенческих лагерей» [4].

Для поддержания обмена знаниями в различных областях науки в ТОГУ проводятся международные научно-практические конференции и форумы, в которых традиционно принимают участие преподаватели вузов Харбина. Темами конференций обычно становятся лингвистика, литература и межкультурные коммуникации. Так, в 2010 году тема первой Международной научно-практической конференции, посвящённой Году китайского языка в России, звучала как «Инновационные компетенции и креативность в исследовании и преподавании китайского языка и культуры». А в 2013 году— «Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.».

В последние годы ТОГУ становится площадкой для осуществления различных программ в сфере научно-технического сотрудничества. Так, например, 3 сентября 2017 года в Харбине состоялся «Международный форум промышленного развития российско-китайских “больших данных” 2017». «Большие данные», или «Big data» — это совокупность методов, подходов, инструментов, обработки большого массива разнородных структурированных и неструктурированных данных [9]. Площадками для совместной работы были определены: от России — Тихоокеанский государственный университет, от Китая — Харбинская зона техноэкономического развития.

Общее историческое прошлое городов-побратимов является платформой для проведения совместных мероприятий, посвящённых событиям Второй мировой и Великой Отечественной войн. Так, с 2012 года студенты

1 Точные даты открытия центров не указаны, но известно, что с 2014 года студенты СВСХУ посещают летнюю школу русского языка в ТОГУ, организатором которой выступает Управление международной деятельности ТОГУ.

ЭР00910

ДВГНБ

ТОГУ, участники волонтёрского движения «Цветы Памяти», посещают Китай, разыскивая и приводя в порядок памятники и захоронения советских воинов, погибших при освобождении Маньчжурии от японских оккупантов в августе-сентябре 1945 года на завершающем этапе Второй мировой войны. В маршрут поездки вошёл и город Харбин. Помимо увековечивания памяти советских воинов, одна из основных целей проекта — упрочнение дружбы народов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Проект даже был презентован мэру Хабаровска Александру Соколову и полномочному представителю Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Юрию Трутневу.

В завершение стоит ещё раз подчеркнуть, что роль ТОГУ в поддержании дружественных связей и развитии отношений между городами-побратимами Хабаровском и Харбином, несомненно, велика. Однако пока ещё не все пункты договоров о сотрудничестве с харбинскими вузами-партнёрами реализовываются в полной мере, а значит, в данном направлении возможно расширение связей, есть перспектива для дальнейшего сотрудничества.

Список использованных источников

1. *Города-побратимы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации г. Хабаровска. — Режим доступа: https://www.khabarovskadm.ru/tourism/turisticheskiy-khabarovsk/goroda-porbatimy/index.php?ELEMENT_ID=109647 (дата обращения: 10.02.2018).*
2. *Гончаренко, О. Г. Русский Харбин. / О. Г. Гончаренко. — Москва : Вече, 2009. — 256 с.*
3. *Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; С.-Петерб. гос. ун-т. — Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. — 700 с.*
4. *Пасмурцев, А. Плодотворные встречи делегации ТОГУ с китайскими партнерами в Харбине [Электронный ресурс] / А. Пасмурцев // Тихоокеанский государственный университет. Новости и события. — Режим доступа: http://pnu.edu.ru/ru/news/2017-06-21-partner/ (дата обращения: 13.02.2018).*
5. *Регионы Китая. Хэйлунцзян [Электронный ресурс] // Энциклопедия китайских регионов. — Режим доступа: http://russian.china.org.cn/russian/79238.htm (дата обращения: 12.02.2018).*
6. *Старосельская, Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая / Н. Д. Старосельская. — Москва : Молодая гвардия, 2006. — 373 с.*
7. *Тихоокеанский государственный университет [Электронный ресурс] : офиц. сайт. — Режим доступа: http://pnu.edu.ru (дата обращения: 12.02.2018).*
8. *Хабаровск и Харбин развивают сотрудничество [Электронный ресурс] : пресс-служба администрации Хабаровска для Информационного агентства REGNUM // Информационное агентство REGNUM. Новости. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/386833.html (дата обращения: 12.02.2018).*
9. *Черняк, Л. Большие данные — новая теория и практика / Л. Черняк // Открытые системы. СУБД. — 2011. — № 10. — С. 1.*

Материал поступил в редакцию 23.04.2018 г.

Сведения об авторе: Толщина Анастасия Александровна, студентка 1-го курса Института социально-политических технологий и коммуникаций (специальность «зарубежное регионоведение») Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактная информация: e-mail: tolshhinaa@bk.ru.

ДВГНБ

ЭР00910

Информация для авторов

Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикаций отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и списков.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии). Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух и более номерах журнала.

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание, на русском и английском языках.

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. понятий, используемых в статье, на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

– фамилия, имя, отчество;
– занимаемая в настоящее время должность и место работы;
– учёная степень;
– учёное звание;
– контактный телефон (рабочий, мобильный);
– e-mail.

Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточниками.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем внимание авторов на соблюдение ряда **требований при наборе текста**:

• Необходимость использования буквы **ё.**

• Правильное применения **дефиса** (-), тире (–) и длинного **тире** (—):

Дефис (-) — орфографический знак переноса, который разделяет части слова. Графически дефис короче тире. Он делит слово на слоги при переносе на новую строку, а также делит части составных слов, например: юго-запад, Мамин-Сибиряк, Ростов-на-Дону. Также через дефис пишутся сокращения *о-во* (общество), *д-р* (доктор) и т. д. Дефис используется для присоединения некоторых приставок или частиц к слову: скажи-ка, по-английски. Через дефис пишутся частицы -то, -либо, кое-, -нибудь.

Дефис пишется слитно со словами как предшествующими ему, так и с последующими.

Тире (–) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре, а длинное тире (—) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ Alt +знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре.

Тире ставится между цифрами (без пробелов), например, 5–10; 2013–2014 годы, XIX–XX века. Пробелы ставятся в том случае, когда тире стоит между цифрой и словом, например: начало 2013 – конец 2014 года.

В остальных случаях ставится **длинное тире** (—), которое от окружающих слов отделяется пробелами.

При маркировании списка в тексте используются не дефисы, а только тире.

Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

• список помещается в конце статьи;

• в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;

• в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;

• далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);

• если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке также в алфавитном порядке;

• в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];

• нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

ДВГНБ

ДВГНБ

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Предпечатная подготовка и печать
ООО «Омега-Пресс».
Хабаровск, ул. Промышленная, 8б.
Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Заказ № 1450.
Тираж 380 экз.
Цена свободная.

ЭР00910